

АЛЕКСАНДРА ЛИМОВА

СТАТУС КВО

Она — пламя, он — лед.

Она — прима, но не балета, о нет. Прима золотой молодежи. Классическая представительница, проживающая, а скорее прожигаящая свою жизнь и ей все это нравится.

Он — спокойный, холодный и расчетливый хищник, привыкший во всем добиваться нужных ему результатов.

Они несовместимы, это очевидно. В сложившихся обстоятельствах, вынудивших их столкнуться это отчетливо заметно. И их война будет недолгой.

Глава 1

— В отель? — хриплым шепотом мне в ухо, а биты, долбившие по перепонкам, этот самый шепот все же перебивает.

Я, прищурившись, отстранилась от моего ухажера и оценивающе разглядывала восточного детину, весь вечер обжимающегося со мной. В принципе... можно. Плечи широкие, глаза красивые, одежда не плоха, пахнет приятно, танцует неплохо. Глотнув шампанского, кивнула.

Что порадовало, водитель мужика (дай боже памяти на его имя, которое я никак не могла вспомнить сквозь алкогольный туман), отвез нас в неплохой отель. Не топ, конечно, но и не средний класс. Несколько минут на оформление и люкс в нашем распоряжении.

Ажурная маска, как дань тематическому вечеру в «Блейзе», прекрасном клубе нашего города, сорвана с моего лица и отброшена куда-то в сторону. Что особенно нравится, он подхватил меня на руки с порога номера. Несколько шагов в сторону спальни и мое опьяненное тело врезается спиной в мягкую перину. С удовольствием смотрю на зрелое, подкаченное тело, упарившееся коленом к край постели, между моих вульгарно раздвинутых ног. Приподнявшись на локтях, склонив голову, довольно улыбаюсь, разглядывая мужика. Алкоголь и никотин в крови знатно тормозят возбуждение от его темного взгляда.

— Хороша, сучка... — хриплый баритон, подстегивающий возбуждение, и он встает на колени между моих ног, пальцами пробегаясь по звучно расстегивающимся клепкам своей рубашки.

— Опа... — сфокусировала так и пытающийся размыться взгляд на плечах, с которых только что спала ткань, представив пред мои не совсем ясны очи ужасающее зрелище полностью заросших плеч и груди. — Опа-па-па... Прости, мужик, но ты волосат.

— Чего? — он изумленно вытаращил карие глаза, глядя как я деловито и слегка пьяно покачиваясь быстренько от него отползаю и осматриваюсь в поисках выхода.

— Чего-чего... — возмущенно буркнув, я с трудом встала на ватные ноги и бросив оскорбленный взгляд на мужика, пояснила, — как будто с медведем... Я не зоофилка, вот чего. Ты брейся что ли, или эпилируйся, а то под шерстью кожи не видно.

— Ты... ты...

— Да-да, вообще охреневшая. — Подхватив валяющийся у кровати клатч и нетвердо ступая на шпильках, быстро марширую к выходу, пока волосатый не опомнился.

Опомнился он, когда я уже гарцевала на середине коридора, осматривая поврежденные тесемки кружевной маски. Подняла разочарованный взгляд и у меня невольно отпала челюсть.

По коридору навстречу мне шагал высокий, поджарый короткостриженный блондин, с каменным выражением лица роящийся в мобильном. Шаг ровный, твердый, уверенный, неторопливый. С какой-то... непонятной, неосязаемой звериной грацией и холодом. Что-то дикое, навевающее ассоциации с тигром. Тёмно-синяя приталенная рубашка, заправленная в классические брюки и, о боже, просто великолепные лаковые туфли. Но это я отметила вскользь, ибо он поднял на меня взгляд насыщенно-серых глаз и меня прострелило навывлет, заставив тело сбиться с шага, а сердце с ритма.

Правильные, может быть, чуть резковатые черты лица и высокие, выделяющиеся скулы снова дали ассоциацию с чем-то звериным. И снова вскользь. Потому что я не могла отвести взгляд от ледяных глаз, цвета стали, чистой, без примесей. Такая насыщенность, переливчатость оттенков и отблесков нового металла... Охренеть, какой экземпляр.

— Эй, сука! — окликнул меня несостоявшийся любовник, нарушая затяжной миг паралитического наслаждения от вида незнакомца, тут же метнувшего взгляд за мое плечо в конец коридора, и меня пробрала дрожь от того, как заиграли тенями его глаза.

— Спаси меня, мой рыцарь! — вполголоса взмолилась я, когда между нашими идущим навстречу друг другу телами оставалось чуть меньше шага.

Ироничная полуулыбка и зверюга остановился, вынуждая меня сделать то же самое. Он заинтересованно заскользил взглядом по моему телу и улыбка его стала отчетливой.

— Цена вопроса? — голос... высокомерие, прохладное, переходящее, разложенное на тоны.

Боже, мама, я влюбилась. На вечерок.

— Ну, хер знает, рубля полтора? — Прикинула я, с трудом отрывая взгляд от его лица, чтобы оглянуться на неторопливо вразвалочку приближающегося к нам медведя.

— Интим прилагается? — да ну нахер! Даже виться вокруг него не надо! Но я же девочка, мне положено поломаться... Ой, а друг он передумает?

— В принципе, на разок тебя можно. — Губы пересыхают, когда я иду взглядом по его телу и чувствую, как мгновенно подавляется опьянение алкоголем, опьянением эстетического удовольствия. Шик, роскошь, совершенство, лед.

Его губы трогают прохладная усмешка и мое сердце снова ошибается с тактом. Безупречен. Просто безупречен. Умеет же природа, мать вашу...

— Заметано. — Он берет меня под локоть и, распахнув магнитным ключом ближайшую дверь, без особых церемоний впихнул меня в проем открытой двери, шагнув следом и мгновенно захлопнув ее за нами.

Вот тебе и рыцарь. А как же смертельная битва за прекрасное дамское сердце?

Я обернулась, чтобы праведно возмутиться, но невольно застыла, глядя как он вставляет карту в приемник у двери и номер мгновенно освещается. Твою ж мать...

Мужик, чуть приподняв подбородок, облакачивается спиной о дверь, засунув руки в карманы брюк, и, приоткрыв сухие губы, медленно, с удовольствием повторно скользит взглядом по моему телу. Медленно, но верно и неизбежно проступающим томлением в темно-серых глазах и пускающих его мне под кожу. Странное чувство, но упоительное до беспредела. Или я все-таки перепила.

Глаза в глаза. Красив, подлец и взгляд мерзавца, и вроде бы подобная тема пройдена, но... ощущение дурмана в голове. Голод пробуждается и пока игриво кусает сначала вены, медленно перетекая по ним от туманящегося под его взглядом, вниз, к ногам. Сука, никогда так не реагировала. Даже охеренно красивых мужиков. Здесь же одним взглядом заводит...

— И-и-и? — усмехаюсь, пытаюсь затолкать на дно совсем другие слова, с которыми хочется преодолеть расстояние между нами и укусить эти полуусмехающиеся губы, чтобы потом зализать укус... Скрестив руки на груди, оперлась плечом о стену недлинного коридора и вернула ему усмешку в негромком голосе. — Чего это такое было?

— Спасение. — Фантастическая полуулыбка, с трещащей льдом иронией и глаза снова играют металлическим оттенком. Становится труднее дышать. Хочется чаще. Кажется, что воздуха мало и он горячий. — Где мои полтора рубля и обещанный секс?

Эка, пряткий какой. Хваткий малый. С благородством, очевидно, проблемы. Но без секса я от такого бы и не ушла. От такого бы точно не ушла.

— А ты гол как сокол? — поинтересовалась я, чуть прищурившись, и застыв взглядом на широких плечах. Не таких, как у несостоявшегося любовника, но именно таких, в которые хочется впитаться ногтями и оставить свои следы.

— Что? — недоуменно приподнятая бровь и прохладная улыбка, от которой так странно и так быстро горячит кровь.

— Плеч-хрудь у тебя лысые, нет?

— Лысые. — Кончик языка по нижней губе, и я с трудом сглатываю.

— Ладно, уговорил. — С трудом отвожу взгляд и, стараясь не особо шататься, пошла вглубь номера. Остановливаясь у комода и порывшись в клатче выудила купюры. Бросила почти небрежно, и, отложив на лакированную поверхность клатч, в два шага приблизилась к кровати.

Сев на край постели, царственно и грациозно, скрестила ноги и откинулась на локти, склонив голову и не отводя взгляда от гипнотических глаз. Заинтересованно подошедшего следом за мной комоду мужика и с фырканьем посматрившего на деньги. Когда он обернулся и снова прошиб меня взглядом, беззвучно, пересохшими губами шепнула «подойди». Тигру не понравилось. В комнате разом веет холодом. Что только сильнее подогревает кровь. Он прищуривается. Прищурилась в ответ, и пробежалась языком по нижней губе. Его взгляд за этим движением и... явно безотчетный, но все же шаг. Усмешка, взгляд сквозь ресницы и еще шаг. Застывает передо мной, коленом касаясь моих. Дразнящее такое прикосновение, легкое. Смотрю в глаза и чувствую, будто и не пила этим вечером. Ясно все вокруг. Холодно. И горячо от этого холода. Горячо так, будто бы он уже касался, уже возбуждал... Сука, не могу больше терпеть. Что за херня творится-то, Ксения Егоровна? Мысль мелькнула и исчезла в нетерпеливых тенях, кутающих разум в отчетливое возбуждение просто от его вида, просто от прохладного, ироничного взгляда, просто от прикосновения его колена к моим ногам...

Выпрямилась, сев на постели ровно и потянула пальцы к пряжке его ремня. Клянусь, он на мгновение даже растерялся. Всего лишь мгновение, но вот этого вообще не стоило делать. Мне нельзя давать поводы издеваться, ибо склонность к сарказму и провокациям у меня превалирующие качество над всеми остальными. Поэтому возбуждение было отодвинуто на край сознания, на трон моего разума посажен тролль, за которого я в своей жизни неоднократно огребала по серьезному, но изгнанию он не подлежал вообще. Погано ухмыльнувшись, коснулась пряжки уже совсем с другой целью и словами, чем те, которые планировала изначально сказать, пока мне не дали повод:

— Чего там по метражу у тебя? Дай посмотрю.

— Нормально у меня там все, блядь... чудо, руки убери. — Лед в голосе и он стиснул до боли мои пальцы. Но я была неумолима, прикусив от усердия кончик языка, вырвала-таки

свои кисти из хвата длинных пальцев и снова потянулась к его ремню. — Чего, стесняешься что ли? Один хер увижу. Чего там? Показывай, давай, за что я тебе полтора рубля отстегнула? — И он неожиданно расслабился, прохладно улыбнувшись, когда я подняла на него взгляд, но отступать мне некуда, хоть и спесь я потеряла. Что, в общем-то, было не стандартно, ибо мало кто такого от меня добивался. Но я была еще и очень упрямой, поэтому, нагло улыбнувшись, спустила — таки с него брюки и неподдельно восхищенно присвистнула. — Ох нихуя... и это еще не в рабочем состоянии, да? Ну, охренеть. Мужик, если еще пользоваться умеешь, то я тебе доплачу, однозначно! А то знаешь, бывает природа одарила, а таланта никакого... и наоборот тоже бывает. Божечки, мужик, будь из идеальной золотой середины!

— Чудо... ты вообще кто? — высокомерие в голосе явственно отразило недовольство с эхом раздражения. Видимо, он предполагал, что я и дальше засмущаюсь, когда он прекратил сопротивление, и такого моего натиска с последующим неподдельным восхищением вообще не ждал.

— Рабовладелица твоя. Гляди. — Пыталась ему помешать натянуть одежду, кивком указав в сторону комода. — Сделка оплачена, а значит, вступила в юридическую силу, — глумливо захихикала я, — плюсом пятихатка за мотивацию — все-таки внушительный у тебя инструмент. Чтобы старался. Если мне понравится, я тебе в двойном размере заплачу...

— Да ты охуела, мать... — скрежет льда в голосе и резкий толчок в плечо, заставивший меня тяжело рухнуть на спину на постели. Но, в принципе, удобно. Да и устала я чего-то. Все-таки перепила.

— Не без этого. — Со значением приподняла большой палец и уронила руку на постель, скосив глаза глядя как шикарная задница идет к минибару. — Ты чего там тормозишь? Я ж сейчас усну, отработывай баблишко давай. — Меня удостоили презрительным взглядом, пока наливали себе коньяк, заставив меня развеселиться и с придыханием продолжить. — Ну, поехали. Жги, мой тигр. Я все твоя! На эту ночь. В смысле, ты мой, это же я тебе заплатила... Не суть. Где моя страстная ночь жгучей страсти и любви?

Мужик закатил глаза и хлопнул коньяку. Я не удержавшись, гыкнула. Заставив его еще раз налить себе алкоголя, но уже больше.

— Ты кто, чудо? — с грустью спросил он, оставив на столешницу бокал и снова засунув руки в карманы, изучая взглядом мое тело, сотрясающееся от едва сдерживаемого хохота. — Не эскорт, манеры не те. Одета дорого и со вкусом, парфюм хороший, брюлики, цацки брендовые. На часы мои профессиональным взглядом не смотрела, значит не из охотниц. Наглости выше крыши, уверенности тоже, соответственно за спиной тяжелая артиллерия, если по зубам выхватишь за борзое поведение. Так кто ты?

— Херасе, ты могёшь... — Одобрительно посмотрела на него я. — Ну, одежда ладно, про эскорт тоже уточнять не буду, а вот то, что ты про цацки сказал... ну странно, что мужик в этом сечет.

— Браслет от Картье, — ответил он поморщившись и пытаюсь заморозить меня взглядом, но только вызывая этим мое безудержное веселье. — Девушке такой же дарил.

— По классике? С этой истинной традицией имею в виду? — Настороженно спросила я.

Он усмехнулся, повторно закатил глаза, всем своим видом выказывая презрение, но только вот секундное досадное подергивание уголка губ выдало положительный ответ, что значительно охладило мой пыл и в сарказме и в вожделинии, уже противоборствующих на

троне сознания.

— Деву-у-ушке? Изменяешь ей, коварный? — Прохладно улыбаюсь, снова садясь на постели.

— Так-то еще тебя не трахнул. И думаю, а надо ли он мне. Хотя мороки от тебя вроде бы быть не должно.

— Не особо и раздумывай, мой коварный рыцарь. Я с занятыми не хуевертлю.

— Да ла-а-адно? — очень похоже передразнил мою интонацию. — Неужели принципы все-таки есть?

— Скорее психологическая травма. — Не скрывая раздражения, ответила я, предупреждая улыбнувшись и с нажимом глядя на него.

Его глаза снова заиграли всеми оттенками стали. Промедлил секунду, усмехнулся и отодвинул ворот рубашки, продемонстрировав отсутствие цепочки с отверточкой.

— Молодой был, глупый. — Прохладно улыбается, испытываясь глядя мне в глаза. — Очень глупый и просто до безобразия романтичный. Аж стыдно. Не рассказывай никому.

Насмешливо фыркая и падаю обратно на постель, приглашающе похлопав ладонью рядом с собой. Медлит пару мгновений, подхватывает бутылку и... мою ажурную маску. Интересно-то как...

— Мне надо в душ. — Мягко улыбнулась, когда он сел на край постели полубоком, оставив одну ногу на полу и отставив бутылку, прохладно усмехнувшись, поманил меня пальцем поджигая мою кровь этим ненавязчивым, но отчетливо властным движением.

Фыркнул, склонив голову и изучая взглядом мое запрокинутое лицо. Кивнул, достав из кармана телефон и потянувшись за бутылкой.

На каблуках в ванну, сбрасваю их на кафель с громким стуком. Открыла воду, мурлыча мотив любимой песни и почти не удивилась, заметив в отражении зеркала над раковиной его, оперевшегося плечом о косяк двери, держащего в опущенной вдоль тела руке бутылку.

— Мой рыцарь не откажется помочь? — лукаво улыбнулась его отражению, перекидывая волосы со спины на грудь и открывая взору спину, затянутую в мягкий креп платя.

Снова прохладная усмешка, глаза насыщаются оттенками предгрозового неба и он идет ко мне. Стук бутылки, опущенной на мрамор столешницы, глаза в глаза в отражении. И медленное движение длинных пальцев, водружающих маску на мое лицо. Завязывает тесемки на затылке, полуулыбаясь и глядя на мои губы. Пальцы медленно от затылка к шее, по ней с нажимом вниз, сбивая дыхание. Касаются молнии и медленно тянут ее язычок вниз, коже за ним по открывшейся коже ногтем. Безотчетно вздрогнула и с трудом сглотнула, не в силах оторваться от гипнотических глаз в отражении.

Мгновение и ткань соскальзывает по моему телу на пол, открывая его взору комплект черного кружевного белья. Нижняя часть которого намокла от зрелище стремительно тающего льда в глубоких, серых глазах. Лед таял в темные воды искушения и соблазнения. Именно так выглядит грех. Не оставляющий шанса.

Его первое прикосновение к моему телу — рука ложится на живот и по коже будто электрический разряд. До боли, до онемения, до вспенившейся крови. Снова сдает выдержка. Поворачиваюсь резко и тянусь к пересохшим губам. Сразу размыкает зубы и давит горячим языком на мой, срывая все тормоза. Подаюсь вперед, вжимаюсь грудью, обхватив его голову руками и снова рывком к себе, делая поцелуй глубже. Толкает назад, к стойке с раковиной. Кожу ягодиц жгет прохладный мрамор, подстегивая желание вжаться в

него всем телом. Чуть приседает, подхватывает под колени, вжимает в себя, заставив обхватить его бедра ногами и сходить с ума от ощущения сильных пальцев сжимающих ягодицы. Изнывая под его настойчивыми, жесткими губами, пропускаю момент, когда он вместе со мной перемещается обратно в номер. Еще мгновение и глухо взвизгнув падаю на спину на кровать и замираю.

Он стоит в изножье, смотрит. Дыхание учащено, глаза почти черные, губы... Подбрасывает на постели, заставляя встать на колени и впившись в плечи тяну его на себя рывком, одновременно припадая к губам и впитывая сорванный вздох, растворившейся в горячей крови удовольствием.

Падает на меня, успевая опереться рукой над моим плечом и не придавить сильно. Целует еще глубже, вторая рука скользит по ребрам вверх и сжимает кружево на груди, срывая стон от тяжести осевшей внизу живота в ответ на это движение и сознание меркнет, уступая ревушим почти животным инстинктам. Мои пальцы, дрожа и сбиваясь, расстегивают его пуговицы. Раздражается, что слишком долго — отстраняет мои руки почти грубо, приподнявшись и сверкая недовольством в жарких тенях глаз.

Огорченно морщусь, ибо любое его отдаление — спад горячего безумия на дно которого я с таким желанием погружаюсь. Тянусь к нему, обвивая руками и ногами, почти сбрасывая рубашку, сильно толкает в плечо, вынуждая снова упасть на постель. Порываюсь подняться, сцепив зубы, сдерживая злой мат от того, что моя жажда только растет, а он не дает мне насытиться. Руку с моего плеча не убирает и вжимает в постель рывком, грубо, с силой. Это заводит еще сильнее, хотя, казалось бы, куда уж дальше?..

Возмущенно отпихиваю его руку, напрягая ноги, обхватывающие торс, придвигая такое сильное, такое горячее тело к себе. Прохладная усмешка и снова сопротивление. Написает сверху, все так же вдавливая меня в постель но уже двумя руками и за обои плечи.

Сорвано выдохнула сквозь сцепленные зубы, обхватывая ногами теснее, втискиваясь в него нижней частью тела. И получила в ответ один мощный, беспощадный рывок его бедрами, от которого в сознании помутилось. Тянущее удовольствие по сузившимся сосудом, инстинктивно запрокинутая голова и стон с губ от... сумасшедшего удовольствия. Опустился сверху, вжимая, вдавливая собой, с тихим смехом мне в висок, от которого я дурею. Начисто просто.

Поворачиваю голову, пытаюсь поймать его полуулыбающиеся, такие необходимые моему сгорающему телу губы, а он, сука, отстранялся!

— Да хватит, блядь! — разъяренно выдала я, пытаюсь притянуть его за голову но мои руки тут же перехватили и свели над головой, втиснув в простыни. — Хватит издеваться, я сказала!

— Да ну? Тебе не нравится? — фальшивое удивление в таком надломленном от возбуждения голосе.

Сука, лучше бы вообще молчал, ибо это звучание этого голоса так ударило по мозгам, что я вообще перестала что либо соображать. Я подалась вперед, укусила его за плечо, вызвав его гневное шипение, и резкое движение вперед бедрами. От которого совершенно потерялась в ответном взрыве тела.

— Не смей, поняла меня? — убрал одну руку, удерживающую мои кисти над головой и до боли сжал мой подбородок. Свободной рукой обвиваю его плечо и улыбаясь делаю, что так хотела — впиваюсь в плечи, чтобы получить почти рык, — не смей, я тебе сказал!

В ответ невольно щерюсь и у него будто слетают тормоза. Впивается в мои губы жестко,

до стука зубов, до нехватки дыхания, до боли. Мгновение — срывает маску, которая запуталась в волосах и я взвыла ему в губы до трезвящей боли. В ответ новое движение бедрами и я снова теряюсь и забываю обо всем кроме своего сгорающего мира.

Отстраняет руки, отстранение от моего напряженного до предела тела, секундная задержка, щелчок пряжки.

— Защита... — моим тихим, срывающимся шепотом.

— Само собой. — Протянув руку, взял серебристый квадратик презерватива с прикроватной тумбочки.

Еще несколько тянущихся мгновений на избавление от одежды, разрыв упаковки и снова нависает, надо мной, обжигая дыханием губы. Пальцы отодвигают безнадежно намокшую ткань моего белья, прислоняется, но не двигается. Скотина.

Мое тело елозит, просит, злится от дразнящих прикосновений. Лицо кривится, прикусываю губу, чтобы не начать умолять улыбающуюся сволочь.

— Попроси. — Да он охуел!

Мучительно смотрю в темные глаза с отблесками адского пламени и прикусив губу до боли, которая совсем не трезвит сгорающее сознание, готовое выдать хоть молитвы и дарственную на все мое имущество, отрицательно мотаю головой.

— Какое упрямое чудо... — сам же, садюга, на грани, это прекрасно видно. Прислоняется отчетливее, вырывая у меня хриплый стон, но снова уводя бедра, когда я пытаюсь дернуться навстречу. — А если так? — чуть входит и замирает, погружая меня просто в ад.

— Прошу... — стоном с губ, мольбой тела.

— Не расслышал... — тварь.

— Прошу-у-у...

Хриплый довольный выдох в мои покусанные губы и резкое движение бедрами, пускающее под откос мою уверенность, что я знала о сексе многое. Нихера я, оказывается, не знала.

В теле взрыв. На каждое резкое, вбивающее движение взрыв. С каждым разом все большей силы взрыв. Сметающий, сжигающий и так ничего не понимающую меня.

Вжимает в себя, втискивает, затрудняя и так сорванное дыхание, но пробуждая ответный инстинкт вжаться, резонансно затрудняя движения и придавая большую насыщенность ощущениям. Мышцы сведены до предела и я накатывает отчаяние от предупреждающей ноющей боли в бедре — грядет судорога и пизда райскому аду, который со мной он сейчас вытворяет. Всхлипываю, стискиваю его ногами, двигаюсь сама, пытаюсь ускорить уже накатывающую беспощадную волну оргазма. Слышу хриплый, придушенный наслаждением выдох сквозь скрежет его зубов, одним толчком выбивший меня под сокрушительной силы бурлящие воды оргазма. И дичайшей боли от случившейся- таки судороги. Тело подбрасывает под ним с такой силой, что он невольно ложится на бок, пока меня скрючивает от слабеющей боли, укравшей яркость оргазма все равно душащего каждую мышцу и отравляющего догорающий разум. Обессиленно затихаю и приоткрываю глаза не сразу. Тело слабо подрагивает, наливается тяжестью и знакомой истомой, только сильнее, чем обычно, почти до ватной слабости... Это что сейчас было?

— Это что сейчас было? — голос — рельефный бархат с яркими отблесками почти погасшего наслаждения. И подушечками пальцев по моим часто вздымающимся ребрам.

— Судорога. И оргазм. — Слабо пояснила, наслаждаясь мягким прикосновением.

— Боль и удовольствие. И как?

— Пиздец.

— Заметил. Чуть не влюбился. — Тихо рассмеялся, пьяняще и удивительно приятно. — Ну, знаешь, когда под тобой так девчонка бьется, что хоть экзорциста вызывай, это прямо самооценку до небес возносит. — Пальцы сжали кожу пуская под нее томительную и приятную тяжесть. — А это, блядь, судорога у нее...

Усмехнулась и с трудом перевернулась на спину, повернув к нему лицо. Красив. Очень. И трахается так, что дай боже каждому... Может, продлить знакомство? Хотя бы еще на пару раз?..

Глаза прищуриваются и снова эта прохлада, и снова чувствую тление. Это будто провокация для моего голода.

— Так кто ты, чудо? — так-так, авось не у меня грешные мыслишки с продолжением банкета.

— Дама твоего сердца.

— Едва ли.

— Ну, хоть на еще один раз? — фыркнула и с наслаждением потягиваясь, добавила. — Сейчас в душ и раунд ту. Я тебе доплачу, не переживай, мой тигр.

Прохладно усмехнулся и сжал ладонь у меня на животе, больновато сжимая. Взвившись, возмущенно посмотрела на него.

— Иди в душ, я подумаю над твоим поведением. Выйдешь, вынесу вердикт, хочу ли я тебя еще раз трахнуть или нет.

— Пф. — Сбросив его руку и с трудом встав с постели, направилась в душ. — Это еще спорно, кто кого сейчас трахнул, лавры не собирай в одну харю. У меня просто судорога случилась.

— Сучка... — едва слышно в ответ, но без особого осуждения, что растянуло мои губы в довольной улыбке.

Душ прохладный, успокаивающий тело, вымывающий слабость. Когда возвратилась, на ходу поправляя сползающую лямку лифа одной рукой, а другой держа бутылку алкоголя, забытого в ванной, но он уже цедил другой коньяк, полулежа на подушках и накинув на бедра простынь, рылся в телефоне, пока негромким фоном бормотал телевизор.

Серые глаза, при моем появлении, задержались на кружеве нижнего белья, чуть прищурились и перевели взгляд мне в лицо.

— Чего ты там, подумал, нет? Выдержишь второй заход? — деловито поинтересовалась я, падая в кресло возле балкона, водружая ноги на журнальный столик и оглядывая этикетку алкоголя в руке. — Хрень какая... есть дамское пойло?

Усмехается и кивает в сторону минибара. Специально нагнулась так, чтобы откляничить пятую точку в самом выгодном ракурсе. Выбрав себе бутылку вина и взяв штопор повернулась. Он прекрасно понимал этот мой фортель, но и сопротивляться веянию эротики не хотел. Усмехнулся и похлопал по постели рядом с собой.

Пиши молча. Почти не обращая друг на друга внимания. Я рылась в соцсетях, он смотрел новости. Но чувствовалось. Чувствовалось томительное ожидание, текущее по венам вместе с алкоголем у обоих. Мне нравилась эта ситуация своей дикостью, исключительностью, его прохладным веянием.

Но вот продолжения не было. Нет продолжения, а мне завтра рано вставать. Досадно поморщившись, поднялась с кровати, и направилась было к креслу за платьем, как зазвонил

забытый в клатче телефон. Сменив траекторию движения до комода, извлекла телефон, чтобы закатить глаза и отклонить напоминание самой себе завтра проснуться пораньше, а я-то думала, почему вместо стандартной мелодии вызова заиграл мой любимый трек... Реально любимый, аж едва сдержалась чтобы не пританцовывать, пока шла за телефоном.

Пальцы невольно открывают сохраненные аудиозаписи и замирают над мелодией в сохраненных.

Подняла глаза и поняла, что не уйду. В серых горизонтах насмешка, холодная ирония и... приглашение. Которому невозможно отказать. Палец тыкает на строчку воспроизведения и мой взгляд спотыкается о этикетку на бутылке коньяка на прикроватной тумбочке. Понимаю, что это если не божье провидение, то однозначно не просто совпадение.

Икс О.

В словах трека. И в его бокале.

Все вместе под кожей, по сосудам, по телу. Рвущему эту ночь искушением в каждом своем движении, побужденному мелодией и его взглядом. Рвущему эту ночь и все шаблоны, ярлыки... его. До мелких таких соблазняющих осколков, о которые так хочется порезаться.

Он манит пальцем. Ноги сами переступают к постели. Прохладная довольная усмешка, когда мое тело, разрываемое от Икс О в крови и в ушах, просто рывками, жадными, грубыми, подчиненными мелодии, такими греховными в своей соблазнительности, берет упор на локти на хлопковых простынях. Он тянется ко мне, я резко отбиваю его руку с телефоном, тут же падающим рядом с отброшенным моим, на котором инстинктивно включена функция повтора избранного трека. На его экране его телефона вкладка интернета заменяется окном видеозаписи.

Рывок за мое плечо, чтобы подмять под себя. Нависает сверху. Поднимает хрусталь бокала над моей головой и тянущаяся струйка охлажденного алкоголя, срывающегося с грани бокала ударяет по моим приоткрывшимся губам, жалит мне язык крепостью, травит кровь, в котором и так сегодня властвуют демоны и грехи.

«Мой дьявол танцует с бутылкой Икс О». *

Ударом по перепонкам и сознанию. Взглядом прошу его и он отстраняет бокал, отставляет его на простынях. Серые глаза как предгрозовые тучи мечут молнии, и каждая ударяет по тактильным рецепторам моего тела. Его рука, только оставившая бокал, замирает над телефоном с включенной функцией видеосъемки. Его краткое вопросительное движение брови. Дурман алкоголя у меня на языке, кончики немеющих пальцев по кружеву маски на лице и мой последующий опьяненный кивок.

Трек на повторе, на проигрыше, бьющем по алкоголю в крови, будоражащему вторящими повторениями названия алкоголя, сгубившему весь мир за пределами наших тел.

Его улыбка, мой рывок вперед и прикус его губы. Впивается в ответ, даря чувство дикости и беспредельности, неограниченности, свободы. Мои пальцы в его плечи, но звук включаемой камеры и властное удержание за мое плечо. Его рука снова тянется за бокалом. Остатки алкоголя снова выливаются благодаря высокому наклону. На кружево лифа, прохладными струйками по животу.

Усмехается, сидя на мне, на моих бедрах. Его пальцы извлекают кубик льда из бокала, мгновением позже отброшенным в сторону. Звук битого хрусталя, дурман от алкоголя напитывающего кожу и ткань на моем теле, и мир окончательно погружает в хаос. Вернее, мне так казалось, пока кубик льда, приложенный к моей ключице, мучительно медленно не

заскользил по горячей коже вниз. Достигнул груди. Лед по грани кружева. Останавливается его в выемке между чашечек, и его пальцы томительно медленно и искушающее отгибают край ткани. Чтобы в следующий момент пройтись вновь подхваченным льдом по особо чувствительной коже, убивая мое тело, прикусившее губу и охотой за бесценное продающее свою душу его аду.

А в следующей момент и вовсе готовое отдать душу бесплатно когда лед отстранился от моей груди и напряженную холодом кожу поджег его горячий язык. Мои руки, цепляющиеся за простыни взметнулись пытаясь обнять его голову, но он отстраняет мои пальцы, усмехается серыми глазами, поймав мой взгляд и отстраняется.

Трек звучит так отдаленно, но бьет по ушам, когда лед идет по коже живота вниз. Музыка разрывает душу, когда влажную дорожку по моей коже, покрытой алкоголем и движением льда, повторяет его язык. Дурь в крови, туман в голове, мрак и ад в теле, дергающемуся на влажных простынях и изгибающемуся под его языком, дошедшим до кружевного края нижнего белья.

Хочу видеть. Хочу. Все что угодно, только чтобы видеть это. Поднимаю затуманенную голову и вижу, как его белоснежные зубы подцепляют край кружева и стягивают его с моих инстинктивно приподнятых бедер.

Отстраняется, когда доходит до колен, и рукой свободной от камеры, бесстыдно пищащей первородный грех, снимает ткань с моего горящего адским пламенем тела.

Его требовательное движение, вынуждающее перевернуться и встать перед ним на четвереньки.

Прислоняется. Чувствую. Дразнит. Снова. Тихий смех на мое мучительное движение бедрами назад.

— Посмотри на меня.

Сгорая от огня под кожей поворачиваю голову, сквозь прорези маски глядя на его темные, почти черные в скудном освещении номера глаза и улыбаюсь с призывом и вызовом. В ответ глаза темнеют еще больше. И удар, срывающий стон. За стоном. Ибо удар за ударом. Каждый разбивает остовы сознания, не успевающие отстраиваться после огненного смерча, вспыхивающего все ярче от каждого... его... удара...

Невыносимое ощущение, когда вот-вот, а алкоголь отодвигает, а тело на пределе, а ты сдохнуть хочешь от происходящего...

Сцепляю зубы, сквозь которые идут инстинктивные стоны, подпитываемые битами трека от рядом разрывающегося телефона. Но он бьет сильнее и я просто не выдерживаю внутреннего накала, падая головой на свои руки и скуля от разрывающего внутри апокалипсиса, уничтожающего нервы, выдержку, меня и мой мир во мне...

А удары жестче. Стоны громче. Его телефон падает рядом с моим лицом и его пальцы с силой сжимают кожу моей поясницы, помогая подаваться назад, навстречу к нему, подстраивая мое тело под общий и такой убийственный ритм, сжигающий к херам все условия с выпитым алкоголем. Его рывок за мое плечо, заставивший встать на колени и прижаться спиной к его груди. Затяжной миг, пожертвованный на подсказку моему телу упереться в спинку кровати и удары стали отчетливее, яснее. Жестче.

Металл в остовах кровати стонет от моего натиска. Его руки ложатся на мою грудь, стискивают, сжимают и горячий выдох в мою шею, надрыв шаблона и мир... канул в ад. Упоительный по своей жестокой силе, безжалостно сжигающей тело накатами волн, одна сильнее другой, в такт его движениям и я бы действительно сошла с ума в тот момент если

бы он не отстранился и... я никогда не думала, что оргазм может усиливаться свидетельствами чужого оргазма. Его три рваных выдоха, сжатие моей кожи до боли, и это удержало меня на какой-то параноидальной грани, где оргазм вроде и скатывается, а вроде и набирает силу от ощущения его дыхания на коже моего плеча и его сведенных до судорог пальцев на моем теле.

Ссаживаюсь на колени, и почти тут же безвольно валюсь ватным телом на бок, чтобы увидеть как мгновением позже он так же тяжело рухнул рядом. Глаза в глаза. Его с истомой и гаснущим наслаждением против моих полуприкрытых дрожащими ресницами.

Его палец подцепил мой подбородок, слабо мазнул по моим сухим горячим губам.

— Ты кто, чудо?..

Усмехаюсь без насмешки, ведь это не имеет значения. Эта ночь... отпечатается. Но продолжать ее не стоит. Она идеальна своей недосказанностью. Прикрываю глаза и срывающимся от все еще учащенного дыхания требую:

— Удали запись.

— Пару минут. — Фырканье в ответ и пальцы жестко давят на мою нижнюю губу, заставляя оттолкнуть их языком, что ему безумно понравилось. — Телефон сел, не до конца все заснял, да и выдержки не хватало уже... сейчас, пару минут... поставлю на зарядку и удалю.

Рассеянно усмехнулась и кивнула глядя в глубокие серые глаза, отпечатывая его лицо в памяти и понимая, что он сейчас задал очень высокую планку. Тем и исключительна эта ночь, которую нельзя портить продолжением. А дальше была моя фатальная ошибка: пара минут отведенные на успокоение перешли в полудрему и наконец в сон.

Разбудил меня звонок моего мобильного. Не донца осознавая происходящее, я подняла трубку. Брат в матерной форме поинтересовался где меня черти носят, ведь до девяти осталось полчаса, а папа просил сегодня приехать заранее и уже меня искал. Я всхрипнула от испуга и проснулась мгновенно. Неистово умоляя Кирилла прикрыть мою задницу враньем, что я застряла в пробке, из-за страха даже не чувствуя дичайшего похмелья, я на ходу оделась и побежала на выход проклиная себя и оставшиеся полчаса, за которые мне еще нужно заскочить домой и хотя бы просто переодеться, лицо в порядок в такси приведу. Кирилл убито вздыхал и говорил, что папа пока занят и скорее всего до десяти так и будет, но мчать мне надо как можно быстрее, ибо если у него выдастся свободная минутка и он решит осчастливить меня своим присутствием, а меня не обнаружит, то мне придет тотальный пиздец, невзирая на то, что у меня день рождения.

Плюхаясь на заднее сидение такси и проорав свой адрес, я напугано скулила брату в трубку, что постараюсь приехать как можно быстрее, а он только горестно сетовал о моей полной безответственности.

* в главе использован текст песни MANIAC—X.O, все права у правообладателя, ни на что не претендую)

Глава 2

В свой кабинет я завалилась без пяти девять и с облегченным стоном «успела-а-а» рухнула за рабочий стол, сжав гудящую голову руками. Почти сразу мой горестный покой потревожил брат.

— Мою секретаршу новую видела? — Кирилл завалился в мой кабинет со спасительной

бутылкой минералки в руках, и я едва не взвyla от вожделения, протягивая к ней дрожащие скрюченные пальцы. — Видела, нет? А, привет, кстати, алкашка, папа тебя пока не искал. Так чего, видела ее?

— Не-а. — Не отпуская страстным взглядом бутылку в его руках, я едва дождалась, пока брат присев на край моего рабочего стола, с трогательной заботой отвинтив крышечку подаст бутылку мне, погибающей с похмелья в девять утра посреди рабочей недели.

— А ты сходи, посмотри. — Грустно вздохнул он, оглядывая мое страдальческое лицо, жадно глотающее ледяную воду, несмотря на то, что зубы уже ныли, но пить мне хотелось еще больше. — Сходи-сходи. — Кирилл прыснул и достал из кармана блейзера упаковку аспирина, заслужив мой влюбленный взгляд. — Может мне и правда ее трахнуть?

— М?

— Тебе настолько херово, что ты так и будешь междометиями сыпать? — С осуждением спросил он, глядя на мои трясущиеся пальцы, выуживающие таблетки из конвалюты. — У нас как бы переговоры с «Легроимом» через час.

— Угум. — Запив парочку таблеток, я откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза, думая, что последняя бутылка вчера была лишней. — Папа не обрадуется, если ты обрюхатишь свою секретутку.

— Ксю, ты б видела. Нет, она работает, старается, вроде даже с первого раза понимает, что я от нее хочу, но смотрит на меня так, что я едва сдерживаюсь, чтобы не заржать. — Кирилл снова грустно вздохнул, глядя в панорамное окно сбоку от моего стола. — На днях, значит, я послал ее в аналитический сгонять и пока она там бегала, в ее ноут заглянул. Там, за отчетами была вкладка с книгой про босса... «мой охуенный босс», или «охуитительный босс», не помню точно. Мне, конечно, приятно, но сука...

— Ты пролистал книжонку-то? — прыснув, я приоткрыла глаза, с интересом глядя на своего брата и прыснув еще раз, потому что Кирилл определенно бы подошел для обложек этих дамских романчиков и влажных мечтаний их читательниц. Ну, если бы подкачался. Насколько я помню, с шикарными кубиками пресса у него проблемы, не шарик под рубашкой, конечно, но и не кубики. А так, он очень даже ничего, зеленоглазый, светловолосый, широкоплечий, немного смазливый. Чем не классический жеребец, жарящий секретуток, с которыми у него потом по законам жанра случается большая и светлая любовь. Только Кирилл по ясным причинам был против такого сценария.

— Пролистал. Она пришла, я все еще сижу листаю. Хотела что-то сказать, я ей, мол, подожди, тут самое интересное — он ее жахать начал. Еб твою мать... я никогда не думал, что порнуха может быть смешной.

— Охеренно, братан. — Слабо улыбнулась, ощутив, как боль в голове, вроде бы, становится тише, и приложив ко лбу ополовиненную прохладную бутылку минералки, поинтересовалась, — ну и? Она все еще мечтает о своем охуитительном боссе?

— Может и мечтает, но теперь этого хоть не видно, слава богу. — Довольно хохотнул брат, с весельем глядя в мое ехидно скалящееся лицо.

— Кир, а где мой подарочек? У меня день рождения же. — Внезапно вспомнила я, вопросительно изогнув бровь.

— Так вот он. — Кирилл кивнул на бутылку, прижатую к моему лбу и улыбнулся. — Тридцать рублей потратил, прикинь, на что я ради тебя готов.

— Это так мило. — Обиженно буркнула я, снова прикрывая глаза и теснее прижимая бутылку.

— Да на, — Кирилл, фыркнув, выудил из кармана сертификат и кинул его на стол передом мной. — Твой излюбленный «Блейз», сегодня на девять вечера. Жратва, бухло на пятнадцать морд, два стриптизера, один приват, все оплачено. Гандончики с баблом с собой возьми, если тебя вшторит от самца, доплатишь ему сама. Я пробовал пробить цену, чтобы тебе еще потрахушки оплатить, но там админ новый, опасливый, и упорно мне врал, что «у нас элитное заведение, что вы себе позволяете!» — Кирилл закатил глаза, передразнивая админа высоким, противным голосом, заставив меня глумливо хихикнуть. — Я ему говорю, Тамару мне позовите, мы с ней давно и плотно знакомы, и я в курсах про вашу «элитность», а Тамара с новым альфонсом на Канары укатила, оставив этого труса вместо себя. — Кирилл зевнул, прикрыв рот кулаком и с весельем посмотрел в мое улыбающееся лицо. — Так что сама там договаривайся с жеребцом, баблишко мимо кассы капнет, так этому заму и надо. С днем рождения, что ли, сестренка.

— Спасибо, ты всегда знаешь, как растрогать мое черствое сердечко. — Радостно глядя на сертификат на моем столе улыбнулась я.

— Все ради семьи. — Кирилл потянулся и растрепал мои волосы, которые я с таким трудом и неохотой укладывала утром. — Папа после переговоров еще тебе подгон сделает.

— Какой?

— Не зна-а-а-аю, — Лукаво блеснув глазами, пропел Кирилл, вставая с моего стола и направляясь к выходу. — Ты подготовься, Легроимовские — опасные ребятки, мы должны быть во всеоружии, а у нас полководец юридической армии от похмелья по креслу растекается, потому что за неделю начал праздновать свое двадцатипятилетие. Папа не возрадуется, если увидит тебя в таком состоянии.

— А то от меня прямо толку будет. Я вообще не понимаю, зачем мне надо там сидеть. Да и тут зачем, тоже не понимаю. — С тоской глядя на настенные часы, заняла я свою любимую песню. — Если только для красоты, али Ликроимовские увидят меня, надышатся перегаром и дадут добро на мое учреждение...

— Точно. Закроем их в переговорной и свяжем, ты будешь им в лицо дышать до тех пор пока не согласятся. — Заржал Кирилл, останавливаясь у двери и потягиваясь, как сытый кот. — Надо папе идею кидануть. Ты набухайся пока, а то от тебя не воняет. Пока бухать будешь, книжки почитай, авось поможет. Давай, Ксю, я за тебя болеть буду. Пойду плакаты в поддержку рисовать. Подпишу «охуитительный босс верит в тебя, размазня!» «Долой похмельюгу! Даешь мозг на переговорах враждующих компаний!» «Ксюша! Ксюша! Давай! Вперед!»). Надо еще дуделку купить, как на футбольных матчах.

Я расхохоталась, глядя на захлопнувшуюся за братом дверь и тут же болезненно поморщилась от ударившей в голову боли.

Открытое акционерное общество «Легроим» долбило папину кампанию три года. Три года «Легроим» жрал рынок с нечеловеческим аппетитом и упорством, добавляя папе седины и морщин, потому что зверье из «Легроима» было молодым и жестким, и им было плевать на папину более солидную кампанию, царствующую на рынке более тридцати лет, они не боялись воевать с ним за тендеры и все чаще выгрызали их с мясом, говнили с завидным упорством и вообще были не знакомы с понятием честная конкуренция.

Папа тоже не дурак и тоже много чего делал, чтобы исполнителем госзаказов назначали его «Радон», оставляя Легроимовских за бортом, но тем как с гуся вода, они все равно пытались захватить как можно больше доли рынка, хотя иногда папа подрубал их достаточно жестко. А сильным мира сего эта война приносила удовольствие и большие деньги — ибо

хочешь быть исполнителем, скажи-ка, дорогой, сколько ты готов "пожертвовать" для нашего общего блага. «Легроим» иногда готов был «пожертвовать» больше, чем вырывал у папы жирный кусок. А иногда происходило наоборот. В общем, если кратко, война с каждым становилась все более убыточной, и папе пришла гениальная идея — создать совместно с «Легроимом» третью фирму, которая будет брать крупные заказы, а выхлоп с этого делить пополам. Легроимовские согласились. Только два месяца переговоров ни к чему не привели, потому что папа желал выбрать учредителя самостоятельно (поставить меня, благо институт я все же закончила и статус у меня был теперь солидный. Только на бумаге, правда, но это особо никого в «Радоне» не волновало), Легроимовские, разумеется, были против и хотели в учредителях видеть своего человека, мгновенно отменяя любые заикания наших о назначении учредителя от «Радона». Еще вопрос утыкался в распил должностей руководителей отделов. Упирался, да. Но основная проблема — «Радон» и «Легроим» не могли поделить место учредителя. Два месяца переговоров. Два, сука. Но идея все же была прекрасная и очень экономичная, потому никто от нее отступить не мог.

Вообще, мне претила мысль быть учредителем третьей фирмы, я аккуратно ныла папе, прося поставить Кирилла, потому что я нихрена не понимаю, что там делать надо будет, три месяца назад я только закончила универ (с божьей помощью и папиными финансами, но о последнем он не знает), а потом полтора шикарных месяца шаталась по миру, празднуя великое событие и мне хотя бы немного надо поработать в «Радоне», чтобы примерно понять устройство этого мира. А Кирилл вон сколько уже крутится, вот пусть он и идет. Папа слушать меня не желал и рявкал, что на Кирилла у него другие планы, а я буду делать ровно то, что он мне будет говорить, остальное не моя забота. Я стояла, понуро опустив голову и соглашалась. Сопротивляться было опасно для морального здоровья.

Вот и сейчас, стою я такая у панорамного окна с видом на стелющийся под ногами город, прижимаю уже не такую холодную бутылку к голове и размышляю, а чем собственно должна заниматься глава юридического отдела, то есть я? За две недели работы я так и не поняла. Благо персонал, находящийся в моем подчинении умный был, понимал, что я тупая и жалел меня (надеюсь именно жалел, я все еще верю в человеческие качества у людей), периодически молча принося бумажки на подпись. Работать здесь я не хотела вообще, юриспруденция мне не нравилась. Все о чем я раньше мечтала — поступить на факультет международных отношений и открыть сеть маркетов элитных алкогольных напитков. Даже бизнес-план себе хороший сделала и когда пришла с протянутой рукой к родителю, чтоб просить стартовый капитал, то папа с Кириллом надо мной поржали и покрутили пальцем у виска. Папа еще повздыхал, что когда там, наверху, раздавали мозги я упустила момент, потому что тусовалась по второму кругу в очереди за красотой.

После окончания мной школы, не слушая моих «робких» возражений, папа впихнул меня сначала в юридический, а потом сюда со своей любимой формулировкой «будешь делать то, что я тебе говорю». «Да ну и хер с ним, буду. Буду делать вид» — едва слышно шептала я в ответ, ибо сопротивляться всегда было бесполезно.

Кириллу было проще, Кириллу вся эта херня нравилась, соответственно он в ней разбирался и был предметом папиной гордости, даже введшего моего брата в совет директоров. Кирилл всегда был папиным любимчиком. Потому что никогда не сопротивлялся. Вообще никогда. Даже...

— Блядь... — тихим шепотом, и торопливым заталкиванием внутрь того, после чего меня так и подмывает на дыбы встать. Было бы еще ради кого.

Господи, да когда меня отпустит уже?..

Оставшиеся двадцать минут я занималась подбором персон, которых хочу видеть сегодня рядом с собой в «Блейзе». Вышло двенадцать человек. Трех я беспощадно забрила, потому что у них оказались очень длинные языки. Дружишь-дружишь и на тебе, ты, оказывается, беременна, залетела из-за распутного образа жизни, и сделала аборт. Раз дцать (видимо с первого раза до моего организма не доходило — это мое предположение, откуда такое количество аборт). Эту удивительную инфу о себе я слушала, неприязненно приподняв бровь, что окончательно убедило в бредовости сказанного моего папу, позвавшего меня на расстрел после того как до него донеслась эта херня.

Сука, со второго курса института же дружили, и притом хорошо дружили. Очень хорошо. До сих пор мне бабло торчат. Года три уже как, а я дура все умильно лепетала, мол, ладно, потом отдадите, мы же друзья, что я трясти с вас буду, что ли ... Нет предела человеческой подлости и моей наивности.

Царственно вплыв в конференц-зал, где собралась вся папина свита в ожидании Легроимовских зверей, я, как можно более естественно излучала доброжелательность и хорошее настроение, опускаясь в кресло между нашим топ-менеджером Олежей и Кириллом, скусившим лицо и заявившем, что от меня несет, на что получил тычок под ребра и подавился глумливым смешком.

Папа, которого окружала его свита, наперебой что-то ему вещающая смерил меня испытывающим взглядом, который я с трудом выдержала.

— По местам. — Грянул его приказ, когда времени до десяти оставалось всего ничего и нам сообщили, что Легроимовские уже поднимаются.

— Сейчас зайдут, упыри. — Отчего-то веселясь, прошептал мне Кирилл. — Папа сегодня им глаз на жопу натянет, если опять не согласятся сделать тебя королевой объединенной стаи.

Я только хотела уточнить, как именно папа будет им глаз на жопу натягивать как дверь распахнулась, привлекая мой взгляд и у меня упало сердце.

— Охуеть... — потрясенно прошептала я, благо едва-едва слышно, и никто не заметил. Он тоже почти сразу на меня посмотрел. Чуть побледнел. И все. Вся его реакция. Мимика, шаг все ровное, ледяное, непроницаемое.

— Видишь белобрысого? — одними губами произнес Кирилл, незаметно трогая меня под локоть. — Сам Лисовский. Гендир «Легроима» с контрольным пакетом акций, остальные его акционеры милитарные. Скользящая и опасная змея, которую свет еще не видывал.

Я перевела на него ошарашенный взгляд и с трудом сглотнула, поспешно беря себя в руки.

Лисовский сел напротив отца, быстро, почти незаметно метнув на меня взгляд серых глаз, и заставив мое сердце сорваться. Господи...

Начало переговоров с традиционным декорумом шло для меня белым шумом. Я периодически вытирала потеющие ладони о юбку и опасно косилась на Лисовского. Надо отдать ему должное — он вообще не обращал на меня внимания. Говорил мало, но холодно и резко, отмечая все попытки папиной свиты привести аргументы того, что вопросом набора штата сотрудников должен заниматься отцовский «Радон». Статистика, логистика, положение и подчеркнутые успехи Лисовский замораживал парой контраргументных фраз, приводя в доказательство более значимые успехи «Легроима» и в серых глазах плясами

демонические тени — ему нравилось происходящее, он упивается этим.

Папа с Олежей и Киrom пока молчали, зверье «Легроима» тоже. Вскоре Лисовскому надоело. Это было заметно по легкому, презрительному взгляду. Дальше он молча слушал доводы и аргументы наших. Едва заметно повел уголком губ, когда встретился взглядом с папой и... легкий, ничего не значащий жест указательного пальца, стукнувшего по лакированной поверхности стола. А я похолодела, потому что поняла — это была команда. Ледяное «фас» и псы ощерили зубы. А он откинулся на спинку стула с интересом наблюдая за начавшейся грызней. Кир не зря называл их зверьем, вот совсем не зря. Стая была сплочена, фантастически подготовлена, невероятно профессиональна и очень жадна до победы. Их километровые заумные монологи, с демонстрацией сложных графиков и схем наших руководителей служб напрягали, а на меня, как на самую тупую в конференц-зале, вообще наводили ужас. Они забривали, забивали наших, а ледяной вожак стаи сидел и наслаждался, это тоже было заметно. Протоколы разногласий полнились, новые данные фиксировались с сумасшедшей скоростью, благодаря свирепым псам Лисовского и стойкости нашей свиты.

Лисовский опустил взгляд вниз, очевидно шарясь в телефоне, губы его дрогнули, едва не выдав улыбку и тут он посмотрел на меня. Посмотрел победно, высокомерно и с каким-то холодным восторгом. Но взгляд короткий, тут же отведенный, и хотя это были не то, что доли секунды, это были доли мига, они все равно заставили мое сердце болезненно сжаться от предчувствия чего-то нехорошего.

— Егор Иванович, — ледяной тон, мгновенно заморозивший свою стаю, страстно и с азартом ведущую спор с нашим бухгалтером и моим замом Ириной по части распила должностей штата. — Допустим, просто допустим, что наша кампания все-таки даст согласие. Скажите, вы уже определились с кандидатурой на учредителя?

У меня упало сердце.

Сука. Ебучая сука. Я метнула напряженный, почти испуганный и умоляющий взгляд на отца, ответившего Лисовскому спокойным ровным кивком.

— Представьте? Давайте избавимся от всего этого карнавала, мучающего нас с вами уже два месяца. — Сказано почти небрежно, выбивающееся из общего тона официоза, но сильно и твердо.

— Ксения Егоровна, глава юридического отдела, — папа указал в мою сторону и посмотрел на Олежу, тут же начавшего вещать правдоподобную лабуду про мой большой опыт, какие-то там непонятные мне достижения и высокий профессионализм.

Я смотрела в холодные глаза Лисовского и чувствовала расходящееся от него волнами и такое болезненное для меня ледяное торжество. Он перевел взгляд на отца и негромко выдал:

— Нет, мы не согласны.

Я аж подавилась. Но уже через секунду поняла, что эта мразь идеально все просчитывает. Идеально и мгновенно. Естественно, наши начали что-то там доказывать, апеллируя сложными терминами и схемами, а эта холодная мразота тщательно уводила театр в другую степь, делала все возможное, чтобы все верили, что он не согласен, но я и он уже оба знали, что мне подписан приговор. И он не преминул это подтвердить, выдвинув требование о равных долях уставного капитала, фактически подтверждая, что дает согласие на мое учредительство и очень, просто, сука, о-о-очень реалистично отыгрывая момент, что, якобы, этого не понимает. Это был идеальный и до жути безупречный расчет — наши

вцепились в это его «непонимание» мертвой хваткой, начиная вести разговор о размерах долей, не понимая, просто тупо не понимая, что это не Лисовский недочет, а одна огромная яма, в которую первая паду я...

После недлительных дебатов, Лисовский, якобы, с невероятной неохотой, согласился на сорок процентов. В зале повисла мертвая тишина. Я повернула голову к отцу и поняла, что все, пиздец — он медленно кивнул. Легроимовское зверье было сдержано, никак не выказало своего удивления таким решением вожака, но я видела. Видела краткие неуверенные взгляды, когда они думали, что этого никто не замечает. Они тоже не понимали. Никто не понимал, что Лисовский уже выиграл, а мы проиграли ему всухую. Из-за меня. Прикрыв глаза, я уговаривала бешено бьющееся сердце и сковывающий тело страх немного остановиться. Тварь. Какая же ты тварь, Лисовский... И какая же я ебанутая...

Краткие, ничего уже не значащие и скрытые резонерством договоренности, что «Легроим» сам подбирает персонал, как компенсация на такую сниженную долю уставного капитала. Подписи сторон, обговаривание деталей, а я сидела, взглядом уткнувшись в стол и мрачно прикусив нижнюю губу. Атмосфера облегчения и подавленного восторга отравляла, забивала меня, пробуждала дрожь. Он станет меня шантажировать. Он будет это делать. Поэтому согласился. Новая фирма уже принадлежит ему. Сука...

Кир задорно мне подмигнул, так и не прочитав за маской непроницаемости то, что я внутри выла от ужаса. От грядущего кошмара, от победы твари, метнувшей на меня ледяной, высокомерный взгляд.

Еще некоторое, безумно тянущееся для моих напряженных до предела нервов и Легроимовское зверье со своим вожаком удалились. Суматоха в конференц-зале, радость наших и мое горькое поражение, которое я снова не дала считать.

Папа, важно на меня посмотрев, одними губами шепнул «с днем рождения» и я, вымученно улыбнувшись, кивнула папе. Которого предала. Случайно и очень подло...

Народ торопливо разбрелся, папа попросил меня задержаться, я брякнула что мне нужно несколько минут, типа в туалет, и со все еще бешено колотящимся сердцем выбежала из зала. Гребанный лифт шел невыносимо долго, а ехал безумно медленно, хотя я никогда этого не замечала. На первом этаже метнулась к широкой стойке администраторов.

— Легроимовские где?! — рывкнула я ближайшей ко мне девушке, невежливо отпихнув какого-то человека, разговаривающего с ней. — Где, блядь, Легроимовские?!

— На внутреннюю парковку ушли... — тревожно пролепетала она.

Я рванула вниз по пожарной лестнице на подземную парковку. Успела как раз вовремя. Лисовский снял с сигнализации уже заведенный черный Леванте и протягивал руку к водительской двери.

— Лисовский! — заорала я, не зная, то ли бегом преодолевать двадцать метров разделяющие нас, то ли подчиниться удивленным взглядам водителей еще пяти Легроимовских машин и подойти шагом.

Он поднял взгляд и, заметив быстро приближающуюся меня, холодно улыбнулся. Краткий взмах и Легроимовские зверье подчиняется, трогаясь с мест к выезду.

Я, часто дыша, остановилась у левого крыла его автомобиля, исподлобья глядя на него, оперевшегося бедром о дверь и с интересом глядящего мне в лицо.

— Давай начистоту. Я не буду на тебя работать против своей семьи. — Сквозь зубы бросила я, с ненавистью глядя в серые глаза, в которых так и плескалась прохладная ирония.

— Разве я об этом просил, Ксения Егоровна? — отчетливое эхо насмешки.

— Начистоту.

— Так мы и говорим начистоту, чудо. Начистоту говорим. Разве я об этом просил? — усмешка, полуприкус губы и взгляд задерживается на моей груди скрытой строгой белой блузой. — Или ты думаешь, что я буду тебя шантажировать тем, что солью в сеть наше маленькое порно?

У меня заледенели пальцы, я сделала к нему безотчетный шаг, от ненависти скрипнув зубами. Остановил меня холодным, стальным, замораживающим взглядом и негромко, с хрипотцой произнес:

— Разумеется, не солью. — Я сглотнула, понимая, что это еще не все. — Там же видно мое лицо, к чему мне такой удар по репутации?

Падла. Вот пааадла...

— Продолжай. — Едва не ощерившись, тихо произнесла я.

— Однако, твоему отцу в первую очередь будет важно то, что ты есть на этом видео, а уже потом то, что на нем я, верно? Дернется в мою сторону — солью, чего уж тут терять-то. Однако приоритетным для меня будет то, что с учредителя он тебя снимет. Для тебя приоритетом должно быть то, с чего он тебя еще снимет, маленькую скудоумную девочку, трахающуюся с самым опасным конкурентом за его спиной и позволяющую это еще и заснять. Это только кажется, что, вроде бы, а чего такого, да? Но. Общественный резонанс. И скольких же акционеров лишится уважаемый Егор Сергеевич с такой бестолковой дочерью?

— Условия.

— Так это не шантаж.

— А что это тогда?

— Гарант моей безопасности на случай, если папа даст тебе команду меня наебать. Это только лишь щит, а не оружие, мы же уже не воюем, разве нет? Щит по которому размажет сначала тебя, потом весь ваш бизнес, если папочка соберется меня кинуть. Думай, Ксения Егоровна. Очень хорошо теперь думай, когда будешь работать на благо своей семьи, — паскудная ледяная улыбка. — С днем рождения, чудо.

— Ты... — с трудом сглотнув, с неверием глядя в его глаза, одним выдохом произнесла. — Откуда знаешь это обо мне? Ты знал, кто я? Ты вчера это знал? Сука, этот секс вчера и запись... все было спланированно, что ли? Ты это спланировал?

— Ну что ты, до такого я бы не додумался. Судьба интересно поворачивается иногда, моя задача эти все повороты обыграть себе на пользу. — Чуть склоняет голову, замораживая меня взглядом. — Да прямо на переговорах узнал кто ты. В наше время информацию собрать — дело пары минут и одной смс. А дальше... ну, знаешь, пресловутый поворот судьбы и мое к этому отношение. Так что еще раз с днем рождения, удачи тебе, здоровья и оставайся всегда такой же щедрой на подарки незнакомым людям.

Он сел в машину и уехал, оставляя меня, разбитую, раздавленную посреди парковки.

Подгон папа сделал. Роскошный подгон, о котором я лет пять ему намекала — пурпурная купешечка Мазерати Гран Туризмо. Ну как, намекала... Слезливо плакала, целуя при нем распечатанные фотографии и говоря, что Беловой папа такую подарил, и какая она вся хорошая. Машина в смысле. Вот и у меня теперь есть. Только я никак не могла обрадоваться долгожданному подарку, все мои мысли принадлежали уроду, укатившему на Леванте час назад. Красивому подлому уроду с хорошим вкусом. Но уроду.

Я качественно изображала безмерное счастье, захлебываясь слезами и соплями, порхая вокруг долгожданной машины и восхищенно попискивая. Только вот кроме стягивающего

напряжения и, мать твою, страха, я мало что ощущала внутри. Сука, такое событие испортил.

Даже рыдая в папино плечо и неистово благодаря его, никак не могла избавиться от липкой паутины ожидания пиздеца. Вселенских масштабов. Но довольные папа с Киром охотно верили моему умелому спектаклю и говорили, что знатно постарались, чтобы я этот юбилей запомнила. Запомнила, ребят. Вы даже не представляете, как подробно я его запомнила. В деталях.

Вечером, находясь в окружении своей свиты я угрюмо накидывалась вином, почти не замечая смуглые тела трущегося об мой стул стриптизера. Друзья у меня так себе, мою морду лица замечали, фальшиво улыбались и неискренне подбадривали, глупо шутя, что двадцать пять это только четверть века и не стоит так сильно переживать из-за грядущей старости. Я натянуто улыбалась и совсем без интереса оглядывала жеребца, стоит отметить, честно старающегося. Не вставляло. Вообще.

Еще днем пытая папиных хакеров, работающих в ай-ти отделе, я убедилась, что к Лисовскому с нашей порнухой мне не подобраться. Этот козел ничего не сохранял в облако и чтобы пробраться в его телефон незаметно, мне стоит обратиться в совсем другие структуры, всемогущие и очень опасные. Идти к фейсерам чтобы они удалили порнуху вообще не представлялось возможным. И я, обозвав программистов бездарными сволочами, громко хлопнула за собой дверь, очевидно, заслужив к себе неприязнь, которая быстро распространится на весь остальной коллектив. Ладно еще не сказала, что именно мне нужно в телефоне Лисовского, а то вообще ахтунг...

Безразлично смотря на импланты кубиков пресса, которые стриптизер демонстративно напрягал перед моим носом, едва не лопаюсь от натуги я поморщилась и едва сдержала мрачное «смотри не высри», отпихнув знатно старающегося мужика, встала и пошла глотнуть свежего воздуха.

Сев на парапет и наблюдая длинную очередь, безжалостно урезаемую охранниками, я пригорюнилась. Такую свинью себе подложила, а! Сука, вот правильно Кирилл говорил, что мое распутство еще мне аукнется. Он всегда это говорил, когда дергал меня из полной задницы. Например такой, как вторая статья за хулиганство, при непогашенной условке за первую. Дергал, плевался ядом, отстегивая нехилые суммы и божился, что еще раз и он точно расскажет отцу. А потом я забирала его из обезьянника, ехидничая и убирая в подлокотник поредевший кошелек, уточняла, точно ли папа должен обо всем знать. Косячные мы с Киром. Благо папа не знает, насколько...

Может, Кириллу все-таки набрать? Рассказать я о произошедшем не смогу, ибо Кирилл сразу впадет в панику и побежит докладывать папе, на ходу вереща, что все это очень высокий риск и папа обязан об этом знать. И что я дура. С последним трудно не согласиться. Явку с повинной я тоже отметала, реакцию отца мне очень сложно представить. Очень сложно.

Но если Лисовский начнет меня прижимать, то просто выбора не оставит и моя жизнь рухнет к хуям... Вот это пиздец...

Нужно нас обезопасить. Как это сделать-то?.. Как, блядь?

Стрельнув сигарету у охранника, и облокотившись плечом о угол здания я прищурено разглядывала свою пурпурную купешечку. Как символ того, что думала вообще не о том. Точнее ни о чем. На поверхности, сука, плавала. Еще пару дней назад моей радости не было бы предела, ведь пару дней назад я не подвела себя и свою семью под такой удар. Подвела сама — разгребай сама, дебилка. Мрачно сплюнула под ноги.

Вернулась в клуб, сказала «друзьям» что скоро вернусь, забрала свои вещи и ушла. Села в Мазерати и откинулась на сидение. Нужно с чего-то начинать. Сука, столько лет юридического универа позади, а я тупая, как пробка. Горько усмехнулась, запуская утробно мурлыкнущий двигатель и прикидывая варианты.

Хочешь поиграть, Лисовский? Давай поиграем.

Глава 3

«Лисовский Роман Вадимович»

Придирчиво оглядев вышедшие из-под перьевой ручки буквы, раздраженно дописала:

«Вы сука»

Дождалась, когда взгляд серых глаз упадет на меня, пока шло совещание «Тримекса», открытого три недели назад под моим учредительством, и подняла край листа.

Его глаза сверкнули металлом, но за три адских недели я выработала стойкий иммунитет к замораживанию этими взглядами. Стойкий, очень стойкий. В отличие от остального штата сотрудников, замирающих и торопливо разбегающихся, когда Лисовский изъяслял волю притащить свою задницу в бизнес-центр, где «Тримекс» арендовал хороший такой офис.

Притаскивался он в основном для того, чтобы подействовать мне на нервы своим присутствием и гребанными вопросами с подковырками ко мне «как к соучредителю», ответы на которые я не знала, заслуживая холодный насмешливый взгляд. Не знала, но торопливо исправляла, как только дверь моего кабинета за ним захлопывалась. База знаний в моем девственно чистом мозгу наполнилась достаточно быстро (а то ж. Столько ведь пространства свободного). Я уже вполне себе сносно, хоть и поверхностно ориентировалась, морально готовясь к грядущему аду — участию в тендере на строительство торгового центра. Разумеется, он достанется «Тримексу». Это даже не вызывало сомнений — папа и Легроимовское зверье под предводительством своего ублюдочного вожака уже подсуетились и я тихо, но верно скатывалась в панику.

Потому что боялась одного — папа может дать мне команду, согласно которой, мне что-то надо будет сделать, о чем Лисовский знать не должен. Это первое и единственное, что заставляло меня насиловать свой бедный мозг большим объемом ужасающе непонятной информации, на разбор которой я тратила почти все ночи, потому что я боялась. Боялась не подчиниться отцу и боялась обмануть Лисовского. Мне нужно было знать наиболее безболезненные варианты выхода из возможной ситуации и все равно я лелеяла надежду, что «Тримекс» не возьмет тендер, папа ничего не придумает, а этот козел не будет иметь повода подергать меня за ниточки. Лелеяла и понимала, что это все из разряда утопии, и нужно быть готовой. И листала бесчисленные статьи в интернете, о устройстве организаций, правах и обязанностях, структурах работы и прочем...

Штат в «Тримекс» Лисовской набирал самостоятельно и этот штат был слабее его стаи, но своего вожака знал твердо, что, естественно, нихера мне не помогало, порой вгоняя в грусть и тоску, когда руководители отделов приносили мне бумажки на подпись и я с подозрением смотрела в них, памятуя из чьего клана все эти люди и не понимала, чего там написано. Однако, все же стоит отметить, что такой дикий стресс был только первую неделю, пока я не начала примерно ориентироваться, правда, тратя время на листание исписанного в усмерть блокнота, где я помечала особо значимые вещи, но все же

разбираясь.

Вожаку об этом сразу же доложили и он начал прессовать меня своими царственными появлениями, делая это все жестче и чаще, доводя до желания застрелить его, как только он переступал порог офиса.

А еще эта ледяная сволочь время от времени забавлялась моим позором на совещаниях, задавая мне «вопрос как к соучредителю», на который я, разумеется, не знала ответа, впадая в отчаяние на середине его вопроса, потому что забывала начало из-за обилия неизвестных терминов. Вот как сейчас, например, сидим на совещании, я усиленно изображаю, что понимаю происходящее, а он взял и спросил меня «как соучредителя, обязанного быть в курсе»:

— Публичное АО, генеральный директор которого я являюсь, — так, это он про «Легроим», это мне понятно, слава богу, — в ближайшем будущем планирует стать контрагентом «Тримекса», это общеизвестно, и работать с ним, разумеется, по принципу синергии, однако уже стоит озаботиться вопросом выбора наилучшего способа финансовых транзакций, а именно — не будет ли «Тримекс» против простых векселей?

Чего, блять, это такое?! Это на каком языке вообще?! — хотела завопить я и едва сдержалась, раздраженно глядя в его глаза, на дне которых плескалась прохладная насмешка.

— Я обязательно дам вам ответ после завершения совещания. — Ровно отозвалась я и едва не плюнула в убийственно ироничную рожу, одновременно сделав себе пометки того, что запомнила из его словесного поноса, отчаянно надеясь, что с помощью Кира и интернета к концу совещания я успею разобраться, что этому козлу от меня надо.

— Бухгалтерии нужно знать, к чему готовиться, уважаемая гендир. — А он, сука такая, все веселился.

Я мрачно посмотрела на «своего» главбуха, которого подобрал он.

— Вам я тоже обязательно дам ответ после совещания.

Когда снова потекли разговоры, я взяла ручку и написала на краю листка, кто такой Лисовский и зло посмотрела в холодные глаза, когда он это прочитал.

После совещания я торопливо ускакала в свой кабинет, опасаясь, что кусок льда потребует ответ на свой вопрос, в котором я так и не разобралась, ибо Кир был занят и не смог мне ответить, папа тоже был занят, а интернет запутал меня в понятиях о векселях.

Разумеется, сволочь, прекрасно знавшая, где мой кабинет, распахнула его в тот момент, когда я пыталась провернуть язычок замка в двери.

— Или лучше переводные векселя? — погано ухмыльнувшись и замораживая меня взглядом спросил он, проходя мимо остолбеневшей меня в кабинет, чтобы опуститься в мое кресло и надменно так оттуда на меня посмотреть.

Сука, я же только что почти поняла, что такое простой вексель! Про переводной я еще не успела прочитать!

— Определенно лучше переводные векселя, Ксения Егоровна. — С фальшивой печалью глядя на меня, сцепившую челюсть, вздохнул он. — С переводными «Тримекс» будет иметь некое подобие авантажа из-за необходимого акцептирования, являющегося стандартом для подобного вида финансовых операций. Между тем, предстоящая оферта после выигрыша «Тримексом» тендера, с последующим выкупом оборудования у «Легроима» по этим векселям позволит ему остаться в тени и избежать пристального внимания госструктур, потому что оплата будет производится третьими лицами и это станет наиболее выгодным ходом, учитывая что «Тримекс» как предполагаемый векселедержатель уже имеет

определенные финансовые обязательства перед «Легроимом» за торговую транзакцию по...

— Лисовский, заткнись! — с силой захлопнув дверь, рыкнула я,

И он заржал. Громко и издевательски. Сука.

— У тебя с метражом не только в нижней части проблем нет, но и в верхней, что умаляет эффективность ниж...

— Намек на длинный язык? Это смотря с какой позиции подойти к вашей озабоченной реплике, Ксения Егоровна. Если избрать правильную вариацию, то ничего не будет снижать эффективность, а скорее наоборот, станет иметь превалирующее значение в вопросах приобретения преимуществ.

Вот что он сейчас вообще сказал? Су-у-у-ука, как же бесит...

— Но ты сей момент проебала. — Глумливо добавил он, с холодным сарказмом глядя в мои глаза, наливающиеся кровью. — Причем в буквальном смысле. — Бросив взгляд на наручные часы, задумчиво нахмурился. — Короче так, я хочу векселями, потому что у меня по одному контракту заказчику платить нечем, есть векселя, но мне это не выгодно, потому что досрочное предъявление стоит семь процентов годовых, поэтому я хочу передать их «Тримексу», а то у меня ни один мудака из субподряда или поставщиков брать не хочет, а вы потом уже своим поставщикам отдадите, или кому там папочка решит... Чудо, ты запиши это. — Глядя на мое перекошенное лицо с искренней жалостью, негромко посоветовал он. — Папочке доложи слово в слово, сама ничего не додумывай. Или ладно, на тебя надежды нет, я сам с ним потрещу по этому поводу.

И вальяжно направился к выходу, а я едва сдерживала желание плюнуть ему в спину.

Вот как мне после такого в себя поверить? С векселями я худо-бедно разобралась и то при помощи Кира, но подобное продолжалось почти через день. Он просто вваливался, издевался и сваливал доводя меня до иступления от бешенства.

Правда, пару раз я ответила все-таки правильно, заслужив чуть приподнятую бровь. И термины стали еще заковыристые, длиннее и запутаннее. Су-ка.

Вообще, если уйти в бабские переживания, то есть еще один забавный факт — несмотря на все мое к нему раздражение, а порой и откровенную ненависть, он меня иногда заводил. Взглядом. Движением руки, отложенной на подлокотник, когда, склонив голову, со змеиной улыбкой снова спрашивал какую-то белиберду на тарабарщине. Злил и заводил одновременно. Было еще кое-что, что мне одновременно подогревало самолюбие и больно его жалило. Пару дней назад, он снова причапал в мой кабинет, высокомерным жестом кинув мне на подпись бумаги из бухгалтерии и развалился в кресле, ожидая, пока я, шипя и матерясь от злости, сфоткаю листы и переброшу по вотсаппу Татьяне Владимировне, папиной главбуху, с вопросом можно ли мне это подписать. Пока Татьяна Владимировна просматривала файлы, чтобы вынести вердикт, я исподлобья смотрела в ироничные холодные глаза. И, сука, тлела. Он смотрела так же, как в тот вечер. Так же, пока не завелся. А потом... Почувствовала, как в горле пересохло от вида потемневших глаз, будто бы их обладатель тоже вернулся мыслями к тому вечеру. Тишина напитывалась напряжением. Какой-то ностальгической и будоражающей атмосферой, витающей не только в воздухе, но и тянущейся по венам.

Его губы приоткрылись, но ничего не выдали. Сомкнулись снова. А я вдруг вспомнила их вкус. Силу и нажим. И не смогла отвести от них взгляда. Скрестила ноги под столом, пытаюсь успокоиться и унять буйным цветом цветущее возбуждение, все еще не отводя взгляда от его губ — не хватало воли, не хотелось это делать. Прикусила губу до боли,

пытаясь вернуть себе себя, сделала это на мгновение, но он заметил это мое движение. И это будто бы стало сигналом к нападению. Я это поняла сделав ошибку — все-таки посмотрев ему в глаза, в которых лед полыхнул синим пламенем и Лисовский внезапно подался вперед на кресле, а меня будто обухом ударили, отправив мозг в дальнейшее плавание и пустив по сосудам огонь, мгновенно сжегший и так уже подкошенную рациональность. Рванула к нему с места. Губы в губы и я едва не застонала, понимая, какой дикий голод у меня был по тому вечеру. Голод, задавленный стрессом, новыми шокирующими обстоятельствами, но все же голод, сейчас так громко ревущий во вспенившейся крови.

Он сжал мои плечи, потянул на себя, обжигая губы языком, подсказывая забраться на стол, но сработавшее оповещение от главбуха, давшей добро на подпись мгновенно отрезвило и напомнило реально положение вещей. Я резко отпрянула, отступила к стене, переводя дыхание и потрясенно глядя на него, прикрывшего глаза, сжавшего челюсть и тяжело рухнувшего в кресло. Сердце стучало просто бешено, а в голове была одна мысль «этот козел прав и я действительно скудоумная».

Лисовский, не открывая глаз, кивком указал на бумаги на моем столе и когда я дрожащей рукой подписала их, молча сцапал и ушел, с такой силой хлопнув за собой дверь, что я вздрогнула. И еще половина офиса наверное. Козел, ручка теперь заедает.

Тендер «Тримекс» выиграл и я с горя напилась в дрова.

Утром, страдая от похмелья, молча слушала инструктажи от Кира, поясняющего, что через пару дней, я, он и несколько людей от «Радона» совместно с Лисовским и его зверьем, полетим в Гонконг, где «Легроим» произведет закупку строительного оборудования, которое после оформления, стратификации и растаможки «Тримекс» выкупит у «Легроима» с сумасшедшей наценкой. Для чего это нужно делать поняла сама — деньги с тендера, разницу между покупкой и продажей «Легроим» и «Радон» попилят пополам. Это первый этап схемы, по который будет теперь работать «Тримекс» и я, горестно застонав и начала рыть инфу, чем немало удивила брата, но на все его вопросы отвечала только, что если я младшая в семье, то это не значит, что безнадежная, типа, мне тоже вся эта ху... весь этот сложный и многогранный бизнес теперь интересен.

Кирилл одобрительно улыбнулся, сказав, что папа явно будет доволен этим моим рвением. Да, Кир, он будет явно доволен, ведь он не знает, что я тут все соки из себя выжимаю, опасаясь не только папиных ходов, но и слишком прыткого мозга Лисовского, который теперь тоже может нас обмануть в любую секунду, если я не буду сечь в теме, а при условии того, что если ходы Лисовского папой все же вскроются, то эта ублюдочная глыба льда будет использовать меня и это вообще...

Вот теперь и самообразовываюсь, чтобы следить и за папой и ублюдком Лисовским, а я же тупа-а-а-ая...

Через два часа, сидя в своем кабинете, я очень горько плакала, глядя себя бедную и тупую по голове, с отчаянием глядя в обилие схем, правил и стандартов, где я совершенно ничего не понимала и рыдала еще сильнее. Выпила кофе, подумала, что у меня есть еще сорок восемь жалких часов, чтобы впихнуть все это в свою голову и позволила себе еще минут десять поплакать от грядущего ужаса.

Глава 4

Мы прибыли в аэропорт Гонконга в восемь утра. Нас забрал кортеж, любезно

предоставленный будущим Легроимовским партнером, ожидавшим нас на переговоры в тринадцать ноль ноль того же дня. На мое возмущение Кир пояснил, что китайцы любят работать и никогда ни с чем не тянут, и, посмотрев в спину Лисовского, отдающего свой чемодан водителю и что-то бегло спросившему на мандаринском, заключил, что Лисовской тоже по ходу китаец, потому что «этот ишак настаивал, что нужно уложиться в два дня, поэтому собственно, ничего не имел против того, что китайцы назначили ему переговоры почти сразу после прилета».

Потом кортеж простоял пару часов в бесконечных пробках, что вообще никому не добавило настроения после долгого перелета и когда все прибыли в отель, то уже откровенно друг друга ненавидели и в особенности Лисовского. По-моему, даже его зверье было недовольно, хотя этого и не показывало.

Вообще я впервые была в Гонконге. Он был схож с Нью-Йорком — те же бетонно-стеклянные джунгли, касающиеся пиками небес, тот же бешеный ритм движения. Хотя здесь он был еще более выраженным. Людей было очень много, просто очень. Глядя на улицы с высоты двадцать четвертого этажа из окна своего номера, я подумала, что это просто один большой и тесный муравейник, под отблесками света, пляшущим на стеклянных боках небоскребов. Все куда-то спешили, неслись, хаотично передвигались и мне это нравилось. Я любила Нью-Йорк, я полюбила Гонконг. Хотя сначала, стая на заднем сидении машины Киру в плечо, ныла, что я хочу домой, когда же закончится эта пробка и просила меня пристрелить. Олежа, сидящий спереди, рядом с водителем, и бегло просматривающий бумаги «порадовал» что подобные пробки здесь — обыденность, но отель не так далеко от бизнес-центра, где должны пройти переговоры, и в принципе, можно идти до него пешком, чтобы сохранить нервные клетки. И что надо отдать «Легроимовской погани» должное, потому что они именно в качестве экономии времени настояли именно на том отеле, куда мы сейчас направлялись. Я изменила тему своего нытья, предлагая пристрелить Легроимовских, едущих в двух машине от нас, а Лисовского сначала оскопить и потом только пристрелить. Ребята грустно вздохнув, напомнили мне про существование уголовного кодекса и печально переглянулись, солидарные с моим горестным стоном.

В час дня я, Кир, наш руководитель проекта, папин финдир, Олежа и Легроимовские с вожаким идели в просторном и красивом конференц-зале, с потрясающим видом из панорамного окна. Только это трогало мое сердечко, перегруженное напряжением, только первые несколько минут, которые отводились на регистрацию, представление и подготовку.

Переговоры шли на английском, который я хорошо знала. Если бы, сука, не узкая терминология! Которую я даже с нашим оперативным переводчиком понимала не очень хорошо.

Однако общую структуру я улавливала, напрягая свой мозг изо всех сил. Сверяясь со своим планом без ложной скромности считала, что я не совсем уж и дура, все шло именно по тому стандарту, который я себе вывела, едва не поседев от тонн противоречащих друг другу статей, посвященных организации международных закупок.

Понимала, да, пока эти сволочи-китайцы не нарушили порядок, который я себе вывела, сказав, что они могут предоставить аналог товара, запрошенного «Легроимом» по более выгодной цене и не начали краткую видеопрезентацию с английскими субтитрами какой-то странной хрени выдающей какие-то другие хрени каким-то хреновым путем. Гугл выдал перевод незнакомого слова — «вибропрессование», что, конечно, понимания мне не добавило, и только сильнее разозлило, ибо мой сценарий нарушался, однако крайне

заинтересованные взгляды брата и Лисовского сказали мне, что сволочи-китайцы сбившие меня с пути осознания происходящего, сделали какое-то воистину интересное предложение.

Во время пятиминутного перерыва, любезно предоставленного нам на обсуждение новых обстоятельств за кофе, я хотела спросить у Кира, что происходит, но он только отмахнулся, что-то невнятно бурча и быстро сверяясь с предоставленными китайцами прайсами и какими-то странными путанными записями Димки, папиного финдира, плотоядными глазами глядящего на прайс и щелкающего кнопками калькулятора, тихо переговариваясь с Олежей, напряженно роящегося в лептопе.

У Лисовского, в принципе, было то же самое — с единственной разницей, что все происходило в мертвой тишине.

— Роман Вадимович, выходит на двенадцать процентов дешевле от стандартного, но если наценку оставить прежнюю... — Кирилл прицокнул языком, щурясь на бумаги перед собой. — По итогу выхлоп рванет в... пятьсот сорок... восемь процентов. — Кир вскинул бровь и довольно улыбнулся. — Неплохо...

— Нет. Нет, Кирилл Егорович, маловато вы посчитали. — Лисовский чуть нахмурился, что-то быстро дописывая и оглянулся на своего финдира, торопливо роящегося в телефоне, сверяясь с бумагами. — Стас, я тут прикинул, шестьсот тридцать... два, да?

— Если с учетом конвертации, то да. — Его финдиректор нахмурился, пересчитал и кивнул, подняв взгляд на жоака. — И два десятых процента. Роман Вадимович, идеальнее не вывести.

Лисовский удовлетворенно усмехнулся и посмотрел на Кира, присвистнувшего и улыбнувшегося, не отрывая взгляда от бумаг перед собой

— Единственное но — я по части этих линий не знаю, у них проект пробный, поэтому мне как любимому клиенту льготы по цене и право первой ночи. — Лисовский снова усмехнулся, мельком пройдясь по мне глазами, а затем снова пробегаясь взглядом по бумагам, протянутым ему одним из его зверей. — Китайцы предлагают нашим спецам сейчас съездить посмотреть, тут полтора часа до склада и обратно. — Он снова посмотрел на Кира. — Сечешь по механике? Человек-то мой. — Кивнул в сторону руководителя проекта, — можешь съездить с ним, посмотреть сам, а то будете потом мне кровь пить, подозревая невесть в чем. Как только убедишься, что товар приемлем, отзвонись, я подпишу договор.

— Конечно, съезжу. — Фыркнул Кирилл. — И без твоего предложения ясно, что закупку мы бы тебе сделать не дали без осмотра.

Лисовский презрительно улыбнулся глядя на Кира, но промолчал, кратким кивком обозначив вошедшему ассистенту, что переговоры могут быть продолжены.

Кир, Петр Васильевич(который «мой» руководитель проекта), переводчик и пара представителей китайской кампании уехали на оценку предложенного товара, чтобы уже через полчаса дать мне по смс добро, которое я обозначила Лисовскому, довольно, хоть и прохладно улыбнувшемуся.

Кир и прочие вернулись в отель. Мы чуть задержались, чтобы Лисовский обговорил последние детали, касающиеся завтрашнего официального подписания договора покупки и вопросы организации доставки. Я нахмурилась, глядя на свои заметки, недовольно повела уголком губ, сдерживая желание встрять в их диалог.

Отправила свои подозрения Киру в смс, ответившему мне кратким «Забей».

Сдержала раздражение. О, я бы забила, Кир, (его, лопатой) если бы Лисовский так

довольно не улыбался, принимая от китайцев поздравления и приглашение сегодня вечером отметить удачную сделку в ресторане. Это же Лисовский, тут ни на что забивать нельзя!

Напряжение во мне росло, пока мы покидали бизнес-центр и направлялись к парковке позади него. Росло и крепло. Его зверье и Олежа с нашим финдиром, тихо переговариваясь шли спереди, Лисовский и я чуть позади. Я, для достоверности пролистала свои заметки и только хотела задать интересующий меня вопрос Лисовской спине, идущей впереди меня к кортежу, как его недовольный голос меня остановил:

— Господи, в пробках больше времени уьем. Пойду пешком, тут пара кварталов.

— Я тоже. — Не успела осознать прежде, чем сказала, ибо представившийся перед глазами мучительный ад в пробке, выдал этот ответ за меня.

Лисовский, оглянувшись на меня через плечо, недовольно повел бровью, я уже чисто из вредности настояла на своем. Он закатил глаза и махнул водителю, ожидающему нас у задней двери, тот понятиливо кивнув, сел в машину и укатил за остальными машинами.

Лисовский зевнул и пошел прочь от бизнес-центра, на ходу роясь в телефоне и вообще не обращая внимания на меня, идущую за его плечом.

— Слушай, Роман Вадимыч, — напряженно позвала я, вынужденная из-за плотной толпы идти фактически вплотную с ним. — Ведь по факту перед закупкой оборудования тестирование должно быть. — Произнесла я, сравнивая свои заметки и план на завтра. — Почему у нас, в смысле у «Легроима» этого нет?.. Я уже тридцать раз все перепроверила. Завтра в десять утра оплата и подготовка сертификации... Где, блядь, тестирование или, хотя бы, демонстрация? Ну отправили они наших ту херь посмотреть, потому что она, типа, новая, передовая вся такая, только купите, а в перечне заявленного еще тридцать восемь позиций и их-то мы не видели, и вообще...

И врезалась в спину как-то резко остановившегося Лисовского. Он обернулся, внимательно глядя на угрюмую меня, потирающую пострадавший нос.

— Да что ты? У тебя все-таки мозг есть, да? И ты им даже пользуешься? — прохладная ирония и глаза темнеют, насыщаются... интересом. Это необъяснимо будоражит, но только расцветающее чувство гаснет под гнетом злости. — Не подозревал, не подозревал...

— Я тебе вопрос задала. — С нажимом повторила я, исподлобья глядя в насмешливые глаза.

Лисовский усмехнулся и, отвернувшись и презрительно не удостоив меня ответом, пошел через пешеходный переход. Чтобы не потеряться в мчащей навстречу и попутно толпе я вынужденно прижалась к его руке и вздрогнула, когда почувствовала, что его пальцы почти переплелись с моими, но тут же резко отдернулись, будто для него самого это было неожиданностью.

— Лисовский! — Зло стиснула его локоть, вынуждая остановиться, когда мы пересекли дорогу. — Что за херня? Почему презентации и тестирования не было? Это непреложное правило по закупкам у китайцев, я вчера полночи все сверяла, чтобы знать, где ты нас можешь набать. Вот, с тестированием вопрос, отвечай давай!

— Потому что я с этой компанией три года сотрудничаю. — Закатил глаза и рывком вырвал свой локоть, едва не пихнув проходящего мимо индуса. — И мы уже обходимся без декорума, унылых формальностей и прочего. Твоя семейка в курсе и не имела ничего против. Все, с меня сняты подозрения?

— Ага, как же. Не расслабляйся.

Ответ меня не удовлетворил в большинстве своем из-за насмешливого взгляда. Я мрачно

рылась в своих заметках, чтобы найти еще интересующие меня моменты, которые не были соблюдены. Беда в том, что они либо были соблюдены на переговорах, либо относились к завтрашнему дню и планам. Что почему-то злило. Мы пересекали одну из множественных полнокровных улиц, где в широком разнообразии располагались различные забегаловки, источающие такие невероятные запахи, что это мгновенно наполняло рот слюной и заставляло вспомнить, что я вообще-то со вчера ничего не ела. Кофе только глотала и готовилась, готовилась и готовилась, однако все оказалось гораздо проще.

В животе громко заурчало и засосало под ложечкой, когда обоняние уловило запах жаренного мяса. Я запихнула все свои заметки в папку и сунув ее подмышку, повертела головой в поисках того фантастического места, откуда доносились такие волшебные запахи. Обнаружила уютную открытую забегаловку и автоматически сделала шаг к ней. И вздрогнула, ощутив на моей кисти хват пальцев Лисовского, все так же роящегося в телефоне и да, да, сука, растерявшегося при этом своем явно безотчетном движении, чуть ли не больше, чем я. Бегающий по строчкам взгляд остановился, зрачки расширились, челюсть плотно сжалась. Но контроль он брал над собой быстро, поэтому лицо стало мгновенно непроницаемо, однако тиски пальцев не стали слабее. Я недоуменно приподняла бровь, невольно ощутив жар под кожей от этого его движения и от факта, как именно оно было сделано. Лисовский поднял на меня холодный взгляд.

— Здесь, что ли? — неприязненно спросил он, глядя на избранную мной забегаловку. — Тут до отеля пятнадцать минут осталось, там нормальная кухня.

— Вот тебе какая разница, где я буду обедать, Лисовский? — вырывая свою руку и тоже едва не пихнув проходящего мимо человека, буркнула я.

— Потому что... твой братик мне всю душу выебет, если я вернусь в отель один. Нет, мне, разумеется, все равно, однако его стенания могут испортить мне настроение.

Почему-то эти прохладные слова, сказанные с такой убийственной надменностью мне показались откровенным искажением и попыткой скрыть то, что он сам не понимает, почему сдержал меня за руку.

— Ой, Лисовский, — с легкой ноткой вызова начала я, гася в себе желание ехидно улыбнуться, иначе он точно не согласится, — неужели тебе, такому псевдоаристократишке, боязно в обычной забегаловке перекусить? Думаешь, твой желудок, привыкший только к высокой кухне, не выдержит?

В его глазах мелькнуло что-то такое. Что-то, что заморозило во мне ехидство. Не знаю, что это было, но оно вот совсем не из разряда его скалезубства, или того, когда он пытался меня заткнуть убийственным взглядом, насмешкой и прочим... Я осеклась, но его выражение глаз уже снова было прохладным и ироничным.

— Ну, отчего же? Я в армии служил под Новосибиром, у меня желудок и кирзовый сапог может переварить.

Реплика какая-то... неконтролируемая, что ли. Странная такая. Я бы ожидала от него чего-то язвительного, ироничного, в крайнем случае просто убийственного взгляда, а это словно бы новая попытка скрыть то, что невольно заставляло меня отступить и это тоже было странно. Я была в замешательстве, он, скорее всего тоже, но снова этого не показывал. Серые глаза потемнели, блеснули сталью — опять раздражен. Почему-то вспомнилась заедающая ручка офиса, однако Лисовский, отведя взгляд, просто молча пошел в забегаловку. Я бы сказала, что он подался на провокацию, если бы не было этих странных, ни на что не похожих мгновений, заставивших меня заткнуться и просто последовать за ним.

Оживленная обстановка, чем-то неуловимо схожая с американскими придорожными кафешками, гомон интернациональной толпы и безумно вкусные запахи от широких прилавков с самой разнообразной снедью. Меня лично из всего ассортимента привлекло нечто похожее на пельмени, только с начинкой из креветок. Улыбчивая китайка накладывающая мне порцию в большую деревянную тарелку, на беглом английском пояснила, что подается это кушанье с имбирем, соевым соусом и уксусом. Потом нужно смешать соус и уксус и брать пельмень, проделав в нем дырочку, чтобы вытек бульон, и вместе с полученной смесью съесть.

На вкус оказалось просто божественно. Просто божественно! Я аж зажмурилась от удовольствия, оторвав презренный взгляд от отбивных с рисом, выбранных Лисовским, с кратким сомнением смотрящим в свою тарелку. Таки аристократишка, привыкший к высокой кухне, непонятно из каких побуждений зашедший со мной в эту забегаловку. Тролль был разбужен и посажен на мой трон.

Я поглащала пищу богов с треском за ушами и восторженным причмокиванием, что раздражало Лисовского и прямо меня подстегивало дальше это делать. Набив желудок, я задумчиво смотрела на другой прилавок, где были представлены всякие сомнительные вещи, вроде кишок быков, ушей козочек, размолотых до консистенции фарша, обжаренных в кляре и нанизанных на шпажки. Мы сначала туда пошли, как перешагнули порог забегаловки и оба солидарно отвернулись, когда прочитали чем именно потчивают гостей там.

Злорадно гоготнувший тролль в моей голове поделился хорошей мыслью, и я, громко заявив, что не наелась, двинула в ту сторону. Выбирала долго — ассортимент ужасал, но воспоминание сомневающегося взгляда Лисовского на рис и отбивную подстегивало. Оглянулась — снова роется в телефоне, утратив интерес ко всему происходящему. И хорошо.

Выбрала корни лотоса — самое безобидное и наиболее похожее по внешнему виду на то, что было избрано мной в качестве орудия мести.

Ужасающе остро. Я с отчаянием думала, как буду потом плакать в туалете, когда сия адская трапеза минует все этапы переваривавшая и заставит меня страдать на своем выходе. Однако, желание подгадить снова заставляло меня натурально изображать восторг и блаженство. Как и рассчитывала, взгляды Лисовского отрывались от телефона на мое блюдо, объявившее приговор моей пятой точке. Но ох уж это женское коварство...

Запихнув в себя последний кусочек со шпажки я сказала, что повару нужно ставить памятник при жизни и пошла за дополнительной порцией.

Три шпажки орудия мести и одна с лотосом. Господи, лишь бы не перепутать, они же так похожи, эти шарики в кляре...

Плюхнулась на стул и поймав взгляд Лисовского, взяла шпажку с лотосом (я искреннее на это надеюсь, потому что острота была прежней и мешала определить вкус) восторженно пролепетала, влюбленным взглядом глядя на небольшие шарики на шпажке:

— Это тофу. Обожаю тофу, но такого я еще не пробовала! Лисовской, ты просто попробуй! Просто попробуй! И как у этого заведения еще нет мишленовской звезды! — я придвинула к нему площадку, изображая наслаждение, когда стягивала зубами шарик перченного до дурноты лотоса.

О, расчет оказался все же верным. Лисовский заинтересованно глядя на шпажки, протянул руку и взял одну. Пара секунд, пережевывает, и его задумчивое лицо становится очень подозрительным, при взгляде на мою ехидно скалящуюся морду.

— Я не хочу знать, что это на самом деле. Понятно? — холодно бросил мне,

замораживая взглядом

— Я ела лотос, а ты козлиные кокошки. — Гадливо произнесла я и заржала глядя на надменное лицо, тут же позеленевшее и глядящее на меня с почти ненавистью.

Когда мы шли до отеля, угорала я еще очень долго, хотя старалась скрыть и не особенно сильно хрюкать от смеха заглушаемого ладонями, прижатыми к своему рту, потому что уничижительный взгляд Лисовского как-то сбавлял все веселье.

В отеле пробыла до вечера, хотелось пошататься по магазинам, но с учетом перенапряжения в подготовке к переговорам и наслаждения в забегаловке, эмоциональный фон был истощен и достаточной мотивации не обнаружилось. Поэтому я мирно продрыхла до вечера, потом подготовка к выходу: душ, укладка, выбор гардероба... почему-то кожаная юбка, узко стягивающая бедра и чуть более свободная ближе к колену. Черная, строгая блузка, умеряющая секс черной кожи, минимальный макияж, тонкий капрон чулок и лодочки на шпильке.

Под локоток с Киром к картежу, и я чувствовала серебристый взгляд на своих бедрах. Грело самолюбие. Очень.

Ресторан был на втором этаже беснующегося клуба. Китайцы общались с нами все равно на деловой ноте, несмотря на расслабляющий полумрак шикарного интерьера, изысканной кухни, приглушенного ненавязчивого фона музыки. Пили мало, говорили много и уважительно.

Вино по моим венам, виски под кожей у мужчин. Расслабляло. Сильно. Их тоже расслабляло. Они еще и наслаждались удачей с повышением порога допустимого распила бабла с тендера, это тоже заметно. По расслабленному взгляду Кира, рыскающему по залу в поисках своей жертвы на сегодня.

Склоняюсь к его уху, тихо направляю на ту, что заметила:

— Брюнетка с голубыми глазами. На три часа. Палит тебя, Кир, поза открытая, полуразвернутая, взгляды из-под ресниц и прочая поебота на привлечение...

Брат заинтересованно посмотрел в указанном направлении и кинул благодарный взгляд на меня. Алкоголь лился, Кир соблазнял, я наслаждалась. Чувствовала участившиеся взгляды серых глаз. Не могла не ответить. Томление в крови вспыхивало и с каждым разом подкреплялось. Олежа, как и всякий раз на наших бухих вечерах, начал подкатывать яйки. Это раздражало сильнее, чем обычно. Пара слов на ухо брату и тот одним взглядом обрубил любые поползновения опечалившегося Олежи, тут же обратившего взор на одну из Легроимовского зверья. Кажется, она секретарем референтом хреначила на переговорах.

Пара часов, и Кир все-таки снял ту брюнетку. Ободряюще потрепав меня по щечке, отчалил. Как и Олежа с Легроимовской. Отпросившейся взглядом у жоака. Это повеселило. Он настолько... влиятелен? Настолько, что требуется одобрение на разовые пьяные потрапушки?.. Впрочем, мы же из разных прайдов. Перевернуть ситуацию — у папы бы тоже отпрашивались, только он бы сразу башку снес с плеч...

Я откинулась на спинку дивана, играя плеском вина в бокале и отвечающая какую-то лабуду о русских традициях на вежливый интерес китайца, сидящего напротив. Между мной и Лисовским было около полутора метров на диване и мне хотелось его сократить.

Я с трудом сосредотачивалась на вопросах китайского товарища, говорящего с характерным акцентом на английском и... чувствовала. Чувствовала взгляд. Металлом с его глаз под кожу, в вены, оседая в них тяжестью, вызывающий отзвук и желание... того вечера.

Не могу. Глотаю алкоголь, прошу еще. Пью. И тяжелее. Нет расслабления. Вообще нет.

Я знаю, он смотрит. Жжет. Серый взгляд долбит в висках пополам с отдаленными битами с нижнего этажа, его взгляд шепчет в моей крови, дурманит и зовет.

Кожаная юбка кончиками пальцев так незаметно и так намеренно поднята до грани, обнажающей кружево чулок в двадцать ден.

Его взгляд напитывает жалящим теплом силиконовые грани, удерживающие тонкий капрон на коже ног.

Его это заводит — эхо взгляда в крови напитывается тяжестью и пьянит еще сильнее. Я уже давно и бескомпромиссно отравлена... и не хочу ничего с этим делать. В мозгу в ответ на уязвленно вскрикнувшую гордость, долбит хитрое и упоительное оправдание, на мгновение признанное мной просто гениальным: «нам нужен телефон этого ледяного ублюдка, нам нужен его телефон! Мы удалим запись! Продолжай его соблазнять! Нам нужен... его телефон! На войне все средства хороши! Продолжай!..»

Продолжаю с желанием. Дразнящее движение пальцев медленно, нарочно медленно оправляющих ткань юбки. А его взгляд все еще обжигает. Чувствую. Ощущаю кожей, нутром и тяжестью в венах, так реально, как будто-то бы это действительно были его прикосновения, запускающие безумие в помрачѐнный разум. В котором так и бились остатки женского соблазнительно коварства. Соблазненного. Павшего уже давно.

Тотал эрор — поворот моей головы и перекрест наших взглядов. Ошибка четыреста четыре, страница не найдена...

Его глаза, стальные вроде бы, да только металл плавный... Горячий, обжигающий.

Деланно спокойно смотрю на него, но чувствую, как в моем взгляде прорывается голод, который утолить мог только он, ибо поднял слишком высокую планку. Тем проклятым вечером...

Его краткий указывающий взгляд на свою руку, в которой блестит металл ключей. Он выбил нам площадку. Снова перекрест наших взглядов и его едва заметный кивок в сторону выхода.

Я проиграю, если подчинюсь.

И я подчиняюсь.

Да, я иду с целью переиграть ситуацию. Да, именно этой целью.

Пара шагов из зала по темному коридору. Скользила подушечками пальцев по холодным стенам, покрытым тесненными серебряными обоями и чувствовала его взгляд за этим движением.

— Сюда. — Краткий перехват за мой локоть, когда я почти миновала предпоследнюю дверь в глубине скудно освещаемого коридора.

Толкает меня спиной к двери, прижимает к деревянному полотну и придвигается плотно, неотрывно глядя в мои глаза. Щелчок ключей в двери. А мы стоим. Я в его аромате, он, не шевелясь под моими пальцами, скользящими так поверхностно, так медленно, с наслаждением, от его шеи, покрывшейся мурашками, вниз по хлопку его темной приталенной рубашки. В горле пересыхает и кровь стонет от жара, когда я вижу эту реакцию его тела на свои прикосновения. Он тоже голоден. Он зол на себя за это, но и удержаться не может. Это пьянит еще сильнее, ускоряя дыхание от тяжести свинца, оседающего внизу живота, подстегивая ритм сердца, когда я с нажимом медленно иду пальцами по его груди и вижу... я вижу, как его грудь вздымается чуть чаще.

Почти дошла до середины его живота, когда он перехватил мою руку. Сжал. Больно. Невольно тихо и уробно рычу, вскинув на него взгляд. А там, в плавящейся стали его глаз,

блеснуло что-то такое, что заставило сердце, почти сорвавшееся галоп болезненно замереть, и он в следующий миг с силой врезает мою кисть о дерево двери над моей головой. Втискивает в прохладную поверхность и давит еще, вырвав меня из дурмана и заставив невольно зашипеть.

Но поворот дверной ручки двери и губы в губы. Цепляюсь в него жадно и до боли, вызывая его недовольный звериный оскал в мои губы. Толкает назад, в глубину какого-то кабинета погруженного в полумрак. Еще и еще. Резко, слишком. Оступаю, не успеваю восстановить равновесие, но он подхватывает мое тело, стискивает в руках, вжимает в себя, одновременно ударяя в губы жестким поцелуем.

Забивает на дно все мое возмущение своим бескомпромиссным веянием, и уже я тону в этом с удовольствием. Почти не причиняя ему боли вцепившимися в плечи ногтями. Он не любит следы на себе. Он свободен, он зверь. А мне похер — моё должно носить печати моей собственности. А сейчас он моё. И на нем будут мои отметины. Поэтому нажим моих пальцев усиливается.

Чувствует. Отстраняется. Морщится. Это только еще больше пьянит и злит, заставляя усилить нажим моих пальцев, что только сильнее кутает его разум в полное отсутствие контроля. Наказывает — звучный и хлесткий удар по моей ягодице, пробивающейся болью сквозь хмель алкоголя и его дурное веяние.

Совсем по животному протестующе щерюсь в его губы. Его грубейший толчок в мое плечо, заставив отступить. Снова удержание от падения, когда шпильки меня почти подводят. Книжные полки, в которые упираются мои лопатки. Подхват под мои ягодицы и одобрительная усмешка мне в губы, когда обхватываю его бедра ногами. Неудобно. Теряюсь в выдохе сухих губ. Язык наглый и грубый, заталкивает мой, скользит по нему и дразнит, на всякое возражение ударяя. Смеюсь. Опыаненная. Мозг варит и не варит одновременно. И мир яркий под его дурманом. Яркий, нуждающийся во мне и в моих решениях, если бы не грубые губы, кусающие зубы и горячий язык, которым сопротивляться нет ни силы, ни желания. Пользуется моментом, отодвигая влажное кружево белья, справляясь со своей одеждой.

Берет меня. Берет жестко. Прямо на весу, вбивая меня спиной в корешки книг и твердость полок. Берет жестко и жадно. Берет без защиты. Берет так, что я готова встать перед ним на колени и под серебряным взглядом выполнить все, что он пожелает. Берет. Пьет мои стоны абсолютного наслаждения от разрыва внутри и боли снаружи от грубости происходящего.

Отстраняюсь, воздуха не хватает, тело разрывает, перед глазами плывет. Хочется еще больше жара в теле, еще больше горячего хаоса в голове. Выдох ему в плечо, в свои руки, обвивающие его плечи. Тяжело. Ему двигаться, мне удерживать корпус с ума сходящего тела, опираясь только на свои ноги, обвившие его бедра. И нам обоим похуй.

Все, что имеет значение это его жадность, моя алчность в ответ, и этот мир будет строиться по этим правилам. По нашим правилам.

Бьет. Бьет жестко и с болью. Вбивается в мое тело. Улыбается мне в губы. Высокомерно и презрительно. Тварь. Агрессивно улыбаюсь в ответ и ударяю — пощечина. Замирает. И рывком... вбивает. Не вжимает, именно вбивает меня спиной в стеллаж. Падающие книги, шелест страниц, мое разъяренно шипение, заглушенное его ненавидящими, кусающими, и такими голодными поцелуями.

Хочется сдохнуть. От напряжения мышц, отчаяния, ненависти. Страсти. Удовольствия,

почти уже экстаза. Он мой лучший... Тварь, трахающая так, что... подчиняюсь. Прячу зубы за губами осыпаящими поцелуями его шею. Почти сразу его движения мягче, его ладони под мои лопатки, смягчая удары о дерево полок при каждом движении его бедер.

Благодарным стоном в его ухо и наслаждением по венам от вида мурашек по коже его шеи... Моя совершенная, жестокая тварь...

— Моя сука... — его безотчетное. Хриплое. Сбитое. Довольно рыкнувшее.

И это отправляет мой мир в ад. Продаю мир за ад. За его ад. Сжигающий, заставляющий наконец-то сладко сдохнуть под гнетом накрывшего огненного оргазма.

Отстраняется, сбивая мою финишную черту. Кончает. Безумно красиво. Это смазывает остроту сорванного мне оргазма. Холод, лед, воплощение тваризма, утыкается лбом мне в плечо, пара движений и дрожь по хищному телу, заглушенный рваный выдох. Тварь... Совершенная тварь в совершенном оргазме.

Это зрелище льется в сознании, отчетливыми всполохами отпечатывается в памяти. Ноги слабеют. Не открывая глаз, делает шаг ко мне, зажимает собой.

Усмехаюсь, слабо утыкаясь в его плечо. С минуту. Пока не обретаем над собой власть.

Отстраняется первым. В угол кабинета, к раковине за ширмой. Усмехаюсь, глядя ему в след, и с трудом иду до широкого рабочего стола пред огромным окном, пользуясь случаем быстро, несколько рвано оправила одежду нетвердо ступая по полу.

Села на край стола, скрестив ноги и чуть склонив голову окидывая его фигуру взглядом. Секундная заминка, когда уже выключил воду, но не повернулся сразу.

Повернулся. Взгляд темный, усмехающийся. Расстегивает манжеты темной рубашки, медленно приближаясь и закатывая рукава. Мое тело еще слабо, а это вот все необъяснимо заводит, заставляет губы снова пересохнуть. Я опять его хочу. Сука.

С трудом остаюсь в себе, когда он подходит вплотную.

— Откуда ключи? — тихо спрашиваю я, глядя в затягивающие глаза.

— Тот, что рядом со мной сидел — владелец этого заведения. Попросил у него ключи. — Усмехнулся, склоняя голову и задумчивым взглядом скользя по моему лицу.

Отчего снова пьянею. Ноги сами раздвигаются, когда он едва ощутимо надавливает на мои колени пальцами, подсказывая развести их. Чтобы прижаться. Губы в губы, но не касаясь. Дыхание смешенное, горячее...

Господи, приди в себя, дурная женщина!

С трудом и неохотой, но сделала это. Пробившаяся сквозь баррикады возбуждения рациональность почти гасит желание. Цель. Здесь. Сейчас. Он враг.

Скольжу пальцами по его плечам, вниз, по торсу еще ниже, хочется сжать его ягодицы, но знаю — ему это явно не понравится, поэтому мягко кончиками пальцев перехожу по ткани вперед и ниже, одновременно подаваясь к нему и впиваясь в его полуулыбающиеся губы поцелуем. Почти забываю, почти теряюсь, но пальцы левой руки-таки ж касаются пластика чехла его телефона в правом кармане брюк.

Сжимает мою грудь и мой невольный стон ему в губы, не выдержав накатившей пока еще ослабленной расчетом волны удовольствия и едва не выронила телефон, аккуратно почти уже вынутый из его кармана.

— На нем пароль, скудоумная... — насмешкой мне в губы. — К тому же, думаешь, я настолько тупой, чтобы не размножить запись на разные носители?

Эти слова сметают и меня и мои эмоции до холодного пустыря внутри. Отстранилась резко. Он перехватил свой телефон из моих пальцев и тихо, издевательски рассмеявшись,

продемонстрировал мне экран мобильного, который просил ввести пароль.

Меня перекосило от смятения внутри. Он снова рассмеялся. Негромко, с удовольствием и прохладным сарказмом, что отдалось тяжелым, болезненным эхо в ушах. Резко отпихнула его, спрыгнула со стола. На ходу оправляя одежду дрожащими уже от злости пальцами направилась к выходу.

Он тварь. А я тупая. Все на круги своя.

За столом уже все захмелели и либо наше почти одновременное возвращение никто не связал воедино, либо все были слишком тактичны. Его холодная усмешка, краткий уничижительный взгляд мне в глаза, когда он возвращал ключи владельцу. Сука. Ненавижу.

Хлопнула два или три бокала вина, пытаюсь прийти в себя. Дело дохлое. Пошла на выход. Стрельнула сигарету у какого-то индуса, тусующегося на входе с сородичами. Зашла за угол, чтобы насладиться сигаретой, одиночеством и осознанием, что я просто непроходимая идиотка. Смотрела на гавань Викторию в отдалении, на темные плещущиеся в лунном свете и иллюминации небоскребов воды, прижимаясь неожиданно ноющими лопатками к облицовочной плитке стены. Мой покой нарушили. Пьяная сосущаяся на ходу пара немцев, попросившая прикурить. Досадно поморщившись, протянула им сигарету, от которой симпатичная блондинка моих лет прикурила и, смеясь, выдохнула дым в лицо улыбающегося ей шатена. Я бы убила за такое, а эти двое лишь посмеялись. Блондинка поблагодарила меня, хотела было отправиться вслед за своим спутником, направившимся к парапету на деревянных сваях, погруженных в темные воды, но ее взгляд пораженно застыл. Невольно проследила за ним.

О, ну конечно. Лисовский. Дымящий сигаретой в паре метров от нас и заинтересованно скользящий потемневшими глазами по ее стройному телу. Стало отчего-то противно. Отвернула лицо, глядя в пол и едва заметно и неприятно дрогнула, когда он на довольно чистом немецком пожелал доброго вечера очарованной блондинке.

Она кокетливо рассмеялась, сказала что-то глупое про то, что если бы не была уверена в том, что он иностранец, то непременно бы решила, что он немец. На мягкие нотки утробно рычащего приглашающего флирта в его ответной реплике с вопросом, а почему именно она заключила, что он не немец, блондинка заявила, что у него явно финский акцент.

Я не сдержала мрачную улыбку, повернув голову и вглядываясь в ее профиль, охотно улыбающийся Лисовскому, которого, казалось бы, совершенно не интересовало приближение спутника немки, того самого шатена. Я только вот готова была злорадно гоготнуть, но шатен спокойно отнесся к тому, что его баба откровенно флиртвала с Лисовским. Охуенно, что еще сказать.

Раздраженно глядя на них, не дала Лисовскому ответить, когда немка спросила, чем он занимается, и быстро и правдиво соврала, что он знаменитый русский порноактер, а помощник режиссёра. Немцы посмотрели на меня удивленно, Лисовский с раздражением. Но нет, вопреки моим ожиданиям, они не смутились. Особенно белобрысая тварь с интересом таким взглянувшая на другую белобрысую тварь, которая была типа русский порноактер, сжигающий меня взглядом. Но я и без того была почему-то полна злости от этого взгляда немки на него. И почему-то с каждым мигмом ненависть становилась все отчетливее, все сильнее, концентрированной.

Она только открыла рот, что бы что-то сказать, как мои губы выдали грубый немецкий аналог «вы нам не подходите в партнеры знаменитого русского порноактера, уходите и следите за своей внешностью, потом можете попытаться счастья. Хотя маловероятно, что что-

то получится».

Она повернула ко мне лицо и в глазах сверкнула злость, что добавило силы и огня моему разрастающемуся внутри горячему раздражению. Я затаилась сигаретой в последний раз и выкинула ее ей под ноги, перебив ее на полуслове, холодным заявлением, что с такой потасканной внешностью в порноиндустрии себя искать не стоит. Немку перекосило. Она сделала шаг ко мне. Ну, давай, сука — презрительно улыбнулась я ей. И она в меня плюнула. Подписав себе смертный приговор.

Глава 5

Внутри взметнулась огненная ненависть, сжегшая любое проявление рациональности и воздвигшее на пьедестал животную ярость.

Метнулась к ней, пальцы вцепились в ее волосы у корней и резко, быстро, с силой повели ее голову вниз. Она вскрикнула, попыталась сопротивляться, попыталась не дать мне возможность склонить ее, и взять в мертвый захват под локоть, прижав к своему боку ее голову. Попыталась, но рука у меня была набита, а злости диктующей порядок действий мало кто мог вообще сопротивляться.

— Ты куда лапы тянешь, блядина?..

Злобный рык Лисовского, немного охладил ярость, бурлящую в моей голове. Я резко вскинула голову, чтобы узреть, что обращение явно было не ко мне, а к шатену, неожиданно-негаданно очутившемуся рядом с нами и уже тянувшему руки к моим волосам, когда Лисовский одним пинком в ребра отшвырнул от меня недомужика. Тот, как-то по бабьи взвизгнув почти валится, но успевает схватиться за перила и скривившись от боли и злобы неразумно кидается на Лисовского.

Что там у них дальше было, я не увидела, потому что блондинка, изрыгая страшные проклятия, так звезданула мне ногой в голень, что я вообще утратила интерес к окружающему миру. От прострелившей боли, подло ослабившей мне руки и сбившей равновесие, почти свалилась на тротуарную плитку, однако эта же боль подстегнула злобу и ненависть, застелив пеленой глаза и заставив пальцы, почти выпутавшиеся из ее волос, вцепиться мертвой хваткой и одним сильным рывком на себя, повалить ее на тротуар.

Снова мой бешенный рывок за ее волосы, сломивший ее сопротивление и я почти ее подмяла под себя, когда почувствовала дичайшую боль в ключицах, прострелившую тело до слабости. Лисовский, сжавший мои плечи, дождался мгновения моего скулежа, чтобы сдернуть с тела твари, напоследок плевком задевшей мою ногу. Сучара! Вот сучара! Верблюдиха!

Этот ее поступок возвел в абсолют мою агрессию и она почти полностью оттеснила паралитическую боль. Я вырвалась из рук Лисовского, почти сделавшего со мной шаг назад, когда тварина поганно ухмыляясь, уже вставала на четвереньки. Вырвалась и почти ударила ногой в ее лицо, но злобный рык Лисовского и меня снова рванули назад от твари, еще и хохотнувшей напоследок. Это вообще убило. Во. Мне. Человека.

Рванула к этой мрази так, что Лисовского, не отпускающего мое тело, протащило вместе со мной. Он охнул и выдал такой мат с исчерпывающим описанием в общем ситуации и моих умственных способностей в частности, что дикое животное, рвавшее и метавшее во мне, не отпускающее взглядом растрепанную сучку, поднимающуюся на ноги, обратило возмущенный взор на бледного и неузнаваемо злобного Лисовского, с яростью

глядящего мне в глаза. И это очень отрезвило. Очень. Тяжело дыша, рыча сквозь зубы, пыталась отпихнуть его руки, но он только сильнее стискивал меня.

Бросила взгляд через его плечо и обомлела. Тот шатен, что пытался вцепиться в мои волосы, нехило так огреб от Лисовского. Кровь из рассеченной брови заливала побитое лицо и взгляд его, не отпускающий спину Лисовского был просто дикий. Он двигался к нам, хромя, но неуклонно. И в опущенной вдоль тела правой руке сверкнула сталь

Я, задохнувшись, помертвела, не в силах подавить тьму перед глазами, стучащую непередаваемым страхом и вырывающую из памяти весь тот ужас, который, казалось бы, надежно закрыт... Лисовский мгновенно на это отреагировал, выпустил меня из тисков и обернулся. Плечи одеревенели. Он отвел руку так, чтобы я встала за его спину. Заговорил на немецком. Чистом и понятном. Попросил остановиться. Шатен усмехнулся и сплюнул ему под ноги кровавую слюну, делая новый шаг.

— Пошла отсюда. — Негромкий и такой парадоксально спокойный голос Лисовского. — Чего ты, блядь, застыла? Пошла отсюда.

— Ром... — мой сиплый отчаянный шепот и ледяные пальцы касаются его напряженных плеч.

— Уходи, я сказал. Ты совсем тупая? Бегом в клуб. — Он отступает на шаг, оттесняя меня спиной, когда расстояние между ним и шатеном сократилось до метра. Отступает мягко и осторожно, чтобы не спровоцировать. — Скудоумная, уходи, не видишь он в неадеквате?... Уходи, блядь.

И снова его тихие, ровные слова на немецком, предлагающие решить вопрос по другому. Снова жуткая ухмылка в ответ. И шатен кинулся. Лисовский отшвырнул меня с такой силой, что я упала, но ни испугаться, ни понять ничего не успела — меня схватили за волосы.

Та тварь, которую несколько минут назад я со страстью мутузила на тротуаре, воспользовалась моментом. Она резким рывком дернула мою голову назад, вынуждая зарычать от боли и торопливо перебрать руками и ногами ближе к ней. Ошибившись руками, перебирающими по плитке, плюхнулась на задницу, но тут же выстрелила руками и ногтями прошила ее кисти до крови, мгновенно ослабляя этим ее хватку. Дернула головой, вырывая свои волосы и не расцепляя своих пальцев на ее кистях рванула ее тело вперед, рассчитывая попасть своей вскинутой ногой в ее голову и испуганно метая взгляд на Лисовского, ушедшего от широкого замаха шатена. Он перехватил свободную от ножа руку и дернул мужика на себя, второй рукой почти перехватив пальцы с ножом, но рухнувшая рядом со мной блондинка, избравшая это приземление вместо свидания с моим поднятым коленом, загородила обзор. Она, злобно шипя, как-то извернулась и попыталась ударить ногой. Я почти увела голову. Почти. Боль в щеке, звон в ушах, привкус крови на языке и чего-то твердого, повредившего десну.

Глухо вскрикнула от волны боли, отпустив ее руки, но почти мгновенно вцепляясь в ее шею, из последних сил, забывая боль на дно под гнетом кипящего от ненависти сознания. Рванула ее на себя, собираясь подмять и взглядом цепляя свидетельство того, что Лисовский, вскинувший голову на мой вскрик, пропустил момент.

Он почти вывернул руку с ножом, но отвлекся на меня и шатен этим воспользовался. Почти. Если бы Лисовский не расцепил руки и не шагнул назад, лезвие бы не просто полоснуло его по животу, а вонзилось в его тело. Он рвано выдохнул, отступив еще, чем еще вернее спровоцировал на новое нападение обезумевшего от краткой победы шатена,

сделавшего шаг к нему. И получившему резкий и безжалостный удар между ног от меня, мгновение назад испуганно соскочившей с сопротивляющейся блондинки.

Лисовский посмотрел на меня ошалелыми глазами и, шагнув мимо упавшего и скрюченного на тротуаре мужика, схватил за локоть, рванул со мной куда-то в сторону.

— Только попробуй, сука! — рыкнул кинувшейся было наперерез блондинке, и продублировал свои слова на немецком.

— Лисовский!..

— Драпаем, блядь!

Он рвал прочь, мимо клуба, через какие-то подворотни. И страх, подстегиваемый напитывающийся силой от зрелища того, как он вторую руку прижимал к животу, заставлял меня забыть о том, что на шпильках я бегаю плохо.

Остановился в какой-то подворотне между высокими кирпичными домами, и только тогда отпустил мой локоть. Сделал несколько шагов вперед и с такой силой пнул мусорный контейнер, что тот отъехал от него на очень приличное расстояние.

— Лисовский... — сбито дыша, позвала я, делая шаг к нему, уперевшемся одной рукой в стену и опустившему голову. Вторую руку он все так же прижимал к животу, где ткань набрякла кровью.

— Сука... — его тихое злое шипение сквозь стиснутые зубы.

— Ром... — онемевшими губами прошептала я, встав рядом и глядя то на его закрытые глаза, с темными, дрожащими ресницами, то на ладонь, сквозь которую обильно струилась кровь. — Лисовский! В больницу надо...

— Ты совсем дура, что ли? — он повернул ко мне голову, глядя прищурено и зло. — Доктора обязаны сообщать о ножевых полиции. Ты что, сука, думала, мы просто так оттуда сбежали, что ли? Это сто процентов потом полиция, их за нож, нас за избиение, законодательство у китайцев скидку на граждан других стран не делает. Какая нахер больница? Мы отсюда в лучшем случае лет через пять тогда уедем. Сразу после тюрьмы.

И он тихо рассмеялся, глядя в мое перекосившееся лицо и окончательно меня этим введя в ступор. Убито прикрыл глаза, повернулся к стене спиной и присев на корточки откинулся на холодный кирпич.

— Пиздец, съездил я в Китай... — аккуратно отнял руку от живота, отодвигая набрякшую кровью ткань. — Ладно, не верещи, царапина. Заживет.

— Ты... ты вообще, что ли? — потрясенно охнула я, глядя на его задумчивое лицо, осматривавшее нехилых таких размеров «царапину» сочащуюся кровью. — Лисовский, поехали в больницу! Денег им всунем, соврем что-нибудь! Ты... совсем, да? Ты совсем ебанутый? Поехали в больницу!

— Ебанутый тут не я. — Холодно ответил он, вновь зажимая рукой рану и вскинув голову с неудовольствием глядя в мое шокированное лицо. — А тот пидор. Сказал, не переживай. Крови много, потому что это живот. С башки и с живота всегда столько льется, как будто свинью режут. Нормально все. Вроде даже зашивать не нужно, — поморщившись, достал телефон из кармана и кому-то набрал. — Миш, я не вернусь. Слезно извинись перед китайцами, наври что-нибудь правдоподобное и всю эту байду в ресторане за наш счет закрывай в качестве извинения. — Он отключил звонок и недовольно прицокнул языком, запоздало оттирая кровь с экрана о ткань брюк.

У меня подкосились ноги, я уперлась дрожащей рукой в стену, с тревогой глядя как тяжело он поднимается.

— Ром, пожалуйста... — с силой и грубостью запихивая такую ненужную сейчас истерику на край сознания, тихо, с мольбой прошептала я, глядя как от его движения, сквозь пальцы снова заструилась кровь. — Ром, ну пожалуйста... Скажем в больнице, что я тебя случайно задела, овощи там чистила, резко повернулась... или что толкнула тебя и ты упал там на что-нибудь или еще что... Пожалуйся, Ром...

Лисовской удивленно вскинул голову, с непонятым выражением взглядываясь в мое лицо, кривящееся, сдерживающее слезы из последних сил.

— Что-нибудь навру, я тебе клянусь. Ром, пожалуйста, давай съездим... Ром, пожалуйста...

Он нахмурился, напряженно глядя мне в глаза, хотел что-то ответить, но промолчал, отведя взгляд.

— Я сказал, это царапина. Крови почему так много тоже объяснил. Отстань ты со своей больницей, истеричка несчастная. Пошли уже.

И он пошел прочь из проулка. Взяли такси. Откинув голову на заднем сидении он прикрыл глаза. Я, сцепив зубы, с тревогой смотрела а его ладонь. Попросила остановить возле какой-нибудь аптеки.

Фармацевт, к моему счастью неплохо изъяснялась на английском, и, выставляя на прилавок передо мной баночки, бинты и прочую медицинскую лабуду подробно поясняла, как, чем и в какой последовательности обрабатывать раны. Напоследок порекомендовала все же обратиться в госпиталь, на что я криво и вымученно улыбнулась.

Единственное, о чем я молила невидимого мужика на небе, в которого никогда не верила, чтобы нам в отеле никто не встретился ни из его стаи, не из папиной свиты. Повезло — не встретили. Лисовский скинув обувь на пороге, вяло огрызнулся на мои попытки помочь, когда направился в ванную. Одежда в урну, шум воды, снова открылось кровотечение. Он аккуратно полуулегся на подушки, с неохотой отодвигая полотенце, под моими просительными прикосновениями.

Рана была действительно не глубокая, кровь уже слабо сочилась. Пока я аккуратно дрожащими пальцами обрабатывала порез, Лисовский гасилась виски и лишь изредка задерживал дыхание, но ни одного звука не издал, только поморщился, когда я заливала рану медицинским клеем и накладывала повязку, скрепляя ее пластырем.

— Поехали в больницу. — Угрюмо потребовала я, наложив последнюю полоску пластыря.

— Ой, да хорош. — Отпихнул мои руки, закатив глаза. — Будешь и дальше канючить — выгоню нахер.

Я с трудом, но промолчала — хер знает, что с ним случится, может в обморок грохнется, крови дохрена потерял. Я сейчас уснуть не смогу, так и буду шататься и переживать, что с этим козлом... Выгонит, под его дверью сяду.

— В ванной телефон оставил, принеси.

Подчинилась. Сполоснула разводы крови на поддоне душа, стараясь не смотреть в сторону мусорного бака.

Лисовский уже лежащий с бутылкой, кивнул на поданный мной телефон и кому-то набрал:

— Ты в отеле? Слушай, дай пару сигарет, идти никуда не хочется.

Усмехнулся, отключил звонок. На стук поднялся сам, плотнее запахнув халат, открыл двери так, чтобы меня при всем желании не было видно за его спиной.

Взяв принесенную пачку сигарет и перекинувшись парой незначительных фраз, закрыл дверь. Не глядя на меня прошел вглубь номера, до его конца, чтобы раздвинуть двери на балкон и, прихватив пепельницу, снова полуулегся на подушки, поставив между нами пепельницу и вскрыв пачку сигарет, щелкнул зажигалкой. Глубоко затянулся, прикрывая ладонью глаза и медленно выдыхая дым в потолок.

Я не могла оторвать взгляд от распахнувшегося на животе халата, где на коже оставались слабые разводы почти запекшейся крови.

Смочила антисептиком бинт и, подавшись вперед, осторожно коснулась его, едва заметно вздрогнувшего, но оставшегося недвижно лежать с прикрытыми глазами, пока я, чуть дрожащими от внутреннего напряжения пальцами осторожно стирала засохшие потеки крови с его кожи.

— Все. — Снова отстранил мои руки и отняв ладонь от глаз, повернул ко мне лицо, привычно прохладно усмехнувшись. — Тащи себе бокал, а то вид побитой собаки. Расслабиться нужно.

Смерив его хмурым взглядом, подчинилась. Он плеснул виски мне в бокал и снова прикрыл глаза, присосавшись к горлышку.

— Я тебя не виню, если что. — Его негромкий голос разрезал напряженную тишину, когда я мрачным взглядом смотрела на его повязку. — Сам масла в огонь подлил. Надо бы, конечно, все равно тебе пиздюлей ввалить, да сил нет и полномочий. Папа раньше мало подзатыльников тебе давал, а сейчас, очевидно, это уже бесполезно.

Я угрюмо шмыгнула носом и опрокинула в себя бокал, поморщившись от дерущего горло и пищевод алкоголя, тяжело ухнувшего в желудок. Требовательно ткнула его в плечо бокалом. Лисовский усмехнулся, скосив на нахохлившуюся меня взгляд, и налил еще. Тишина напрягала. Скорее всего, только меня, потому что он выглядел спокойным, задумчиво глядя на бутылку, поставленную на свое согнутое колено, и слегка покачивал за горлышко пальцами, играя плеском жидкости. Затяжка, дым в сторону, серебро в глазах следящее за игрой янтаря в бутылке.

— Если отбросить все эту грязь, имею в виду твои скалящиеся зубы и мою насмешку... просто на несколько минут отбросить, я могу спросить, почему ты ведёшь себя как скудоумная? — негромко спросил он, не переводя на меня взгляд.

Я прыснула, невесело глядя на него сквозь стекло бокала. Вопреки ожиданиям он был серьезен. Выглядел просто бледным и бесконечно усталым. Он опять усмехнулся, но против обыкновения без холода, иронии и своей убудочной надменности. Легко и просто, как усталый мужик. Которого из-за меня чуть не зарезали, а он мне такой: «ну ты там себя не вини, у тебя просто мозгов нет, я все понимаю». И не возразишь, сука.

Прыснула повторно и снова выпила виски. Второй раз прокатилось в желудок легче. Откинулась на спинку кровати, осторожно наслаждаясь теплом от алкоголя и стараясь сосредоточиться только на нем.

— Голова у тебя со скрипом, но все же варит. Вникнуть пытаешься. Сегодня после переговоров пару раз меня удивила. Ты не дура, но почему ведешь себя так, не пойму. — Серые глаза смотрят на мой профиль, чуть прищуриваются, без уже привычного испытывающего выражения, просто как человек заинтересованный задачей на сообразительность.

Полуприкрыла глаза и медленно выдохнула. Только тянущего чувства в солнечном сплетении это не смягчило.

Не хочу.

Не надо.

Он внезапно положил ногу на мою. Наглое движение какое-то. Да еще и сделано с такой себе ленцой, вальяжностью, расслабленностью, но с отчетливым подтекстом. И этот самый подтекст был весьма далек от грубости, унижения и подчинения. Тронул бы за руку — не поверила. А тут типа наглость, да только его колено расслаблено, полусогнуто, не давит на мои ноги за счет упора стопой в постель. Станный жест.

Мои губы почему-то дрогнули... но я торопливо растянула их в усмешке, смазывая момент позорной слабости. Краткий взгляд на него — не поверил, и я ощутила растерянность. И еще что-то... непонятное совсем.

Медленный выдох. До предела. Залпом осушила бокал и протянула ему. Забирает нагретое моей ладонью стекло и наполняет до краев. Протягивает мне, вскользь коснувшись пальцами. Снова легкое и ничего не значащее движение, а внутри все равно что-то робко дрогнуло. Что-то похороненное, на которое я повесила ярлык «да похуй». Дрогнуло и сообщило, что ночные кошмары, изредка скрашивающие мои ночи, вообще-то берут свой исток отсюда, с этого вот «да похуй».

Это название дал Кирилл и я его запомнила, когда рыдала на его плече, так невыносимо глупо и по-детски умоляя сказать... что все хорошо и ничего этого не случилось. Кир вжал меня в себя и прошептал на ухо только это: «да похуй. Поняла меня? На это должно быть похуй. Мне и тебе».

— Эй... Чудо. — Голос Лисовского.

Мягкий такой, непривычно осторожный.

— Не хочешь говорить, так я и не настаиваю. Правда. Сделаем вид, что я ебанулся на мгновение, крови там много потерял, оттого с мозгами порознь и полез не в свое дело. — Его нога чуть опустилась, покровительственно придавливая мое колено. — Забудь. Seriously, забудь. Ничего не спрашивал, никуда не лез. Просто... твоя реакция на нож... нет, это страшно, я понимаю, но... Забудь.

И мне вдруг стало хуево. Нет, не просто плохо, или там какие-то женские страдания, нет. Мне просто стало хуево. Я торопливо двинула бокал к губам, желая потеряться в крепости алкоголя. Потерять и потеряться, забыть и забыться, но его ладонь накрыла мой бокал, препятствуя глотку, отодвигая алкоголь от меня.

— Слушай. Я знаю, как это сейчас прозвучит, — очень осторожно начал он, медленно и настойчиво отстраняя дальше мой бокал. — Знаю, правда, но все же скажу: я никогда в жизни не воспользуюсь тем, что ты мне расскажешь. Я обещаю тебе. Чтобы ты понимала, для меня эти не пустой звук и никогда прежде я такие слова не говорил.

Мой взгляд метается в сторону его лица и я отчетливо понимаю — не врет. Тварь, столько раз подкашивающая моего отца, портившая моей семье жизнь, загонявшая меня сегодня в клуб, заслонявшая рукой... отшвырнувшая и вставшая под сталь. Человек, ради которого я так душила истерику и боязнь вида крови, пока обрабатывала ножевое, полученное из-за меня, и услышавшая насмешливое «ну ты ж тупая, ты не виновата», а в последствие одно движение ног. Просто движение. Просто. А сколько там всего...

— Хочу курить.

Молча указывает кивком на пачку лежащую рядом с его бедром, но одновременно придавливает ногой мое колено. Легко, почти ведь неощутимо, и я... остаюсь на месте. Остаюсь. Вливая в себя остатки алкоголя, откидываясь на спинку кровати и прикрывая глаза.

Знаю, что сейчас расскажу. Знаю. И хочу.

Глава 6

Дебилизм какой-то, хотела сказать ему я, но вместо этого зачем-то очень тихо выдала:

— «Радон». «Ра-дон». Знаешь, почему такое название?

— По фамилиям учредителей. Ракитин и Донковцев. — Спустила паузу ровно отозвался он.

Его голос тоже негромкий, спокойный. Станный.

— А что случилось с Донковцевым, ты тоже знаешь? — неотрывно смотрела на виски, и мне почему-то хотелось улыбнуться. Горько и... зло.

— Он сидит. — Усмешка, но снова безо льда, что так часто звучит в его голосе. — Опережая твой следующий вопрос — да, знаю почему. Статьи за изнасилование, наркоторговлю и сбыт оружия.

— Официальные. — Невесело хохотнула, чувствуя его взгляд, но не поворачивая к нему лица.

— Что?

— Официальная версия, почему он сидит именно такая. По факту он сидит за то, что двадцать шестого февраля две тысячи третьего нанятые им люди ворвались в наш дом, связали папу, меня с Киrom, и на наших глазах избивали мать, спрашивая, где папа хранит деньги, которые он провёл через обнальные фирмы. Папа не говорил. Они пригрозили изнасиловать маму, но он снова не сказал. Тогда...

Сбилась. Дрожь по телу. Не могу... Не могу, блять...

— Они... изнасиловали ее? — очень тихо, почти шепотом, очень осторожно, почти нерешительно.

Мой взгляд исподлобья в стену. Прикрыла глаза и почувствовала холод на влажных дорожках по щекам. Зло утерла и медленно, сдавленно, едва заметно кивнула.

— Психологи, папа с Киrom... они так и не узнали, что я это помню. Психологи что-то говорили им... знаешь, про реакцию психики, когда она стирает из памяти самые стрессовые моменты...

— Знаю. — Тихий выдох сквозь стиснутые зубы и его нога с дикой силой опускается на мои колени. — Называется диссоциативная психогенная амнезия локализованной формы. Очень удобная вещь, когда не хочешь говорить о... произошедшем. Верно?

Я удивленно повернула к нему лицо и заметила пугающую бледность кожи, но самое худшее — тени в глазах. Тени понимания.

И прорвалось. Жалко и сбито. Он тоже знает это... Тоже было... Прорвалось слезами, задушенными всхлипами, такими... низкими и позорно слабыми. Закрыла лицо руками. Вжала основания ладоней в глазницы, надеясь болью привести в себя. Не помогало. Захлестывало. Не помогало, даже когда в глазах стало очень больно. Не помогало. Вообще. Сука. Нельзя. Господи.

Помог рывок за предплечье, вынудив упасть к нему на грудь и давление его руки на мой затылок, вынуждающее зарыться лицом в его шею. Я не знаю, сколько прошло времени, пока я лежала вот так, сжавшись, давясь слезами и отзвуками пережитого, режущего и калечащего даже сейчас, а его пальцы с силой, до отметин сжимали мое плечо.

— Ты... все помнишь, да? — едва слышный шепот мне в висок.

— В деталях. — Сквозь зубы рыком и чувствую... что это не только у меня... эти «детали», потому что его пальцы сжали сильнее, придвигая к себе теснее, заставляя плотнее вжаться в его тело.

«Ром, мне страшно...».

Словно в ответ прижимает губы к моему виску, одновременно вторая рука обнимает. Тесно, неудобно. Необходимо.

«Я... пожалуйста, не надо... не трогай меня. Я сама. Сама. Всегда сама».

— Хватит, Ксень. — По телу прокатилась слабая волна онемения от, вроде бы, такого простого слова, но сказанного так и этим голосом. — Хватит... — тихим успокаивающим шепотом мне в висок, мягким скольжением губами по коже, задевая волосы. — Тебе двадцать пять. Это в прошлом. И плевать на это. Это пережито.

— Ты так себе говоришь? — слабо улыбаюсь, усилием воли разжимая скрученные напряжением мышцы. — Когда возникают... «детали»?

— Ну, нет, конечно. — Усмешка мне в висок. Мягкая. Почему-то успокаивающая. — Я обычно себе говорю, мол, давай, Романыч, хули ты расклеился, тряпка ты ебучая, стыдно с тобой рядом находиться. Тебе тридцатка весной, а ты тут нюни пускаешь, как девчонка.

Тихо рассмеялась, прикрывая глаза и чувствуя в ответ нажим его пальцев, ставший сильнее.

— А потом... — вздохнула и почему-то улыбнулась, все так же глядя в его шею, и чувствуя тепло в теле, растворяющее внутреннюю дрожь, — мне приставили нож к горлу. — Сжатие его пальцев сильнее, объятия теснее, но момент уже давно и прочно забит на дно, и я просительно трогаю его пальцы, ослабляя этим прикосновением его хват. — И только тогда он ответил. Те деньги он должен был разделить пополам с Донковцевым на следующий день, да вот беда, нас же ограбили «неизвестные». Донковцев сел через неделю по перечисленным тобой статьям в третью колонию... Я сначала думала, почему. Почему он его не... убил. А потом узнала, что третья это местный филиал ада на земле и... это правильно. Пусть мучается годами, тварь, а то его раз и все... и он понять не успел... — Перевела дыхание и прикрыла глаза, втягивая носом такой слабый аромат его парфюма от кожи шеи. Это странно успокаивало, почему-то придавало уверенности. — Мама собрала нас и хотела уйти, но папа не дал. Она потребовала развод и они скандалили. Постоянно. Очень сильно. Одним вечером она снова взяла нас и хотела уехать. Охрана отца отобрала нас в гараже, зашвырнула в машину и увезла на дачу. Развод мама не получила... — Мрачно усмехнулась, благодарно придвигаясь на просительное движение его пальцев по моим ребрам, но придвигаясь осторожно, взглядом не отпуская его ножевое.

Из-за ебанутой меня. Если бы знала, что он так... Я бы никогда...

Пальцем поднял мой подбородок и такое покровительственное касание поцелуем по моим губам.

— Не смотри. Сказал же, не твоя вина. Сам спровоцировал. Чувствовал, что нельзя, но все равно пошел. Не. Твоя. Вина. Я спровоцировал.

Почему-то снова стало хуево до скраденного дыхания, до замиранья сердца.

Расправляет пальцем досадное ведение уголка моих губ. Прикрывает глаза и кончиками пальцев ведет по моей ноге, подсказывая согнуть ногу в колене и положить на его бедра.

Больно. Не знаю почему, но больно внутри. Сама зарываюсь в его шею. Продолжила далеко не сразу, но он и не торопил.

— Я не знаю точно, но подозреваю, что отец дал маме выбор тогда: либо развод и она

остаётся без нас, либо все остаётся на своих местах. Прошло некоторое время. Мне было... тринадцать, вроде. Да, тринадцать. Киру шестнадцать. Мама спалила отца на измене. Снова скандалы, битая посуда и требование развода. Он дал ей развод, лишив родительских прав и отнял у нее все. Нас. Имущество. Средства к существованию. Он не давал нам видеться. Нам врал, что она и не приходит, а ей давал денег, потому что... у нее не было образования, она никогда не работала и просто не хотела... Хотя, может, она даже и не приходила вовсе и он не врал... По крайней мере сейчас я склоняюсь именно к тому, что она не приходила. Она брала у него деньги, это точно, я нашла расписки... — Слабо усмехнулась, чувствуя, как он заводит мою руку за свою шею. — Поначалу мне сложно было ее вообще осуждать, я отца просто люто ненавидела. Правду не знала, сука. Да и сейчас полностью не знаю. Я думаю, что он ей условие выдвинул, что либо он ей платит и она не приходит, либо видится с нами бесплатно. Папа даже сейчас не говорит ничего, и Кирилл тоже. Кир знает, я уверена в этом, но он молчит. Пришлось до всего доходить самой... А тогда, в период моего подросткового возраста, когда все это происходило, я... Мне было сложно понять, ведь после того вечера... такое явно не проходит бесследно. Если раз уж ты просто видишь это, и тебя так... То что же происходит, когда ты сама... Я опять ее оправдываю, ебанутая... Ром... — Он подавил мою истерику одним сильным прижатием к своему телу, впившись в мои губы, истерично растягивающиеся в улыбке. Отстранился и прикоснулся губами к моему лбу, это почему-то успокоило гораздо сильнее килограммов седативных, которые я глотала, когда на меня внезапно накатывало. — Через три года он дал возможность видеться. Нам позволил, когда уже не выносил всей моей ненависти к нему, а оказалось, что ей... это уже не нужно было. Она снова удачно вышла замуж, родила близнецов и ее мир замкнулся на этих поздних детях... Говорят, чем позже дети тем они любимее... Не знаю. Не настолько же... Хотя, я далеко не психолог и... и тот вечер, я думаю... момент, где он сдался, когда меня готовы были под нож... а когда ее насиловали и он не ответил... я думаю, ее тогда перемкнуло, потому что он сразу сказал, как только ко мне с ножом двинулись, а когда ее... я не знаю... Правда, Ром, я не знаю... но иногда я не могу ее как бы осуждать, не могу... не могу даже за то, что она не узнала мой голос по телефону, когда я ей позвонила спустя одиннадцать месяцев с последней встречи... я так скучала по ней, так хотела ее слышать, а она... она меня не узнала... там, на фоне, плакали близнецы, а она подумала, что я из рекламной компании. Сказала еще мне так грубо... я не знаю...

— Ты общаешься с ней?

— Ну, это сложно назвать «общаемся»... — Моя усмешка, прикрытые глаза. — Видимся. Привет-как-дела-пока.

— То есть она после развода с твоим отцом и после того, как он дал ей возможность...

— Неравноценный брак. — Негромко прервала его я. — Теория страт, социальных слоев, классового неравенства... — Усмехнулась, потянувшись за бутылкой, глотнула виски и отстранилась, правда недалеко. Не позволил отодвинуться. — Теория, к которой так презрительно относится быдло, лелеющее мечту о миллионерах, влюбляющихся в безродных золушек. А я и Кир... мы жертвы этого ебучего заблуждения.

Наша мама была провинциалкой приехавшей в большой город за жирным куском. Она была очень красива и полна надежд. Великолепная золушка. Отец стал ее принцем, влюбившемся в смазливое лицо и щенячью наивность. Сильный избрал слабого. Их любовь, как и любая другая имела срок. У родителей он вышел в восемь лет. У всех же по-разному. У кого пять лет, у кого десять, да хоть пятьдесят. Любовь... она заканчивается, а дальше...

либо остается уважение к человеку, потому что он или сильный, или умный или мудрый, либо еще что-то... либо не остается ничего кроме понимания, что вы живете на разных уровнях и в разных мирах. Любовь должна закончиться уважением, иначе... мрак и нечеловеческая жестокость.

Мама не работала, не знала бед, она вышла замуж за принца, и у их любви кончилась батарейка. В тот вечер... там уважения давно уже не было. Поэтому он смог выдержать, когда ее... Дрогнула только тогда, когда ко мне, его дочери, к его плоти и крови двинулись с ножом. Он бы в тот момент готов не то что бы все деньги отдал, он бы себя под нож поставил вместо нас. Поэтому я не могу его ненавидеть, он нас любит.... А потом... Ром, я его даже за измену не осуждаю. Вот трезвым мозгом не осуждаю. Во-первых, вы все кобели, а во-вторых... снова теория о классовом неравенстве. Человеку, которого ты уважаешь, изменять не станешь, ибо как в глаза потом смотреть...

Мама ведь не ощутила удара о дно, она приехала в город и встретила принца и всё, дальше сказка. Не умела работать, никогда этого не делала и, видимо, не хотела. А зачем?.. Сказка ведь продолжалась — принц снабжал деньгами даже после развода. Снабжал с целью, чтобы к нам не подходила. Она может там и металась в душе, может у нее все-таки играл материнский инстинкт, но когда она сидела на золотом троне с восемнадцати лет и бед не знала, касаться их ей и не хотелось. Не хотелось въезжать, ведь она такая распрекрасная... Она вышла замуж. Снова очень удачно по современным меркам, и ее жизнь опять стала еще более сказочной, а я и Кир... мы за бортом. Как дурное напоминание чего-то такого страшного, пусть и родные.

Для слабого человека приоритет здесь то, что страшно, а не то, что родное... Это сложный очень вопрос... Я допускаю, да, блядь, я допускаю то, что девяносто процентов вины во всем этом на моем папе. Да, я допускаю. Потому что принц выбрал золушку, нежную такую и невинную всю, украшающую его дворец, а когда химия сошла, уважать ее было не за что. Вот, сука, истинная мысль в теории о классовом неравенстве. Не то что богатый и нищий, о котором верещит быдло, а то что слабый и сильный... я часами могу рассуждать о том, почему, блять, люди сколотившие себя и свое состояние сами, не должны искать среди среднего слоя своё... потому что девять десятых из них боятся въезжать до потери сознания. Есть самородки. Поднимаются сами. Знаешь, почему?

— Потому что не боятся въезжать. — Ромка прищурился и посмотрел на меня, кивнув и тихо добавив, — до потери сознания.

— Ты... — я сбилась, прикусила губу, взглядываясь в его невесело усмехнувшееся лицо, отведшее взгляд и прикрыв глаза пригубившее бутылку.

— Семь раз. Один раз трое суток не спал, просто времени на это вообще не было. Пошли галлюцинации, но реально времени поспать не было, и я понимал еще, где реальность, а где мозг чудит. На четвертые сутки сморило за рулем, ушел в кювет. Машина в хлам. Думал, сейчас, минуточку посижу и выйду, посмотрю, что там с тачкой, а меня вырубил. На семь с половиной часов. Сука, встречу просрал, два килорубля проебал, а тогда это пиздец серьезные бабки были. Поспал, блять, на два миллиона. — Невесело хохотнул, глядя на бутылку. — Потом снова несколько суток без сна... И так где-то года полтора-два.

— А результат? — негромко поинтересовалась, глядя на его чуть бледное, устало усмехнувшееся лицо.

— Чистыми? Чистыми сейчас от одиннадцати муьтов в месяц. Восемьдесят процентов обратно в бизнес.

— Папа девяносто обратно вкатывал. Потом, когда мы родились, меньше... — Плеснула себе еще виски. — Я помню, заезжает во двор его машина, он еще без водителя ездил... мне лет семь было, я к окну прижалась, а он не выходит из машины. Остановился и не выходит. Выбежала в одних носках, дверь открываю, а он вываливается. Спи-и-ит, блядь... Тоже несколько суток не спал тогда. До дома добрался — задача выполнена, и мозг сказал ему аривидерчи. — Хохотнула, испытав какой-то трепет от воспоминания.

Воспоминания, когда я открыла дверь его машины и он просто повалился в снег, устеливший асфальт подъездной дорожки к нашему дому. Я не успела испугаться, он тут же проснулся, посмотрел на меня сначала растерянным взглядом, а потом так нежно улыбнулся и сказал: «привет, моя маленькая принцесса, я так по тебе соскучился!». Правда, соскучился, как и я по нему. Папа впахивал изо всех сил, чтобы дать нам только самое лучшее, чтобы вообще ни в чем не нуждались, жертвуя своим временем, которое мог провести с нами. Мы с Киром его видели редко, оттого и скучали, безумно любили и не отлипали от него, когда он на несколько часов приезжал домой. Ложились с обеих сторон от него, даже если спать не хотелось и просто обнимали.

— В универе у меня в группе девочка была... — Вспоминая Лизку, я как всегда злорадно улыбнулась. — Она мне, знаешь, что заявила однажды? На экваторе, что ли, дело было... Ты, говорит, из богатой семьи, а бухаешь, куришь и ругаешься матом, как будто быдло районное. То есть, в ее понимании, я должна быть кем-то с безупречными манерами, высоким слогом, благородством средневековой леди. У Лизки мама была начальником какого-то там отдела на машзаводе, серьезная типа должность и все дела. Лизка мне двигала тему, вот, мол, мы, вся наша семья не материмся, бухаем только по праздникам и не в дрыбаган... короче, не ведем себя как ты, а денег у нас меньше, а мы приличнее, а ты вся такая неправильная, а люди из обеспеченных семей так себя не могут вести... Мне так хотелось сказать, мол, деточка, иди гуляй и пинка ей для скорости дать, но у меня уже была условка и драться мне нельзя было, а эта дура непременно бы на меня заяву накатала... Но не стану же я ей объяснять, что когда ты видишь, как твой родитель в обморок падает из-за переутомления, теряет тонны денег из-за какого-то недочета, когда не знает, как нам сказать, что вот, детишки, я тут не подрастал чуток и завтра нам из этого дома с прислугой придется съехать в коммуналку в десять квадратов... то последнее, что он будет делать — досадно морщить носик и говорить «о боже, какая досада, как неловко вышло!» или что-то вроде этого, или как там положено у благородных обеспеченных в быдловском понимании... Папа бухал как черт, ругался как сапожник, когда наступала пизда по всем фронтам и мы продавали все имущество, лишь бы загасить возникшие долги... Зато Лизка со своей мамой-начальником просто образец поведения... Ну-у-у-у... Хотя здесь тоже смысл есть, если взглянуть с другой стороны: они живут стабильно кусков на сорок-пятьдесят в месяц, звезд с неба не хватают, оттого и дна пропасти не знают, можно и покорчить из себя всех таких образцов, блюющих от отвращения при слове «бля». В пизду, быдло, блять. — Хохотнула и, потянувшись, отобрала у него бутылку, щедро плеснула себе алкоголя в бокал. — Мне семнадцать было, когда нас в последний раз очень сильно шваркнуло. Очень сильно. Опять коммуналка, папины засыпания на ходу, а денег даже на проезд не хватало. Я пошла продавщицей в киоск, по вечерам подъезды мыла, Кир на рынке мясником, ночами охранником. Мы папе не говорили. Типа учимся, кружки, спорт, друзья, и вся еботня... У папы день рождения был, мы с Киром долг по коммуналке закрыли и стол праздничный снарядили на то, что сумели заработать... папа тогда... — Я, сцепила зубы, вспоминая

папины слезы, — он так сильно извинялся, прощения просил, а у него день рождения был. — Остановилась, стискивая челюсть сильнее, сгоняя пелену слез с глаз, и возвращаясь к другому, понятному руслу. — Там, у Раневской, было что-то про тварей с матом и воспитанных сволочей...

Лисовский тихо рассмеялся, чуть прищурено глядя в мое усмехающееся лицо, сделавшее щедрый глоток крепкого алкоголя не поморщившись.

— И вот собственно... Я вроде все это понимаю, все знаю и... а как будто и не хочется ничего. Я тебе клянусь, что я не знаю, как это объяснить. Не хочется вообще ничего. Стараться там, что-то делать... Нет, если, конечно, что случится, я даже думать не стану, хоть снова и подъезды, ведь это моя семья... Но вот в эти года, когда все как бы стабильно... Кирилл вон старается, если и косячит то трясется как осина, что папа узнает. Наверное, он опасается, что его тоже могут вышвырнуть без всего... он дурак, зачем этого бояться? Меня же отец не вышвырнул, хотя у меня столько косяков и пара позоров в прессе, но там не особо сильно. Ну, еще две статьи за хулиганство и три... а нет, четыре административных взыскания... Много великих подвигов за моими плечами, короче. Не вышвырнул меня за это, не шваркнет и его. Папа нас любит. Все, что у него есть сейчас, все это ради нас. Он пьет редко, но была пара моментов, когда он сказал, что если бы не мы с Киром, он бы пальцем не пошевелил, когда его сильно подкосило в первый раз. Он хотел для нас только самое лучшее, элитное, чтобы мы не знали вообще бед, иногда, правда, не совсем получалось. Он всегда просит прощения за тот свой день рождения...

Невесело усмехнулась глядя на его свою ногу, лежащую на его бедрах. Заговорила не сразу и очень тихо.

— И наверное... Просто... Ну хуй знает. Я же понимаю это все. Просто понимаю, Кири вот сижу осуждаю, а между тем он хоть что-то делает, старается как-то. А я... знаешь, это как с похмелья — почему-то вообще ничего не хочется, мотивации никакой нет и в голове мутно все так, планов нет, целей нет... Нет, они как бы есть, цели эти... но приземленные только, обрубочные какие-то, какие-то... блядь, не знаю... Не знаю я как описать это все. Психолог мне двигал тему, что мое... сейчас... слово такое смешное еще... дивиантное поведение это способ обратить на себя внимание папы, типа я маленькая девочка, сломленная разводом. Ага, блять. Я больше всего боюсь, что он просечет о глубине этого моего дивиантного поведения. Он поорет, накажет, деньги там отнимет, а потом остынет и простит. Казалось бы, вот чего в этом такого страшного, все равно же простит, но у него иногда взгляд такой... не знаю... разочарованный, что ли. Я не могу это понятно описать, просто... внутри как-то больно от того, что ему больно, хотя я многое в нем вот... не то что бы ненавижу, но как-то принять не могу, а все равно вот именно этот взгляд как будто по живому режет. Я Киру говорила об этом, он не понимает. Он боится его, поэтому косяки скрывает. Я тоже боюсь, да, но у меня первоочередной страх вот этого взгляда. Поэтому всю эту хуйню, которую вытворяю, скрываю. Скрываю и все равно вытворяю. У меня с башкой что-то не то. Даже к психиатру обращалась... Об этом никто не знает. Психиатр сказал, что все у меня нормально и к нему мне пока рано. Прикольный мужик, даже думала, может в мед поступить, тоже в психиатрию пойти, у них там интересно... Вот... Не знаю я, Ром. Не знаю, что со мной не так и никто не может ответить...

Повисла гнетущая тишина. Я не смотрела на него, но чувствовала, что он смотрит на меня. Поднялся и пошел в ванную. В стекле полуоткрытой двери я с каким-то мертвенным оцепенением следила за ним, смотрящим на себя в зеркало. Усмехнулся себе, покачал

головой и открыл воду. Осторожно склонился и окатил лицо каплями.

Вырубил кран, уперся ладонями в столешницу, опустив голову, закрыв глаза и прикусив губу. Почему-то это больно кольнуло сердце. Что-то было в этом такое... интуитивно понятное, но которое четко сформулировать и обозначить не можешь. Особенно взбудоражило кровь, шепчущую в голове приказ встать и подойти к нему, тот факт, что он не знал, что я вижу его.

Он пошел на выход, на ходу утираясь рукавом халата, я торопливо отвела взгляд в бокал с остатками виски и внутри напряглась, когда он снова улегся рядом. Щелчок зажигалки, сигаретный дым и его негромкое, но твердое:

— Я научу.

Внутри что-то оборвалось, рассыпалось в горячее, вязкое непонимание. Удивленно перевела на него взгляд.

— Что?..

Усмехнулся, не глядя на меня и не ответил, снова затягиваясь сигаретой и глядя потемневшими глазами в сторону балкона.

— Что ты имеешь в виду? — мой голос почему-то дрогнул.

— Скудоумная ты. — Прохлада с тенью сарказма.

Прежде чем я ощутила боль от подлого выстрела, когда так поздно осознала, что настолько глупо открыла личное, он дернул меня за плечо. Еще мгновение, и я, расплескав алкоголь, оказалась под ним. И застыла глядя в глубокие серые глаза.

— Ответ-то на поверхности, чудо мое. И не психолог, не психиатр тебе его не дадут. Роют глубоко. — Снова усмешка, снова прохладная, но вот выражение глаз...

Что-то в них такое, идущее резонансом с привычными для его голоса интонациями. Почему-то не могу пошевелиться. Ощущаю, как противно липнет намокшая ткань к телу, а пошевелиться не могу. Внезапно до меня доходит. Злость вспыхивает ярко и мощно, с силой отталкиваю, а он только сильнее прижимается.

— Мне твоя жалость не нужна, понятно? — тихим рычанием сквозь зубы. — Вот от тебя точно не нужна! Мне вообще ничего от тебя не нужно! Иди ты на хуй, скотина!

— Агрессия, когда больно. — Горькая усмешка и прикус нижней губы. — А ведь больно почти постоянно, верно?..

— Ты... ты чего, блядь, моим психологом заделался?! Господи, уши развесила, идиотка! И кому распиздела-то! Лисовскому! Что, блядь, провел анализ и вывел новые точки, на которые теперь можно будет давить?!

— Говорю же скудоумная ты. — Глаза улыбаются, руки сжимают мои плечи.

— Хватит хуйню городить! И отпусти меня! Посмеешь хоть...

Договорить он мне не дал. Впился поцелуем. Грубым, жестким, странно необходимым. Вцепилась в его плечи, чтобы оттолкнуть и... притянула ближе. Вжалась, раздраженно и зло вкушая темные дары безумия, бывающего таким щедрым, когда меня касались его губы. Не могу, сука... Больше не могу... Что вообще происходит?..

Отвернула голову, уперлась ладонями в его грудь и зажмурилась, успокаивая свой дрожащий непонятно от чего мир. Полный и беспредельный хаос. Анархия в голове, борьба всего и со всем. Хочется рыдать, слабо, бесконечно глупо, как тогда, с Киром... Хочется. Сцепляю зубы до скрипа, рвано выдыхая и беру в тиски творящийся в голове апокалипсис.

Чувствую, что отстранился. Дышать становится как будто бы легче. Сажусь на постели, безотчетно отодвинувшись и сожалением глядя на бокал, оставшийся у его ноги. Длинные

пальцы поднимают хрусталь и выливают в него остатки из бутылки. Пригубил и не глядя на меня протянул мне.

Пальцы дрожат, а губы почему-то прикладываются именно к тому месту, где он пил. Его краткое, ничего не значащее движение, чтобы лечь поудобнее, а я инстинктивно отодвигаюсь. Замечает. Усмехается, только невесело. Снова закуривает и смотрит в потолок. Дает время, не настаивает. Дает паузу, так мне сейчас необходимую. Худшее во всем этом — он прекрасно понимает меня, мое состояние. И мне страшно представить почему.

Прикрываю глаза, усмехаюсь. Столько выпила, а будто вода, а не крепкий алкоголь. Мозг, обуянный почти уже подчинившимся хаосом выдает с вызовом и отзвуком агрессии:

— Вот чего тебе надо, Лисовский? Вот нахер мы с тобой в Ромео и Джульетту тут играем?

— Пф. Вот еще. Мне от тебя ничего не надо. Трахаешься охуенно. — Голос вроде надменный, с ноткой насмешки и с тенью тщательно скрываемого чувства, что... его это задело. — Ромео и Джульетта, ага, да. Я б назвал это «скудоумная меж двух огней».

— У тебя есть удивительное качество, Лисовский. Вот вроде говоришь всего лишь язвительно, а вздернуть тебя хочется, как будто фашистские речи толкаешь.

— О, меня не раз пытались за это вздернуть. Коли у нас тут с тобой вечер откровений... скажи мне, как ты думаешь, почему «Легроим»?

Попытка отвлечь тем, что мне действительно может быть интересным. Снова понимание, что с моим состоянием и как его скорректировать. Усмехаюсь и, отпив, отдаю ему бокал, принимая протянутую сигарету и его правила. Покорно задумалась. Ничего толкового не придумала.

— Лесовский групп импекс.

— Так ты же Лисовский?.. — неподдельно удивленно смотрю в его усмехнувшийся профиль.

— Три года как. Я в федеральном розыске. — Он хохотнул, повернув голову и с удовольствием глядя на мое по лошадиному вытянутое лицо. — Ну как я... Лесовский Роман Вадимович в розыске, да. А вот соучредитель Лисовский, божьей благодатью и ежемесячными семизначными суммами нет. — Тихо рассмеялся, пригубив бокал и иронично глядя на меня. — Импекс в названии, это импорт. Начинал с нуля, расширял клиентскую базу, ну знаешь... я знаю такого вот человека, у которого вот такой обалденный товар и называл цену чуть выше, чем реальная. Барыжил на посредничестве. Сначала на родной земле, потом в основном с Китаем, со странами Евросоюза редко поначалу. Потом чаще, когда нашел нужных людей любящих дорогие цацки. Склонность к языкам всегда была. Очень хорошо знаю три, на уровне разговорного еще два, еще на парочке в режиме собаки — сносно понимаю, но ответить не смогу... Короче, эта моя способность, предпринимательская жилка и чуйка на людей работали в содружестве просто убойно. Организовал ИПешку, специализирующуюся на импорте, покрутился, баблишка поднял неплохо. Появился клиент интересующийся закупками оборудования в строительстве. Я пораскинул мозгами, сравнил варианты и выбрал Китай, пробил тему, составил идеальную схему, по которой сейчас «Легроим» закупку ведет и понял, что строительная отрасль это просто золотая жила. На тот момент занимался оформлением акционерного общества, на которое у меня планы другие были, но эта почва... у меня, что называется, встал и не падал. — Лисовский ржет с удовольствием глядя на мое перекошенное лицо. — Только работай. Точнее въебывай изо всех сил и тех даже, которых нет. Схемы за схемами, поле

необъятное. Постоянные подвязки. Одни круче других и вот уже в зоне досягаемости матерый «Радон» у которого я вырываю кусок за куском. Очередной тендр, купленный конкурс и проплаченные твоим отцом твари сдают меня. Дальше насильники из управления по борьбе с коррупцией меня хлопают. Однако, я давно понял, что главное в нашем мире это связи. Пара, в переносном смысле, разорванных от натуги сухожилий, тридцать восемь мультов прямо в смысле и Лесовской Роман Вадимович в федеральном розыске, а Лисовской входит в состав учредителей и получает контрольный пакет акций. Почти все твари, подведшие к этому, были наказаны и вакханалия продолжилась. Но твой папаня не дурак. Я и ему хотел отомстить, а с моим новым рискованным положением к нему не подобраться, потому что тоже связи у него... Мне сложно вот передать, как я его ненавидел... По неофициальным переговорам, — ледяная усмешка, взгляд в сторону и выдох сигаретного дыма, — в моей машине у его дома, он меня предупредил, что при случае, прикопает в лесочке, если я хуеврнуть начну, после того как с «Тримексом» определимся. Прикопать-то прикопаешь, согласился тогда я, но... короче хуету я говорил, пугающую и с серьезным ебалом, он даже мне поверил, а по факту, козырей у меня не было. И это очень напрягало, но война пиздец насколько затратная выходила, да и по сей день я еще не полностью оправился от того, что тогда произошло, а деньги постоянно нужно отстегивать... Похвалюсь и скажу, что и у него тоже затраты росли в геометрической прогрессии, ведь я знатно старался. Но все равно я находился с этим «Тримексом» на более слабой позиции, поэтому тянул с переговорами, рыл, искал варианты, пока ... Понимаешь степень моего торжества, когда я узнал, что в моем маленьком порно участвовала его дочь?..

— 3-зачем ты сейчас мне это рассказываешь?..

— Козырь не разыграть, скудоумная. Теперь не разыграть. Не мне, не тем более тебе.

— Что?..

— Чудо. Вот скажи мне откровенно... Просто задумайся над этим вопросом и скажи мне честно. Папа даст тебе команду меня наебать. Левый подряд, третьи лица с оплатами и прочее, схем может быть много... Вот просто представь, что тебе сейчас батяня позвонил и сказал сделать что-то, о чем я вообще не должен подозревать. Ты охотно и с радостью кинешься это делать?

— Ну-у-у... не с радостью, ведь я тебя боюсь... а так да.

— А честно? — усмехнулся, иронично глядя на меня.

И ответ застрял у меня на языке. Ответ положительный, логичный, разумный, а горло спазмировалось и не пустило его.

— Вот поэтому козырь и не разыграть, чудо мое. До тебя пока туго доходит все, оно и не удивительно... Но буду искать другие варианты. Мы с твоим папашей люди очень разные в плане... принципов. Ты сейчас сама вон своим рассказом это подтвердила. А антураж... он бывает очень обманчивым. Мне такой вариант на руку играет, «Радону» другой...

— Ты думаешь... что я тебя не предаю?

— Нет, не думаю. Я в этом уверен, и просерать такое я не собираюсь, слишком мало людей осталось и слишком много тварей вокруг. Тем и ценнее.

— Красивый ход, где я куплюсь на твои сладкие речи, а потом ты заставишь играть меня против отца?

— Слишком низкий и малоперспективный вариант. У тебя будут собственные красивые ходы и не будет больше ассоциаций с похмельем и потерянностью. Пора просыпаться. — Тихий одобрительный смех на мою отвисшую челюсть. — И начать собственную партию.

Щерь зубы, напрягай мозг, выходи из огня да не попадай в полымя. Зажигай собственный костер, идиотка, и больше никого и никогда не слушай. Даже меня, если я начну казаться врагом. Играть свою партию — единственный вариант... избавиться от чувства похмелья. Природа дала много, глупо это так и не реализовать. — И он протянул мне руку. Один жест, одно простое движение, а внутри все сжалось, как перед прыжком в пропасть. — Добро пожаловать на арену, Ксения Егоровна.

— Мне нужен правдивый ответ на свой вопрос, Ром. — Глядя на его ладонь негромко, но крайне серьезно потребовала я. — Для чего это тебе?

— Причина первая — я готов к новым игрокам и это то, что отличает меня от твоего отца, потому что я допускаю вариацию не только войны, но и синергии. Не всегда и не везде, но допускаю. — Краткий выдох и низкий серьезный голос, пробирающий до дрожи, — и причина вторая... у нашей с тобой ебанутой и такой наивной породы в подкорку забито не кусать кормящую руку, как бы сильно она не дернула за холку, верно? Я уверен, что при столкновении интересов... ты не убьешь меня. После этого разговора, может, подрубишь колени, ибо гены же... но окончательный удар точно не нанесешь. Я... так и не сделал, а значит, ты тоже не сможешь. Поэтому и предлагаю. — Короткая, горькая усмешка. — Будь готова — это очень сложно, но никакого чувства похмелья и мир ясный. Ебучий, жестокий, ублюдочный мир, где люди просто редчайшие твари, в девяноста девяти процентах случаев понимающие исключительно силу и чем она жестче, тем для них лучше, но весь этот мир и все в нем явится ясно, четко, без прикрас. Ты к этому готова?

Сердце остановилось, по телу дрожь и онемение. И пальцы сжали пальцы.

Глава 7

По прилету из Гонконга, Лисовский отправил мне смс, что ждет меня вечером... в отеле. В том самом, где я провела с ним ночь и моя жизнь после этого пошла под откос.

А до этого он меня не трогал. Дал сутки на переосмысление, расстановку приоритетов и прочего. Он дал мне паузу, не трогая меня в Гонконге вообще и я снова поразила тому, как он все понимает.

Не смотрел на меня, не разговаривал, не оставался наедине, не вставал рядом, вплоть до аэропорта. Его отпихнул Кирилл на регистрации. Отпихнул правда случайно, на ходу роясь в телефоне и не обращая внимание на происходящее вокруг задел локтем его живот, когда проходил мимо. У меня сердце пропустило удар, когда Лисовский мертвенно побледнев, перестал дышать. Но Кир, не поднимая взгляда от экрана не заметил этого, дежурно извинившись и встав за мной. Лисовский взглядом велел мне отвернуться, что я и сделала, успокаивая бешено колотящееся сердце и запихнув мелко задрожавшие руки поглубже в карманы.

Как и следовало ожидать, со своими приоритетами я так и не определилась за отведенное мне время. Все стало сложнее. Глубже. Ненавидеть я его не могла, а он больше не давал для этого повода. И все стало... сложнее.

До того самого момента, пока нас не забрал папа из аэропорта, и мне не прилетела смс, что *«Время для бабских переживаний истекло. Пора вершить великие дела, скудоумная»*). Не знаю почему, но от этого стало легче. А от следующей смс с адресом отеля и *«номер, надеюсь, помнишь. Подваливай после семи»* еще легче.

Я нерешительно тушевалась сидя в своей купешечке на парковке отеля и не зная как ко

всему этому относиться, упрашивая стрелку часов не приближаться к цифре семь. Но тщетно. Разозлившись на себя, и прошипев в зеркало:

— Вообще, что ли? Поплачь еще и сопли размажь!

Решительно покинула машину и взлетела по ступеням в отель. В дверь его номера фактически пинала, злясь, что мое царское величество заставляют ждать на пороге, но как-то быстро растеряла спесь, когда кусок льда мне открыл и привалившись к косяку плечом, растянул губы в прохладной усмешке.

— Вечер добрый, Ксения Егоровна. — Иронично улыбнулся, шире распахивая двери, чтобы пропустить меня.

— Почему ты живешь в отеле? — храбрясь и цепляясь за остатки дерзости, сбросила туфли на пороге и вальяжно прошествовала вглубь того самого номера.

— В квартире ремонт делают семь парализованных улиток. Задрали, сука. Еще и криворукие. Но все прежние рабочие были еще медленнее и еще хуже. Приходится работать с теми, что есть.

Учитывая его стаю, я и не сомневалась, что отбор на ремонт логова был жесткий.

Я фыркнула, нагло осматриваясь и с удовольствием цапая с прикроватной тумбочки бутылку вина, приготовленного, очевидно, для меня.

— Голодна? Ужин минут через десять притащат. — Зевнул, на ходу расстегивая рубашку и подхватив с комода пачку сигарет, сел в кресло рядом с выходом на балкон.

Я, все еще храбрясь и стараясь быть рэзкой и дэрзкой, отрицательно мотнула головой, плюхнувшись на край кровати и придирчиво осматривая этикетку на вине. Он определенно знает толк в бухлишке. И в моих вкусовых предпочтениях.

— Чего там за великие дела? — скосив на него надменный взгляд спросила я, вынимая пробку из уже откупоренной бутылки и с видом знатока втягивая аромат.

— Запись.

Подавилась. Посмотрела на иронично улыбнувшегося Лисовского, кивком указавшего на широкую стойку под плазмой на которой лежал включенный лептом с флешкой на клавиатуре и планшет. Когда я перевела на него взгляд, достал из кармана брюк свой телефон и положил на подлокотник.

— Всего три копии. На флешке, планшете и в телефоне. Больше у меня этого видео нигде нет. — Фыркнул, глядя на мое бесконечно удивленное лицо, — удаляй. Давай, падаван, хули рот разинул? Муха залетит.

— Ты... серьезно?

— Мне казалось, я был крайне серьезен еще в Гонконге, нет? Или ты думала, на уши приседал? — усмехнулся, затушил сигарету, встал и подхватив лептоп с планшетом сел рядом со мной. — Если бы приседал, о себе бы слова не рассказал. Ничего не предлагал, а изображал... как ты там пизданула-то?.. рыцаря сердца? Рыцарь из меня такой же, как из тебя благочестивая монахиня. Так что вот. Удаляй. Наши ебанутые отношения начнутся с этого. С честности и... блядь, это смешно прозвучит, но равенства. Твой ход, чудо.

Я совершенно растерянно посмотрела в его ироничное лицо. Только вот серебряные глаза были крайне серьезны. Он откинулся на подушки, полы рубашки распахнулись, и я заметила новую, аккуратную повязку на его животе. В горле пересохло. Он закатил глаза и покачал головой.

— Уда-а-аляй. Чего тормозишь-то? — надменно приподнятая бровь, но я уже научена, что его лицо может выражать, что угодно, главное — выражение глаз. А в них серебро.

Почему-то дрожь по телу. Подхватила технику. На удаление меньше минуты.

— Это точно все? — напряженно оглянулась на него.

— Могу еще ссылку на сайт скинуть, с админами сама поговоришь. — Крайне серьезно произнес Лисовский, снимая функцию запроса пароля при включении телефона. — Хвала небесам, а то я уже задолбался... реально неудобно, особенно если торопишься... — Довольно прицокнул языком и зевнув бросил мне телефон. — Там, в галерее и в избранном.

— В избранном, блять. — Прицокнула языком, взяв его мобильный.

— О, я мусолил это видео довольно часто. — Хмыкнул он, цепляя меня за локоть и вынуждая придвинуться к нему. — Ночь, тишина, невыносимое одиночество, а тут такое порево в наличии. — Раздвинул ноги, согнув их в коленях и притягивая меня спиной к себе на грудь. — Вообще непередаваемое чувство, когда свою же порнуху смотришь. Да и музыкальное сопровождение что надо. Ну и партнерша там огонь. Ты удивительно... фотогенична, или правильнее говорить видеогенична? Короче встает с первых секунд. — Хохотнул глядя на мое от неожиданности растерянное лицо. — Песенку на вызов поставил, потом убрал. Ассоциативное восприятие у меня слишком сильно выражено, а на работе неудобно, когда у меня все готово к труду и обороне, при первых аккордах входящего вызова. Пришлось сменить на стандартную мелодию.

— Скажи еще, не трахался ни с кем... — пробормотала я, сопротивляясь его попытке прижать меня спиной к своей груди.

— Верить нет, не вставляю вообще. — Фыркнул на мое недоверчивое утуканье. — Три недели голода. Сам себя бесить начинал, на работе вообще боялись в глаза смотреть. Поэтому над тобой так измывался. Раза три чуть выдержка не сдала, когда у тебя от злости пар из ушей валил... думал, выебу сучку. Прямо на рабочем столе. На совещании. Возле двери когда застыла, а я тебе про векселя двигал и остановиться не мог, глядя как у тебя лицо перекашивается... Потом убить хотелось кого-нибудь. Но другие бабы не вставляли вообще. Разумеется, думал, что еще раз тебя трахну. Мозги уже кипели. Думал, сопротивляться начнешь — хуй с ним, сыграю грязно, наплету с шантажом... Особенно после того, когда в кабинете выдержка по пизде пошла. Забавно это с другой стороны. Никогда не было, чтобы меня так перло по человеку. Которого трогать вообще нельзя.

— Ой ли? — оглянулась и покосилась на него, стараясь не выдать, каким бальзамом на душу излились эти слова. И каким огнем в венах.

— Ой ли. Я же видел. Бесишься, а глаза выдают, это вообще по выдержке било особенно сильно.

Я прыснула, не став противиться его особенно сильному рывку за мое плечо и падая спиной ему на грудь. Он недовольно зашипел, видимо, я надавила на его ножевое. Резко отстранившись с сожалением посмотрела на непроницаемое лицо, и его рука притянула меня обратно.

— Погоди. — Прохладная усмешка на ухо, когда я пролистала галерею с неисчислимым количеством фото каких-то документов, строительных объектов и всяких диковинных хреновин, и нашла таки нужную запись. — Мне кажется, тебе жарко.

Пальцы стянули блейзер с моих плеч и пробно пробежались по ребрам, заставив мое сердце застучать быстрее, а дыхание участиться.

— Это то самое видео, да? — аккуратно откидываясь спиной на его грудь, улыбаясь, прошептала я, наблюдая как его пальцы медленно расстегивают пуговицы на белом топе.

— Честно, не уверен. Я же великий русский порноактер, у меня неисчисляемое

количество таких записей. — Смеется, прикусывая меня за ухо. — Так что да, лучше убедиться.

Его пальцы мягко тянут ткань юбки вверх, но нас прерывает стук в дверь. Ужин.

Мой палец над значком воспроизведения.

Ложится на спину рядом, приглашающая полуулыбка и кивок на свои бедра.

Оседлала. Его пальцы сжимают кожу бедер, почти до боли, но пуская пока слабое эхо возбуждения по телу. Телефон ложится на его грудь и палец воспроизводит видео. Он прав. «Видеогенична». И не только я. У него определенный талант к операторской работе и невероятный артистизм, или как это называется, когда от мужика в кадре глаз отвести не можешь.

Смотрю. Как кубик льда по моей коже и следом почти сразу его язык. Сердце останавливается, и начинает с мощными толчками гнать горячую кровь по сузившимся сосудам. Неудобно сидеть, но так приятно, что тело невольно дразняще покачивается, вызывая усиление нажима его пальцев на моих бедрах. На записи звон отшвырнутого им бокала, это ударяет по перепонкам и горячей волной вниз живота.

Не могу оторвать взгляда от творящегося порока на экране. Выдох сквозь сухие губы, знаю, чувствую всеми рецепторами с каким удовольствием он сейчас считывает зарождающееся горячее безумие в моих глазах. Безумие, погружающее разум на дно его райского ада. Адского рая.

Не могу отвести взгляда, смотрю на дикую эротику, начинающееся порно, с известными мне людьми и одновременно совершенно незнакомыми. Изгибы моего тела, его прикосновения, ажур маски на лице, при его «посмотри на меня». Взгляд тяжелый, дурной, сладкий, тянущий ко дну. Мой взгляд.

И порно под ракурсом, со свидетельствами того, как сильно мое тело реагирует на его, под разрывающие биты. И как упоительно он подстраивает меня под ритмы.

Его руки в реальности сдвигают ткань с бедер и влажное кружево между них. Касается пробно, осторожно, дразняще, а меня перед глазами все меркнет, только взгляд все равно, даже сквозь подаренные им полутени жадно всматривается в продолжающееся видео.

— Давай... — его тихий рассыпчатый, надломленный желанием голос, иссушает разум, лишает воли.

Не могу оторвать взгляда от записи, где он уже бросил телефон рядом с моим лицом, а потом объектив фокусирует его. За мной. Его тело. Вбивающееся в мое. Длинные пальцы стискивающие кожу на моей пояснице.

Как загипнотизированная взглядом на запись, руками на его ремень и мягкую ткань брюк. Приподнимается, помогая спустить с себя одежду. Его пальцы снова к моему белью, отодвигают, подушечками снова дразнят, заставляют вздрагивать от томления заполонившего и сжигающего вены. Секунда задержки, прикушенная мной губа и я, все еще глядя на запись, осторожно опускаюсь сверху.

Опускаюсь и мой стон в реальности совпадает с громким стоном на записи, прежде чем она обрывается. Глаза в глаза и мир тонет, разрывается в толще темных горячих вод, заполняющих тело от каждого текущего мгновения, пока я стараюсь осознать происходящее. Подсказывает — давит на мои ягодицы пальцами. И теряюсь. Рву его. Себя на нем. Ритм бешенный. Стон моего тела, не успевающего справляться с жадностью, с алчностью, с голодом рвущим душу...

Его руки выстрелили вперед к так и не расстегнутому до конца топу. Рывок — ткань в

лоскуты, оставшиеся пуговицы по хлопку простыней. В серебряных глазах непередаваемое наслаждение от отсутствия лифа. Моя усмешка сквозь безумие — не только он рассчитывал на то, что сейчас творилось на его постели.

Усмешка краткая, ибо ее смазывает резким ударом его бедер снизу и растерзав меня и мое осознание происходящего. Прогнувшись в пояснице беру упор на его колени от этого ощущения ярче, а от того как его пальцы накрывают грудь еще ярче. Движения свободнее, быстрее, сильнее. Чувствую себя на грани уже, балансирую, поддаюсь путам, идущим по венам, напрягающим мышцы и готовым сорвать меня в пропасть. Сейчас... еще... и рвет окончательно. На куски сознание, на осколки напряженное тело, на частицы мир вокруг.

Сбрасывает с себя резко и грубо, снова смазывает оргазм, но снова дарит удовольствие от свидетельства своего финиша. Никогда бы не подумала, что по этому может так тащить...

Этот момент стал точкой отсчета. Точкой отсчета тому, что теперь каждую ночь я проводила с ним.

Дни понеслись быстро, несмотря на то, что каждую ночь он трахал меня почти до потери сознания, утром и днем он был ЛИСОВСКИМ. Ироничным куском льда. Но мягче. Он был мягче. И оттого невероятно притягательнее. Однако мой мозг так и пытающийся отчалить в пошлые края он возвращал на место резко и порой болезненно, скептически приподнимая бровь, когда поверхностно интересовался должностными инструкциями работы генерального директора, а я либо тупила, либо отвечала неправильно. Это первое, вот эти сраные инструкции, что он потребовал выучить как отчет наш, и в сей молитве я спотыкалась, заставляя гадину Лисовского недовольно закатывать глаза, в которых прямо-таки читалось «связался со скудоумной на свою голову». Меня это подстегивало, иногда злило, но он ясно давал понять, что скидок делать мне не намерен. И я учила и разбиралась, выла и болезненно для моего ограниченного ума расширяла базу знаний. Потом был устав, потом гребанные килотонны полной дичи о управлении проектами, методах, участниках, документации и договорах, экономике проектов, финансировании, инструментах и прочий ад...

Одновременно у меня возникала четкая ассоциация, что я была младшим членом его прайда. Но его. И прайда. Вожак не давал воли, ждал, когда окрепнет детский организм и раздавал тумачи за неправильные ходы. Тумачи это условно. Мне действительно было дико неприятно, когда я не ответила ему, что такое нулевой цикл. Это же, сука, было элементарно. На это любой таджик со стройки ответ знает, а я подвисла, чем заслужила зрелище закатывающихся глаз. Я знала же, просто почему-то не сказала, а когда он громко хлопнул дверью говорить было поздно. Но я упрямо написала в смс. Думаю, покидая «Тримекс», глыба льда снова закатила свои ублюдские глаза.

В принципе, он был прав и отношения у нас действительно являлись ебанутыми. Вот прямо воплощение этого слова. Я и он днем это одни люди, а ночью совершенно другие. Чувство нереальности какой-то, постоянного напряжения (в основном в «Тримексе», ибо когда он переступал порог, я понимала, что меня сейчас начнется секс. Между ним и моим мозгом). Наверняка так себя чувствуют двойные агенты, или шпионы там.

Я по-прежнему во всем советовалась с папой и его свитой. Но в девяносто процентов случаев, я знала что это, и каков будет вердикт «Радона. Думаю, Ромка замечал это, хотя при нем я старалась не показывать, что я продолжаю это делать, но он молчал. Вообще никак на это не реагировал, и я чувствовала уколы совести. И перед отцом тоже, однако, по иному поступить я тоже не могла.

Время шло, я все чаще чувствовала воодушевление, особенно на внутренних совещаниях «Тримекса», где теперь я понимала все. И участвовала. Морда Лисовского была непроницаема, но я чувствовала. Чувствовала удовлетворение в спокойном серебре глаз. И не передать, как это грело самолюбие.

У него появилась привычка одновременно и раздражающая меня до крайности и приводящая в трепетный восторг — он начал складывать на меня свои конечности. Лежим — ногу перекинет через мое колено или через оба, сидим — лапу загребушую положит, засыпаем, вот как бы не засыпали, все равно то корячку закинет, то руку. Один раз локоть мне на лоб положил, пока я прижималась к его боку, а он полулежал на подушках, роясь в бумагах. Так и уснули, он полулежа, с локтем на моем лбу, положенным для удобства, я зарывшись носом в его плечо.

Он по возможности тянул меня в работу «Легроима», показывал... арену. Когда шли на встречи с заказчиками, подрядчиками и субподрядчиками он всегда безотчетно оттеснял меня за плечо. Безотчетно, потому что реально этого не замечал, пребывая в глубочайшей задумчивости, на ходу роясь в бумагах и отдавая мне инструкции. Отодвигал за себя, то ускоряя шаг, то оттесняя чуть назад и за плечо рукой и идя вперед с упорством ледокола и с таким же таранящим все и всех веянием. Это я тоже замечала. Он удивительно действовал на других людей.

Есть такие люди, они еще ничего не сказали, не посмотрели на тебя, а как будто воздух сгущается и ощущаешь дискомфорт. Вот за его плечом и спиной этого не чувствовалось вообще, как будто зверюгу выгуливаю такая, будучи уверенной, что если нападет, то точно не на меня. Что-то подобное я чувствовала, когда гуляла с подругой, у которой был мощный сторожевой кане-корсо, одним демоническим видом напрягающий прохожих, хотя псу на них, в принципе, наплевать было. Как и этому.

И мне это нравилось. Очень. Это вообще не может не нравиться дамскому трепетному сердечку. А мое, сука, трепетало.

Лисовский не вел переговоры, он пребывал и изъяснял свою царскую волю. Когда момент мог выйти спорным, брал с собой свою стаю. И вот когда ты сидишь, и видишь его такого, поначалу забавляющегося, незаметно дающего последний шанс, прежде чем спустить своих терпеливых и таких спокойных на первый взгляд псов, смотришь на вторую сторону переговоров, наивно упрямящихся, хочется фразой Гендельфа стрелкнуть «Бегите, глупцы!», прежде чем одно движение Лисовского пальца по столу выносит приговор тем, что не согласны с волей вожака.

Это просто непередаваемое чувство, когда сидишь рядом с Ромкой и видишь это изнутри.

Он отбирал их сам. Все собеседования на новые места в «Легроиме» и «Тримексе» он вел сам, когда я говорила про кадровиков смотрела на меня с такой убийственной иронией, будто я была скудоумным представителем инквизиции доказывающим Галелею что Солнце вращается вокруг Земли.

Отбирал персонал он сам, да, но с ним была еще пара особо приближенных, что шерстила документацию, проверяя уровень и качество опыта соискателя, однако собеседование Лисовский вел собственной персоной, иногда по часу, иногда по полтора. Я об этом узнала, когда он мне секретаря подбирал, вместо ушедшей в декрет Тома. Просто сек-ре-та-ря. По часу на собеседование, сука. Я сидела и курила бамбук, наблюдая, как из моего кабинета, где засел Лисовский с парой избранных псов, выходят на негнущихся ногах,

вылетают пробкой, выползают по стеночке... И почему-то брал смех. Особенно когда в кабинет заходили профурсетки, тоже, наверное, начитавшиеся про «охуительных боссов». Эту Лисовский вообще не жалел, проявляя какой-то маньячный садизм и выходили они оттуда буквально, правда буква-а-а-ально со вставшими дыбом волосами и нервным тиком, иногда под негромкое ржание, доносящееся из кабинета, что заставляло меня глумливо хихикать в унисон.

Секретаря мне подобрали. Маленького, смуглого очкарика. Вот ни в жизнь бы на него не посмотрела. А этот чудак за первые полдня переделал все, что Тома делала полтора дня, привел документацию в идеальный порядок и что бы я у него не попросила, из архива, из аналитического, бухгалтерии, любого другого отдела он мгновенно заносил в кабинет, заставляя меня давиться от неожиданности. Спросив его о такой скорости, я получила ответ, что Тимур Сергеевич приходит за час, прикидывает примерный объем и план работы на этот день и готовит все необходимое для меня. Мне кажется, он однажды меня подсадит...

Я его не видела, не слышала, вообще не помнила о его существовании, пока он невидимо терся рядом и всегда оказывался под рукой в нужный момент. У Ромки вся его стая работала по такому же принципу. Я как-то была в «Легроиме», это пиздец.

Нет, в смысле... Я даже не знаю, как это объяснить. Никакого мельтешения, гула, шума, отвлеченных от работы или халтурящих за чашкой кофе. Вообще. Рабочий процесс четкий, без суеты, отлаженный, строгий, суровый, как вожак, периодически царственно восседающий в своем кабинете и работающий как ишак. Вообще, в «Легроиме» поймать Ромку было сложно. Как и двоих его приближенных. Эти вообще на меня ужас наводили. Лисовский называл их своими секретарями, я называла их старшими жрецами его культа. Они как и Тимур Сергеевич (это который мой секретарь) всегда знали о Лисовском все — где, как, в какой момент и с кем он находится, что делает, и сколько минут (!) мне подождать, пока он решит вопрос. Минут, блядь. Я думаю, они и в секундах без труда бы мне время ожидания обозначили, но спросить я так и не рискнула. Тимур Сергеевич, как оказалось, тоже всегда был в курсе чем я занята, где нахожусь и когда именно освобожусь, при чем я ему об этом всем вообще никогда не говорила, но он всегда был в курсе. Я невольно стала его бояться, отмечая сходство с маньяком, но без него была как без рук...

Время текло быстро и интересно. Мне все это безумно нравилось. Нравилось то, что у куска льда иногда срывались тормоза, хотя я для этого и не очень-то старалась, и при выезде на всякие там совещания, переговоры, встречи, он, не выдержав, моих фривольных поз, лукавых взглядов и легких прикосновений, сворачивал в ближайшую подворотню, проговаривая последние инструкции быстро и отрывочно, ибо перфекционист и педант, и только потом жарил меня так, что эти инструкции зачастую не запоминались.

Но трогать меня вообще было нельзя. Вообще и никому. Это тоже чувствовалось, когда кто-то смел хоть тень недовольства показать, хоть чуть усомниться и не дай боже (таких даже жалко было) посметь высказать тень насмешки (это весьма себе сексистский бизнес и сочетание моего присутствия, должности и внешности не всегда воспринимали серьезно), таких Лисовский сжирал сам и с особой жестокостью, под конец спуская с цепей свою стаю страстно насилующую уже хладный трупик неугодного.

Ромкин стиль поведения одновременно и бесил и заводил. Иногда он бесил меня намеренно, доводя до иступления, а потом просто жестко трахал, за то, что я порывах пугающей меня самой злости могла нехило так над ним глумиться, потому что это единственное, что его ледяная душонка не переносила вообще. Во-об-ще. Что заставляло

меня глумиться еще больше, отключая инстинкт самосохранения, но тролль в моей душе был бессмертен.

Лисовский еще и критику не воспринимал, ибо самомнение ого-го-го, а я, со своей дурацкой неуправляемой склонностью издеваться, когда видела повод, не могла остановиться. Итогом становились доведения им меня до сумасшествия от возбуждения и долгие издевательства во время секса, с этими его «проси-я-не-слышу-проси-я-сказал-или-будет-еще-хуже», заставляя меня выть под ним от отчаяния.

Как-то раз я с мерзковатенькой улыбочкой швырнула в него слуховым аппаратом и попросила использовать его во время секса. Ну, в общем, я об этом пожалела. До слез. Он реально довел меня до слез своими издевательствами, когда уже на седьмой раз снова почти подарил оргазм, но, гадко хмыкнув, как и в предыдущие шесть раз отстранился в самый решающий момент, саркастично пропев: «что-ты-там-пищишь-я-не-слышу-слуховой-аппарат-же-не-надел». Я уже не могла выносить его тваризма, не могла выносить того, что мое тело подыхает под ним, а эта бесчувственная сволочь все равно глумится, и я заплакала, уже позорно собираясь его умолять. Но остановилась. Потому что Ромка оказался из той категории мужчин, которую женские слезы на казалось бы ровным фоне (для них, уродов, ровном месте) вводят в ступор и абсолютную растерянность. И это его совершенно потерянное выражение лица переродило мои горькие рыдания в громкий ржач — настолько не вязалось это с его привычным образом садистского куска льда. В общем, тот секс так ничем и не кончился, ибо Лисовский виду не подал, но явно обиделся, а я не могла перестать сдавленно хихикать, что нарастанию возбуждения никак не способствовало и Ромка, пафосно закатив глаза и назвав меня скудоумной высокомерно отстранился.

Вообще подход у него ко мне был интересный. С ним рядом я постоянно ощущала себя в абсолютной защищенности и покровительстве, как с папой. Но мою волю не давили, на косяки смотрели снисходительно, что честно заставляло стыдиться и побуждало желание немедленно все исправить и больше никогда так не делать. Учитель из него тоже был занятный. Он никогда ничего не объяснял до конца, давал информацию кратко, отрывочно, иногда на первый взгляд вообще без логической связи, что периодически очень, просто, сука, о-о-очень злило и заставляло шестеренки в моей голове скрипеть от натуги, но именно такие моменты, когда я при его незаметной корректировке доходила сама, укладывало всю информацию по полочкам и в правильном порядке. И неожиданно, но это давало хорошее такое поле для полета мысли, что не возбранялось, но подвергалось особо тщательной проверке. Вот как сегодня.

— ... и там, конечно, могут спросить, но в гражданке пару статей ... вон, седьмым пунктом обозначила, как это обыграть можно, — я выжидательно смотрела на Ромку, быстро скользящего взглядом по моей сложно схеме, на которую я убила все свои мозговые ресурсы и половину нервных клеток. — Можно да, при хорошем юристе, но это на случай, если нас все-таки хлопнут. По факту, налоговой мы уже отчеты сдали и вопросов не возникло, соответственно, я сделала вывод, что, в принципе, может и так прокатить и вот... там еще посмотри про субподрядчиков на обороте. И вот, значит... Думала, может фирмы одноразовки какие-нибудь, но это слишком рискованно, так что лучше идти через реальные компании. Оно, конечно, затратнее на тридцать два процента... Нет, на тридцать четыре, я потом перерасчет сделала... Однако, так нас не хлопнут уже гарантированно. И вот... — Напряженно отставив чашку кофе на подоконник, о который опиралась бедром, медленно выдохнула. — Лисовский, чего ты молчишь?

Ромка поднял руку, мягко рекомендуя мне заткнуться и переживать в одиночестве, все так же беспрестанно скользил взглядом по строчкам. Когда он стал просматривать мою схему с подрядчиками, я нервозно забарабанила пальцами по подоконнику, и с тоской посмотрела на пустую чашку, но сейчас идти за кофе не могла или попросить Тимура Сергеевича, мне нужен был Ромкин вердикт.

Лисовский чуть нахмурился, у меня упало сердце. Господи, да я в жизни так не нервничала. Он перевернул страницу, снова пробежался глазами по паре пунктов и вернулся к схеме. Да ну не молчи ты, еб твою мать! — выла я внутри себя, стгорая от напряжения.

Ромка прикрыл глаза, откладывая мои листы, и откинулся на спинку моего кресла. По лицу ничего прочитать невозможно. Я снова медленно выдохнула, думая, что я сейчас застрелюсь. Ромка приоткрыл глаза и повернул кресло ко мне. Взгляд сквозь ресницы неопределенный такой, непонятный.

— Что, тупая схема, да? — не скрывая разочарования, тихо уточнила я, опустив взгляд в пол. Господи, конечно, и на что только я надеялась со своим-то куриным мозгом? Нахер все, открою свой магазин с бухлом и все. Куда я вообще суюсь? Печально глядя в его глаза, я негромко спросила, — я снова разжалована из чуда в скудоумную?

Лисовский настолько во мне разочаровался, что даже не ответил. Просто встал и пошел на выход. Я с грустью вздохнула, заключив, что без мозгов я его вряд ли около себя долго удержу. А ведь хочется. Мне очень хочется быть с ним. Но нахуй ему тупая? Вон сколько таких же смазливых телок как я, и даже смазливее крутятся возле подобных ему. И что одна что вторая, что третья... так, развлечение, пока химия прет... Блядь. Нашла себе геморрой. И без него, сука, не получится уже... Ну что за нахер...

Щелчок замка в двери. Я недоуменно поднимаю взгляд, чтобы оторопеть, глядя как он ко мне приближается. В глазах тени, предгрозовые отблески, челюсть твердо сжата. Я с тревогой посмотрела на свои схемы, лежащие на столе. Это чего я там такого написала, что у Лисовского крышак от злости съехал? Я же восемь раз все проверила, там все реально... Чего он рассвирепел-то так?

Он остановился почти вплотную, пальцем поднял мое лицо за подбородок. Я настороженно смотрела в его глаза. Ромка сглотнул, прищурился и внезапно резко повернул меня к себе спиной. Я от неожиданности охнула и почувствовала его руку, сжимающую, стискивающую мою грудь, вторая его ладонь легла мне на живот и рывком придвинула меня к его телу. И я едва не потеряла сознание от хриплого, насыщенного эротикой полушепота на ухо:

— Моя гениальная сука...

Эти слова отдаются стонущим эхом наслаждения в крови. Его пальцы перехватывают мои кисти и заставляют упереться ладонями о подоконник. Он прикусывает мочку уха и скользит по ней языком, отравляя тело ватной слабостью. Откидываю голову ему на плечо и прикрываю глаза, чувствуя как в горле пересохло. Его пальцы с нажимом скользят от кистей вверх по моим рукам, до плеч, с них медленно вниз, по ребрам, талии, до бедер. Сжимают до трезвящей, вырывающей судорожный вздох боли.

Ладони на ягодицах, кусающий поцелуй мне в шею и я тону в жаре тяжелящим вены и дурманыщим разум. Чувствую, как его пальцы задирают подол узкой юбки, снова сжимают ягодицы. Его язык по линии моей нижней челюсти, сбив дыхание. И краткая заминка с бельем, чтобы дразняще коснуться подушечками самой чувствительной точки в теле и ударить огнем вниз живота.

Прикусив губу, вжалась затылком в его плечо, умоляя не издеваться легкими, краткими поглаживаниями. Краткая усмешка мен в висок, и низкий утробный рык, когда мои пальцы отстранились от подлокотника, чтобы направить его руки. Свободной рукой тут же с силой вернул мои ладони обратно на подоконник. Прижался бедрами и я не сдержала тихий стон от обуявшего сознание удовольствия. Лево́й рукой сжимает мою грудь и чуть толкает вперед подсказывая опереться на локти на подоконнике. Ощущая слабость в ногах подчиняюсь, прогибаясь в спине и изнывая от того, как движения его пальцев под кружевом нижнего белья становятся жестче, интенсивнее.

Прикусываю губу, глядя на наше отражение в оконном стекле. Сильный, широкоплечий, пробегающийся пальцами свободной руки по линии моего позвоночника и с наслаждением наблюдающий дрожь моего тела от сладкой судороги в мышцах...

— Ром... — срывается сбитым, хриплым полусшепотом, когда напряжение, в ответ на интенсивность движения его пальцев возрастает и стягивает внутренние органы в тугой, дрожащий ком.

В ответ тихий, дурманящий истомой смех и палец внутрь. Ноги подкашиваются. Сбиваюсь в дыхании и роняю голову на руки, чувствуя, как с силой он сжал мою ягодицу, отодвигая болью уже кажущуюся близко финишную черту. Второй палец, и снова сжимает кожу, вырывая у меня мучительный всхлип от ужасающего, сметающего все внутри жара, никак не могущего добраться до эпицентра мира, чтобы сжечь меня.

Щелчок пряжки его ремня — мой безотчетный умоляющий скулеж. Пальцы отстраняются, но набирающее силу цунами не успевает схлынуть, когда он врывается внутрь. Толчком, сильным и безапелляционным. Глухой вскрик с моих дрожащих губ как ответ на дичайшее чувство наполненности, рвущей хлипкий, дрожащий мир почти до конца. Почти. Но не до конца.

Сильные пальцы сжимают меня за талию, стискивают. Первое движение медленное, вызывающее парадокс, ибо силу пожару дало, но и к грани не толкнуло.

Воздуха не хватает при втором, осторожном, медленном движении. Не сдержалась и тихо застонала в свои ладони, ощущая как накал внутри становится одновременно и сильнее но и в тоже время слабее.

Он стоит, покачивается, дразнит, наслаждается моим подрагивающим под ним телом.

— Ром, пожалуйста... не издевайся...

Склонился вперед, одновременно оттянув мою голову назад за волосы, к себе. Его губы у уха, язык касается кожи, тихий смех, пальцы в волосах тянут жестче и я почти схожу с ума, не отпуская смазанное, неровное отражение наших тел в окне:

— Насладись этим...

Рукой обхватывает за плечи и я умираю. От последовавших сильных, до конца, ударов. От яркости ощущений в такой тесноте. От упоительного зрелища нашего отражения. Вжимаюсь, втискиваюсь в него из последних сил, отталкиваясь от подоконника, к которому он меня прижимает.

Его дыхание в мой затылок. Рука сжимает плечи сильнее, вторая рука накрывает мою ладонь, переплетает пальцы. Теряюсь от происходящего с ним, со мной и между нами. От темного, непостижимого наречия, на котором в этом мире говорят только его и мои демоны. На языке огненного привкуса, исходящего жаром хаоса, упоительного безумия. Темным песнопением несущимся по венам, под кожей.

Не выдержала, хотя честно старалась, ощущая, что он уже рядом со мной, но сорвалась

первая. Ноги подло подкосились, не выдержав судороги мышц тела. Забилась, сбито взвыла, провожая свою мир сжигаемый огнем удовольствия и забылась, потонув в слабеющих волнах взрыва, еще сметающих все на своем пути.

Почти не ощутила, что он нагнал меня. Замер, напрягся. Сорванный вдох мне в плечо и краткая дрожь по его телу.

В дверь стучатся, вырывая из нашегобезумного мира.

Ромка мгновенно становится привычной ледяной сволочью. Я, несколько ошалело оправив одежду и громко сказала:

— Войдите!

— Ксю, ты заперлась, я бы вошел уже...

Кирилл.

— Ага, счаз. — Прыснул Лисовский, плюхнувшись на диван и с ледяным спокойствие глядя как я быстренько марширую к двери и кидаю на него гневный взгляд.

— Говорил, дверь надо заменить, эта дешевая херня так и будет заедать... — Буркнул Кирилл, переступая порог и натолкнувшись взглядом на высокомерно приподнявшего бровь Лисовского, недобро прищурился. — И что *ты* тут делаешь?

— Работу работаю, — зевнул Ромка, роясь в телефоне. — Хоть кто-то должен же работать, а не только розовые мечты на откаты создавать. Ладно, Ксения Егоровна, почапал я, раз у вас тут намечается семейный совет по наебам всего такого лоха меня. Пиши, звони, не забывай рабовладельца. Чао.

И Лисовский вразвалочку удалился, напоследок обдав нас холодным взглядом.

— Урод, блядь. — Недобро посмотрел ему в спину Кирилл, с силой захлопывая за ним дверь и не глядя на меня пройдя к моему столу, чтобы упасть в кресло и зарыться в моем ноутбуке. — Чего он приходил-то?

— А то ты Лисовского не знаешь, — скрывая нервозность, ответила я, выдернув из под его локтя свои схемы и убирая в ящик стола. — На нервы подействовать и убийственным взглядом пострелять.

— Так-так... Это за прошлый квартал, а за этот где?... А, вот. — Кирилл рылся в документации и найдя нужный ему отчет, отправил его в печать, подняв на меня задумчивый взгляд. — Ты с ним трахаешься?

Я тщательно пыталась подавить взметнувшееся внутри страх и изображая изумление и оскорбление.

— Ты бы с ним стал трахаться, Кир? — деланно насмешливо спросила яи отвернулась, направляясь за забытой на подоконнике чашкой и чувствуя как у меня перекашивается лицо.

— Даже если бы конченным пидором был, то он последний на кого бы упали мои голубые предпочтения. Ксю, он смотрит на тебя нехорошо и очень неоднозначно. Еще в Гонконге заметил. А сейчас вот вообще... Не давай ему зеленый свет, ты поняла меня? — голос Кирилла пробрал до дрожи, и я едва ее сумела подавить, когда забирала чашку с подоконника. — Не давай. Мразота он и не перед чем не останавливается. У папы с ним слишком много претензий к друг другу было, такое просто так не забывается, а он тем более не из тех, кто потерянные деньги прощает. Просто повода не давай ему, чтобы мог подобраться к нашему горлу, иначе все крови хлебнем.

— Ты меня совсем дурой считаешь, да? — холодно осведомилась я, поворачиваясь к нему и опираясь бедром о подоконник.

— Как ни крути, Ксю, но ты все же баба в первую очередь. — Кирилл забрал

распечатанные бумаги и бросил на меня острый взгляд. — Тебе на уши присесть как нехуй делать, особенно если попадется беспринципная падла. А он предводитель этих сук, прямо их эталон. Если хоть одно поползновение в твою сторону сделает, ты свою похотливую душонку усмери и сразу мне сообщи. Хорошо?

— Я сама разб...

— Мне сообщи. — Довольно грубо перебил меня Кирилл, поднимая серьезный взгляд от бумаг. — Ксю, здесь деньги. Где деньги, там не может быть чистых намерений. Тем более у таких как он. Пора взрослеть, родная.

Осталось какое-то чувство гадливости. Я выпила еще пару чашек кофе и занялась работой. На три дня была назначена встреча с подрядчиком, выбранным Ромкой для монтажа инженерных систем. К трем Лисовский никак освободиться не мог, сказал, позвонить им перенести на час позже. Через час он тоже не смог, сказал мне самой с ними встретиться, но мне без него впервые и одной было страшно, поэтому встречу я перенесла на следующий день, чему совершенно не обрадовался Лисовский, рявкнув по телефону, что с этим-то я сама справиться могла без его курации, либо в крайнем случае позвонить брату. Это задело. Особенно задело то, что про Кира я так и не вспомнила.

— Ну, извини, что не додумалась! — язвительно отозвалась я, кивнув Тимуре Сергеевичу, заглянувшему в кабинет и отпрапортовавшему, что он уходит. — Я тупая и...

— Хватит, блядь, прятаться за этой отмазкой! Хватит, поняла меня?! Была бы ты тупая, я бы в твою сторону и не посмотрел, не то чтобы в... — он резко замолчал, пока я, помертвев, смотрела перед собой в окно невидящими глазами. Затем деланно ровно продолжил, — звоним им и слезно умоляй сегодня в восемь встретиться с нами в «Ажуре», ресторане на Луговой. Ебаный рот, чудо, мы и так по срокам на пределе находимся! Сказал сегодня с ними решаем, значит сегодня! Звони и в лепешку разбейся, но чтобы сегодня все было в ажуре!

И этот козел отключился. Я ошалело посмотрела на замолчавшую трубку в своих руках, тщательно гася желание позвонить своему учителю-мучителю и высказать все, что я о нем думаю. В принципе, если опустить все унижение, которое я испытывала, ластясь по телефону к избранной Лисовским компанией, уговаривая на встречу, то вышло даже неплохо.

В половину восьмого он забрал меня из дома и отдавал сухие инструкции, как вести себя на переговорах в неформальной обстановке, что делать, спрашивать и говорить. Я, подавляя дурацкий бабский загон обидеться на него за резкость слов, скользила взглядом по ровному, четкому профилю, источающему лед. Угум, знаем мы, как обжигает этот холод, когда гениальный мозг Лисовского не в ту сторону направлен. Может, соблазнить?

Я кинула взгляд на часы, отметила, что до встречи остается двадцать минут и убрала пальцы, начинающие медленно поднимать подол глухого черного платья, обтягивающего фигуру, словно вторая кожа. Поэтому трусики не надела. Ну... не только поэтому.

Успели вовремя. Совсем прямо вовремя. Снова за его плечом, входя в полумрак уютного почти пустого зала. Я уже увидела женщину и мужчину, сидящих к нам спиной и очевидно ожидающих нас, когда Лисовской... сбился с шага.

Почему-то сердце ускорило ход от этого. И забилося просто бешено, когда он встал как вкопанный.

— Ром? — опасливо тронула за одеревеневшее плечо.

Он едва-едва заметно вздрогнул, оглянулся на меня и меня будто насквозь прошило.

Взгляд просто неописуемый. Животный какой-то. Просто непередаваемый.

— Нужно покурить. Скажи, что минут через десять подойду. — Негромко произнес он, минуя меня и направляясь обратно к выходу.

Я совершенно растерялась, не зная как вообще на подобное реагировать. Он... будто и не он. Меня, откровенно говоря, напугало это все. Там было столько эмоций. Такая смесь, что это просто разбивало сознание. Вечно такой холодный и сдержанный... что за...

Генеральные директора ОООшки «Инженерные системы» приятные люди лет тридцати вежливо мне улыбнулись и сказали, что ничего страшного, что мой соучредитель задержится. Я отклонила предложение подошедшего официанта, нервничая, откровенно нервничая из-за этого поведения Ромки. Не могла сидеть на месте. Не могла включиться в легкий поверхностный разговор, деланно изумленно заглянув в телефон, соврала, что мне нужно объяснить соучредителю как проехать к ресторану, извинилась и вышла.

Он сидел в машине. Никак не отреагировал на то, что я села на пассажирское. Кожа лица бледна. В серых глазах отблески стали. В длинных пальцах почти скуренная сигарета.

— Что сказала?

— Что пошла встречать.

Он усмехнулся. Только как-то незнакомо, даже пугающе. Прикрыл глаза и откинул голову на подголовник, глубоко затянулся сигаретным дымом и мало его выдыхая.

— Ром? — неуверенно позвала я.

Он снова почему-то вздрогнул. Вытянул из пачки новую сигарету, не переводя на меня взгляда. Я, с трудом сглотнув, решилась:

— Ты их знаешь?

Равнодушный кивок.

— С работой... не связано?

С небольшой заминкой еще один.

Сжала губы, пытаюсь, не дать прорваться мату и злости. Я знала ответ до вопроса. Он был жестким в бизнесе, и пробить его так, чтобы в глазах было такое выражение...

Лисовский неожиданно повернул ко мне голову и посмотрел на меня насмешливо вроде бы, только как-то... неоднозначно, что ли. Это мигом подавило дурное бабское желание допытываться.

— Диссоциативная локализованная амнезия... — его слова ровные, спокойные. Убивающие.

Кровь застыла в жилах. «Детали». Он имеет в виду «детали», о которых так же как и я лгал, что забыл.

— Ром. — С трудом сглотнула, протянула руку, чтобы сжать его кисть, покоившуюся на рычаге передач.

Он отстранил мои пальцы, на мгновение прикрыл глаза, снова закурил. Подался вперед, к рулю, выдыхая дым и мрачно глядя в лобовое.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— У отца фирма была. Вроде не плохая. Потом пошли дикие времена, рекет и прочее. Отжали фирму. Он начал пить. Некоторое время спустя мама тоже. — Жуткая усмешка, сплевывает в окно, и прикрыв глаза, глубоко затягивается, откидываясь на спинку кресла. — Когда они бухали, то дрались. Почти всегда. Мне было семь. Они вышли на балкон покурить и снова сцепились. Он ее... она упала с балкона, а жили мы на девятом этаже. — Сглатывает, глаза насыщаются тенями, пугающими и непростительными. Снова затяжка. —

Отца посадили. На меня оформила опеку двоюродная сестра матери, я жил с ней и ее сыном. Отец сдох на зоне от туберкулеза.

Я, ощутив, как сердце болезненно замерло, повернулась так, чтобы колено упиралось в консоль, разделяющую передние кресла. Его кисть, все так же лежащая на рычаге, немного повернулась, подушечками пальцев едва коснулась моего колена, запуская мандраж в тело.

— Жили мы не плохо. Тетя Света добрая очень, мягкая такая... наивная немного и беззащитная. В отличии от Сергея. Сергея Андреевича.

— Это... он? — неуверенно и тихо спросила я, прикусывая губу и глядя в его лицо с закрытыми глазами. И с жуткой, замораживающей полуулыбкой. — Тот мужик в ресторане?

— Да. — Лисовский негромко и как-то совсем пугающе фыркнул. — О да, это он. Хочешь подробностей?

Глаза в глаза, и я, чувствуя себя мышью перед удавом, слабо кивнула. Мышь перед очень загнанным и раненым удавом.

Глава 8

Повисла гнетущая тишина. Мои холодные пальцы потянулись и коснулись его локтя. Тут же отведенного. И ладонь с рычага убрал. Я сдержала судорожный вдох и отстранила руку, желающую вцепиться в его плечо и дернуть на себя. Ему не нужно этого, он сам. Он по-другому реагирует и нужно просто ждать. Когда пошла третья сигарета, он снова аккуратно положил кисть на рычаг и пальцы коснулись моего колена.

— Говорил же, что у меня склонность к языкам, да и мозг, так сказать, интересно устроен. Постоянно что-то в голове вертится, что можно сделать, что переделать, что доделать... Я в двенадцать лет уже барыжил всякой херью... По типу обмена. Ну, знаешь, у меня вот такая фиговина есть, подхожу к человеку и обмениваю на другую фиговину, которая мне интересна. Мой первый успех — когда я какую-то там коллекционную фишку... помнишь, раньше в фишки играли?... так вот, тридцать три всяких обмена и в конце концов у меня появился велосипед, а началось все с фишки, которую, вроде бы, я просто на улице нашел. Или выиграл у кого-то, не помню уже... — Тихо смеется, выдыхая дым и прикрывая глаза. Его рука опускается с рычага на мое колено. Мне неудобно, хочется передвинуться, но я сижу не двигаясь, очень боясь спугнуть момент. — И такое постоянно было. Мне очень это нравилось. Потом схемы у меня поинтереснее стали, продуманнее, уже с покупками, а не обменом... Тетя Света говорила, что все это, конечно, хорошо, но образование мне все же нужно получить, а этими моими фортелями можно и в свободное время заниматься. Факультет иностранных языков. Тоже сильно перло с этого, но я никак не мог понять кем же я вижу себя в будущем. Пока интернет не стал доступен и я не открыл в себе очень интересную способность совмещать эту свою страсть на покупки-продажи с наценками и совместно с тем, что это прижелании вообще можно вывести на серьезный уровень. И я это сделал. Явывел.

Безотчетно сжал пальцы на моем колене, но тут же расслабил. Усмехнулся и едва заметно покачал головой, глядя на свою ладонь. Продолжил негромко:

— Людей чувствую. Не могу понять как. Просто чувствую. Тетя Света попросила меня Серепуню, сыночка своего, на рынке торгующего запчастями, под крыло к себе взять. У нас, в принципе, с ним отношения всегда нормальные были, ничего плохого ни он мне, ни я ему

никогда не делали, а внутри все равно как будто отторжение. Просто знаю, что человек он говно, хотя повода так о себе сказать он тогда еще ни разу не дал. Но тете Свете я никогда отказать не мог. Серепуня под крыло мне упал, и, надо признать, честно старался, только мозг у него... как бы выразиться... На уровне торгаша запчастями... короче, либо пиздец розовые идеи, либо вообще нихера не догоняет. Ну, ладно, думал я, вникнет, обучится еще. Медведи в цирке тоже не сразу на велосипеде катаются, но катаются же. Помнишь, рассказывал, что пришел ко мне человек, который подарил мне осознание, что строительство — золотая жила? Вот, когда с Борисом Никоноровым связался, я уже так сказать, по-серьезному крутиться начал. Ну, во всяком случае, для того моего возраста и по тем временам, у меня ИПешка прямо су-у-урье-е-е-зная была. С Никоноровым спелись. Ты сейчас смеяться будешь... но я с его дочерью замутил. Вернее, это я сейчас понимаю, что это просто был замут, который в отношения переходить и не должен был, но тогда я пиздец насколько романтичный идиот был. Да и глаза успех туманил.

Мне туманил, Серепуне уж тем более. Я деньги почуял и направление резко поменял, ПАО двинул в сторону строительства. Впахивал как папа Карло, отдача приличная была. Чем больше впахивал, тем приличнее. Ну, а эти трое, Никоноров с дочерью и Серепуня решили, что они очень умные и могут меня как рабочую лошадку иметь, мол, сейчас лошадка еще поднапряжется, на уровень приличный выведет и заебись жить все начнут, а меня можно будет списать со счетов и империей рулить, они же умные, а я доверчивый дебил. Вот с последним не спорю. Уже полным ходом шла подготовка моей свадьбы с Никоноровской дочуркой и тут я на дыбы встаю — брачный контракт. Троица переглянулась, мол, как так, люди-то почти родные. Я, слава богу, на своем стою. Эти ублюдки понимают, что уступать я не буду и решают, что я и так достаточно наработал, вон уже с «Радоном» бодаюсь, ну Серепуня и продает твоему папаше инфу о моей взятке, где, когда и с кем я встречаюсь. Меня хлопают, три гада празднуют. Дочурка Никонорова к Серепуне как трофей отходит, а он типа «Легроимом» уже один рулит и все в шоколаде. Тут на сцену снова возвращаюсь я и раздаю всем пиздюлей. Никоноровы банкроты, Серепуня... Я его тогда чуть не убил.

Сплевывает в окно. Нажим на моих коленях усиливается. Берет сигарету, но не закуривает.

— Я правда тогда думал, что я это сделаю. Я этого хотел. За город, в лес. Из багажника достал его, лопату выдал. Дождь шел, скользко было. Он плакал, но копал. Я на багажнике сидел, смотрел на него и... человеком себя вообще тогда не чувствовал. Даже не животным. Вообще никем... Только ненависть одна, как будто состоишь только из нее. Я даже не могу это никак объяснить. Просто дикая ненависть и вообще больше ничего. Вообще. Он рыдал уже, но ни о чем не просил. Просто в глаза мне посмотрел и, видимо, там все черным по белому написано было. Когда я уже почти решил... он сказал... попросил, чтобы только мать никогда об этом не узнала. Тетя Света. И все, блядь. Меня как будто выключили. Лопатой его переубал и уехал. Ну и... собственно, вот и все. Папашу твоего я тоже хотел лопатой переубалить, да не дотянуться мне до него учитывая мой новый красивый статус федерального розыска, за который я теперь лям семьсот пятьдесят шесть каждый месяц отстегиваю, чтобы не меня, не «Легроим» не трогали... Так что пришлось с «Радоном» относительно честно воевать. При случае, конечно, я жрал его с особым аппетитом, только получалось не всегда... Вообще со страстью в это окунулся, чтобы, наверное, отвлечься. Про Никоноровых старался не думать, где Серепуня знает не знал, а они, смотри-ка, снова

решили на арену вытолкнуть. Новая фирма, Серепуня с Маринкой работать решили, а не на чужом горбу выезжать. Правильно, а где ж еще они найдут такого же лоха как я?.. У них цены выгодные, фирма новая совсем, надо базу наработать, оттого и цены оптимальны. На то и польстился, стандартная ведь практика на арене, к тому же, такие фирмы работают исполнителю и качественно ибо репутация на рынке нужна. Поэтому я и решил «Тримекс» с этой фирмой свести, еще подумал, надо бы конторку пробить, да вроде и контракт у нас так себе по деньгам и время есть. Думал, ладно, съездим, я на людей посмотрю, если нормальные, тогда уже своим команду дам, чтобы порылись для проформы... Съездили, блядь.

Я с трудом сглотнула глядя на его пальцы. На ум пришел тот самый первый вечер.

«— *Браслет от Картье... девушке такой же дарил...*

— *С этой традицией?..*

И демонстрация отсутствия цепочки».

Марина, значит. А мне она даже понравилась. Неудивительно, впрочем, ведь я так часто ошибаюсь в людях.

Перевела взгляд на его профиль и, облизнув сухие губы, громко и уверенно произнесла:

— Дозволь слово молвить, боярин!

— М? — перевел на меня взгляд, а в глазах еще тени прошлого, но слабые, почти уже забытые на то дно, где им быть полагается.

— Ты же сказал днем, что я могу и сама. Вот. Дозволь слово молвить, боярин!

Лисовский тихо рассмеялся, глядя в мои преувеличенно бодрые глаза.

— Чудо ты... мое. — Чуть сжал мое колено и убрал руку. — Давай. Наставник хочет тобой гордиться.

То, как они отреагировали на ледяного Лисовского, дежурно так извинившегося за задержку (а то ж, начальство не опаздывает, оно задерживается), истомой пронеслось под моей кожей. Они тоже не знали, что он будет здесь, ведь ждали меня и мой «Тримекс». Поэтому мертвенная бледность и практически испуганное выражение лиц было абсолютно искренним.

Я сухо представилась, едва сдержав смешок, представила Лисовского, уже заказывающего ужин сразу на четверых (а то ж, начальство же. Начальство решает).

Говорить со мной начал Серепуня, стрельнув карими глазами на глыбу льда, расслаблено откинувшуюся на спинку кресла и положившую руку на спинку моего. Серепуня говорил много и красиво. Честно, звучало это очень заманчиво. Сроки, цены, количество спецов, все было идеально для "Тримекса". Вот если бы они не были конченными мразями, я бы обязательно согласилась. Марина смотрела на него. На моего, сука, Лисовского. Смотрела неприлично, в упор, и на дне ее глубоких глаз плескался страх вперемешку с ненавистью. Забавное сочетание. Если бы это не было на переговорах.

— Скриптонит — твоя сука... — едва слышно брякнула я, заставляя прерваться напряженного Сережу на полуслове.

— Что? — переспросил он, стараясь смотреть исключительно мне в глаза.

Я не видела Ромку, но его негромкий и очень краткий смех смотивировал меня идти в наступление.

— Меня интересует ваша деловая репутация. Итоги завершенных проектов. Не могли бы предоставить?

— У мен... у нас совсем новая фирма, мы открылись только лишь три месяца назад.

— Организация была куплена или создана?

— Создана.

— Это говорит об абсолютном отсутствии гарантий, я не могу идти на подобный риск, сумма контракта слишком серьезна для фирмы с дефицитом репутации.

На телефоне, лежащим рядом с моей тарелкой сработало оповещение о входящем сообщении. Взгляд зацепился за него. От Лисовского. «*Моя девочка пахнет, будто бы в ней свежая мята с оттенками рая*»*. Сердце пропустило удар и я едва сдержалась от того, чтобы усмехнуться и оглянуться на него. Строчка из песни. В этой ситуации и в такой момент это было... наверное, что-то подобное чувствовали берсерки перед тем как их выпускали на поле боя. Что-то такое. Готовность ко всему и на все. Невероятное желание забить, затоптать, уничтожить.

Мое резонерство, раздувающее мотивацию отказа от сотрудничества, набирало силу, витиеватость и глубину, не оставляя шанса оппоненту. Аж сама от себе хренела. Но это было позже, а в тот момент, чувствуя за спиной Лисовского, от которого горела кровь, я испытывала только одно желание — добить.

Серепуня замолк, оставляя все попытки убедить меня. Марина смотрела в мое ровное лицо чуть прищурившись, не скрывая неприязни, которую я возвращала ей сторицей. И тут этот урод Серепуня взял и сказал:

— С таким отношением к бизнесу, когда вы вплетаете отношения, недалеко вы уйдете, Ксения Егоровна.

Я прекрасно понимала, что это сказано потому, что его задело. Понимала, что его занесло, что он не вытерпел моего унижающего тона и объема аргументов. Понимала. Лисовский молчал, не вмешивался, даже когда осознавший оплошность Серепуня метнул на него настороженный взгляд.

Мне почему-то хотелось рассмеяться. Я пригубила стакан воды, поставила его на стол, оставив ладонь на столешнице и откинулась на спинку кресла, почти сразу почувствовав, как пальцы Лисовского плавно опустились со спинки на мое плечо. Я с удовольствием смотрела в лицо Марины, чей взволнованный взгляд не отпускал мою ладонь. Она одна поняла, что сейчас будет. Она знала. Громко сглотнув, она метнула взгляд на Лисовского. И ноготь моего указательного пальца стукнул по столешнице.

Ромка усмехнулся. Убрал руку с моего плеча и, медленно подавшись вперед, положил локти на стол. Воздух сгустился, стал тяжелым, вязким, осязаемым. Таранящим тех, кто сидел напротив. Серепуня чуть опустил подбородок, глядя потемневшими глазами на Лисовского.

— Нельзя вплетать отношения, говоришь? — голос Романа Вадимовича совсем негромкий, но ледяной и пробирающий до мурашек. — Какое лицемерие.

Лисовский чуть склонил голову, прохладно глядя в лицо Сергея, сжавшего челюсть.

— Знаешь, а я, пожалуй, тоже вплету. — Это был приговор.

Тут же приведенный в исполнение. Резким рывком вперед за столом, одним ударом в челюсть. Марина подскочила со стула, отпрыгнула, не собираясь помогать подняться упавшему на паркет Сергею.

Мое сердце забилось бешено. Я посмотрела на Ромку, сидящего на своем месте и внимательно наблюдающего за медленно поднимающимся Сергеем, потирающим челюсть. Взгляд Лисовского был спокоен, заинтересован, холоден. Марина что-то говорила, материлась вроде, даже как будто бы угрожала. Я не могла различить ее слов из-за набата

своего неистово колотящегося сердца, звонко отдающегося в ушах, разгоняющего горячую бодяженную адреналином кровь по напряженному телу.

Сергей смотрел на Лисовского. Смотрел с ненавистью. С тщательно скрываемым страхом. А тот ждал. Но ответа не получил. Сергей рывкнул своей истеричке заткнуться и дернув ее за руку, повел на выход.

Напряжение спало, как только они переступили порог. Спало у меня внутри, но не в атмосфере ресторана. Я только тут поняла, что в зале мы были не одни. Там, у окна, сидела пара средних лет, две девушки на баре, а рядом с барменом две официантки. Никто из персонала не среагировал. Вообще.

Перевела взгляд на Лисовского, вопросительно приподняв бровь. Он сделал недоуменное лицо и повел плечом, дескать, не знает, почему же никто не вмешался.

Пересел на место Сергея, напротив меня, и попросил официантку убрать со стола лишние тарелки и подать приличный алкоголь.

— Ром. — Прикусила губу, сдерживая улыбку, глядя в расслабленные, удовлетворенные серебряные глаза. — Почему именно «Ажур», м? Твой ресторан?

— Да бог с тобой. — Туманно ответил он, лукаво блеснув глазами. — Моей знакомой. Я здесь хоть на столах танцевать могу, мне слова никто не скажет. Оттого деловые встречи в неформальной обстановке назначаю только здесь. Какая-никакая, но своя территория. Вот поэтому маленький эксцесс без лишнего шороха прошел.

«Маленький». Я смотрела на него, отвечающего мне спокойным, может быть слегка ироничным взглядом и не могла понять что с ним. Что со мной. Рядом с ним. Почему у меня столько удовлетворения от произошедшего, почему сердце бьется ровнее. Просто смотрю на него и отчего-то такое чувство... неопишное какое-то. Будоражащее, оседающее тяжестью в сосудах, немного опьяняющее.

— Так и не поужинали. Надо исправить. — Усмехнулся, попросил заменить горячее.

Почти не разговаривали. Он цедил виски со льдом, я вино. Глаза в глаза. Томление, удовольствие, тянущая нега под кожей, будоражащая рецепторы. Мне хотелось. Прикоснуться. Подушечками пальцев провести по его скуле. Прижаться к нему, ощущая тепло такого сильного и роскошного тела. Вдохнуть аромат его парфюма. Поцеловать. Скользить языком по его губам.

Его глаза темнели, насыщались искушением, терпким, дурманящим, как игристое вино, первая часть которого дана была совсем не зря. Чуть повела головой в сторону выхода, выказывая приглашение. Отрицательно повел подбородком, вызвав у меня неудовольствие. Я же вижу, что он расслаблен, да только обманчиво, его глаза все выдают. Почему он отказывается? Я поджала губы, возмущенно глядя в его лицо.

Он тихо рассмеялся, пригубил виски и оглянулся. Зал покидали последние посетители.

— Подожди здесь. — Негромко произнес он, поднимаясь с места и направляясь к выходу.

Один повелительный взмах руки и персонал пошел за ним вслед. Да ладно?..

В горле пересохло, я нервно опрокинула в себя бокал вина, и заерзала на месте от нетерпения. Вернулся он довольно быстро. Прикрыл дверь.

Я зачем-то встала с кресла, не в силах отвести от него взгляда.

— Ром? — неуверенно позвала, глядя на его неторопливое, вальяжное приближение.

— Кто-то без нижнего белья, верно? — утробно мурлыкнул, останавливаясь совсем близко и пальцами поднимая к себе мое лицо за подбородок. — Такое платье... м-м-м. —

Его вторая рука пробегается по позвоночнику вниз и сжимает мою ягодицу. — И такой верный ход с бельем. Ход конем и я сражен. Наповал. Нехорошо это, Ксения Егоровна, у меня тут деловая встреча, несведенные счета, а я только и думал о том, что... моя сука, так красиво добивающая Сережу, сидит рядом без нижнего белья... Знаешь, в голове застряли эти слова — про мяту с оттенками рая. А потом моя девочка взяла и пизданула название трека. Нереальность какая-то... Так же не бывает. Ты кто, чудо?

— Ром... — тихо выдавила я, пьянея от его игры с моим дыханием, когда он склонился и улыбаясь приближался к моим губам но отстранялся всякий раз когда я пыталась сорвать поцелуй. — Да хватит... Ну хватит. Вдруг кто-то сейчас придет. — Вот говорю правильно, а мысли вообще в другую сторону, когда его от подбородка вниз по шее, до груди, а вторая рука мягу толкает назад, к столу, подсказывая сесть на него. — Лисовский, у тебя крыша уехала.

— Угум. Не дальше твоей. — Скользнул языком по моей нижней губе, опуская обе руки мне на бедра и рывком усаживая на столе удобнее, одновременно вклинивая бедро между моих колен, заставляя раздвинуть ноги. — Не зайдет никто. Сторожат. Повара с топориком позвали, стоят там вшестером, только через свои трупы пропустят. К себе в службу безопасности их взять, что ли ... Повар с топориком, блять...

Я рассмеялась, обвивая его плечи, и позволяя его языку раздвинуть улыбающиеся губы и коснуться моего.

Пальцы его правой руки тронули внутреннюю сторону бедра, чуть сжали кожу и медленно заскользили вверх. Вздогнула, когда коснулся. Тихий стон ему в губы, когда нажим усилился. Едва сознание не потеряла, когда запустил палец внутрь.

— Отчего тишина такая, чудо?.. — хриплый шепот на ухо, и язык скользнул по мочке.

— Там за дверью... — сбито дыша и не отпуская взглядом дверь я прикусила губу до боли, утыкаясь ему лбом в плечо, когда... еще один палец. — Лю-ю-юди там...

— И? — ударил резко. Сдержалась. Почти. Стон погас, когда я втиснулась в его плечо. — Снова нет? Какое упрямое чудо. Что ж, сменим тактику.

Отстранил руку, чуть отступил сам, с упоением глядя на мое страдальческое лицо.

— Руки за спину отведи и упор на них возьми, — отстраняет мои пальцы, все еще сжимающие его плечи.

Я, часто дыша, изнемогая от веяния бескомпромиссной эротики напитавший тяжелый воздух, подчинилась.

Усмехнулся, его пальцы стиснули мои колени, притянули мое измученное тело на край стола, развели мои ноги шире. Сжал мои ноги на мгновение почти до боли и заскользил от колен вверх, кончиками пальцев сдвигая ткань платья.

Вздогнула, не в силах отвести взгляда от этого зрелища. Он сдвинул ткань почти максимально. Его пальцы замерли.

И он опустил передо мной на колени.

Я не успела вообще никак отреагировать. Ни изумиться, ни растеряться, ни зажаться, когда он прильнул ко мне между широко разведенных ног и коснулся горячим языком. По мышцам ног пронесся огонь, заставляя их сжаться. Краткий шлепок по ягодице, и нажим языка жестче и безумие в кипящей крови сильнее.

Его сучий расчет оказался верным — меня крыло, расщепляло, сжигало. И прорывалось. Прорывалось всхлипами, и о да, стопами, потому что это было невыносимо. Кровь сжигала сосуды, сжигала тело от каждого движения языка. Сознание кануло во мрак, горячий и

затягивающий, безумный и упоительный. Уже чувствовала стремительно приближающуюся финишную черту, подгоняемую просто запредельным возбуждением сотрясающим тело. Он остановился. Не сейчас!.. Не так!.. Пожалуйста!..

— Пожалуйста... — мой сорванный голос резанул слух и горячий воздух.

Тихий смех и он снова прильнул, одним резким движением запуская палец.

И захлестнуло с головой. До алых точек перед закрытыми глазами, до падения мира и моего осознания себя в нем, до предела человеческих возможностей и за него...

Осознание пришло не сразу. Да и не пришло вообще до конца. Осознание того, что его руки придерживают меня, мое дрожащее тело, вжатое в его часто вздымающуюся грудь. Пальцы мягко оглаживали поясницу, горячее дыхание в макушку и... все. И больше мне ничего не нужно было. Никогда.

— Выдержишь?.. — тихий вопрос, и его пальцы сжали сильнее, пуская онемение вместо угасающего под кожей удовольствия.

Слабо кивнула. Не уверена. Тело будто желе.

Снова приподнимает пальцем за подбородок. Улыбается глазами, темными, порочными, зовущими, так странно заводящими, вытесняющие слабость. И реальность.

Заводит просто взглядом. Тянусь к его губам. Вкус... просто одуряющий. Станный, терпкий, немного солоноватый. Никогда бы не предположила, что это может завести, подавить меня и снова подтолкнуть к омуту, в котором так сладко тонула рядом с ним и из-за него.

Целует дразняще, вроде и горячо, но с вполне четко осязаемым контролем. Он перевозбужден, это чувствуется. Его тело отзывается, на мои торопливые неверные движения пальцев, борющихся с его ремнем и его одеждой. Его тело отзывается на мой язык, скользящий по его улыбающимся губам, отзывается на то, как я прижалась к нему грудью. Он отзывается, но все равно контролирует. Это почему-то злит. Я только сейчас поняла, что меня злит его контроль. В жизни ладно, но когда вдвоем и в такие моменты... это злит.

Но инициатива была подавлена. Он перехватил мои руки, завел их мне за спину и, скрестив на пояснице, чуть надавил на позвоночник, вынуждая выпрямиться, податься вперед к нему, прижаться теснее, шире разведя ноги. Одной рукой удерживает мои руки, второй бедро. Мгновение, и я снова застонала, не выдержав этого чувства, когда все внутри распирает от ощущения наполненности. Замирает. Усмешка мне в губы.

Отпускает мои руки, чуть толкает, вынуждая откинуться на спину, упереться на локти. Получается не сразу, почти зло отпихивает посуду со стола и она громко бьется о паркет, одновременно с этим его рывок вперед и я фактически впечатываюсь локтями в столешницу, инстинктивно откинув голову назад и едва сдерживая вскрик от волны удовольствия. Снова замирает, а волна внутри меня из-за этого стихает. Измученно смотрю в его лицо с почти черными глазами, в которых так много искушения и откровенного порока.

Закидывает мои ноги к себе на плечи и... сука.

Играл углом вхождения, бросая меня в такие приступы неконтролируемого наслаждения, что я... охрипла. Вот если сойти с ума, так только от этого. От дерущего нутро огня, от тока, от свинца совместно с демонами его в глазах терзающих мое тело и душу.

Не хватало воздуха, чтобы сказать мольбу вслух, но он прочитал по губам. На мгновение прикрыл глаза и интенсивность, сила, частота его движений возросла настолько, что разум закоротило и к послало к чертям любую способность мыслить. Накатило резко и внезапно, но слабее — у тела тоже есть предел. Однако удовольствие было томящим и глубоким как

насыщенное вино от зрелища того, что он нагнал меня. И как это сделал. Снова потрясающе. Он прекрасен, когда вот так... не контролирует себя. Просто неистово прекрасен и это дурманом по венам в голову. Хочу это видеть чаще...

Тянущееся время на осознание себя и произошедшего. Оделись, выглядели почти прилично, но...

Я не поднимала глаз от пола, и чувствовала, как румянец пылает на щеках, торопливо, почти бегом покидала ресторан. Но все равно заметила кое-что — у дверей повар был. Действительно с топориком.

У Леванте пришлось подождать, потому что Лисовкий не торопился. Он вполне себе довольно улыбался и неторопливо спускался с лестницы, убирая портмоне во внутренний карман полупальто. Посмотрел на меня и усмехнулся, заставив меня покраснеть еще больше.

Я думала, поедем ко мне, или в отель, но поехали мы к нему. «Семь парализованных улиток» ремонт все же завершили. И какой. Квартира двухкомнатная, с высокими потолками и непревзойденным стилем. Определенно это был чистый такой мужской лаунж, но сдержанный, в оттенках стали?.. Мельхиора?.. Нет, серебра. Это сразу навеяло ассоциации с его цветом глаз, но никакой вульгарности я в этом углядеть не могла, как ни старалась. Потому что оттенки оформления в элементах интерьера плавно насыщались до почти черного, или слабого сероватого, с неожиданными, пусть очень редкими, но безумно вкусными элементами в аметистовом цвете. Стиль. Вкус. Характер. Это было сделано для него и под него.

Я задумчиво скользила взглядом по обстановке, переходя из комнаты в комнату, отмечая родственность, акценты и переключаящиеся моменты. Очень органично. Подстать владельцу. Сдержанно, лаконично, строго. Сильно.

Остановилась в спальне. Присела на кровать, глядя на него, чуть приподняв бровь. Он застыл у косяка двери и усмехнулся. Мягко. По особенному. Так, что сразу понятно — это предназначалось видеть только мне.

— Не то, чтобы я прямо уж доволен... Но, в целом, терпимо. — Высокомерно заключила глыба льда, деланно недовольно осматриваясь.

Мне почему-то стало жалко «парализованных улиток». Не знаю уж почему, но мне кажется, пока они делали ремонт Лисовскому, то отстрадали за все грехи в этой жизни, несколько предыдущих жизней и последующих. Прямо чистилище прошли.

— Мне бы в душ. — Прикусила губу, с удовольствием глядя в его глаза. — Есть что на смену моей одежде?

— Не могу представить ничего сексуальнее моей рубашки на твоём теле. Сойдет?

— Определенно.

Душ он принял со мной. И ночью мы спали мало.

Отвез в «Тримекс», предварительно терпеливо, хоть и недовольно ожидая меня в машине у подъезда моего дома, пока я быстро переодевалась в строгую блузку и юбку карандаш, на бегу одевая каблуки и приводя морду лица в порядок.

Сам укатил по делам, но вернулся уже через полтора часа. И весь мой рабочий настрой пошел псу под хвост.

Лисовский, запустив лапы мне под блузку, сжимал мою грудь, теснее придвигая меня спиной к своей груди, и, улыбаясь, щекотал дыханием шею, мешая сделать глоток кофе, а я тихо млела, глядя на наше отражение в оконном стекле, за которым крупными хлопьями падал снег. И наслаждалась.

Тигриное что-то в нем. Сила, мощь, угроза и одновременно эти кошачьи ласки, по звериному грациозные какие-то, но с оттенком покровительства. Вроде мягкой лапой касается, но четко понимаешь, что в них когти и случае чего они вполне себе располосуют.

Осознание того, что может этот интеллект, характер, его руки, его голос и взгляд при любом подобии сопротивления и одновременно зрелище того, как именно он улыбается, опьяненный теплом моего тела, моим для галочки неудовольствием, дурманит, бьет в голову и вены. Это просто непередаваемое чувство, когда такой зверь и такая ласка. Так невыразимо приятно, хотя и трезво осознаешь, что тебе просто предоставили сейчас власть, что тигр хоть и ластится, но клыки и когти у него острые и переступить за черту дозволенного нельзя. Да и не хочется. Мир под ним. А он сейчас так нежно целует мою шею. И больше ничего не нужно. Поворачиваю голову и пью поцелуй с его улыбающихся губ.

— Р-р-ром... — тихо мурлычу в его губы, наслаждаясь его вкусом.

Он обожает эту мою манеру так произносить его имя. Обожает до молний в серебряных глазах. Облизывает мои губы и одобрительно улыбается. Боже, сколько секса в каждом его движении, мимике, в каждой секунде рядом с ним. Сколько же секса, сука...

— Хочу тебя. — Сбито выдыхаю сквозь стиснутые от изнеможения зубы.

Его пальцы отодвигают край лифа, проходятся по краю чувствительной кожи.

— Я поиздеваюсь над тобой, чудо мое. Не могу удержаться, хочу постоянно видеть насколько сильно ты хочешь меня в ответ. — Прикусывает мою губу, оттягивает. — Не могу... это просто нереально...

Смеюсь, опьяненная им. Хочу минет. Хочу встать перед ним на колени. Поворачиваюсь, обвиваю шею руками, рывком придвигая голову хищника к себе и делая поцелуй глубже. Невольно сбиваюсь, чувствуя, как нажим его пальцев на моей груди может оставить следы.

— Ты же метки не любишь... — Чуть царапаю ногтями его шею, вопросительно глядя в его глаза, в которых в ответ на это мелькает краткий отблеск неудовольствия.

— Ты будешь их носить. Мои метки. — Невольно сбивается сердце, а потом он вообще отправляет меня в райский ад одной простой фразой, — ты моя. Поняла? Только моя и ничья больше.

— А ты мои будешь носить?

— Да. — Ответ дался ему не сразу, не просто, не охотно. Он уступает впервые — это ощущается. Уступает мне. Давит себя, свою гордость и вечные грани свободного зверя.

— Я не оставлю. — Улыбаюсь в его губы. — Ты и без этого... только мой. Понял? Только попробуй шаг в сторону сделать — оскоплю нахуй. А дальше моя первая уголовка скорее всего последует. Сто пятая статья...

Негромко и чуть хрипло смеется мне в губы, притворно серьезно кивает, и его пальцы сильнее сжимают мою грудь, посылая по крови стрелу возбуждения, заставляющую с тихим стоном вскинуть голову и отступив прижаться бедрами к подоконнику. На который он меня почти посадил, одновременно кусая мои улыбающиеся губы, сжимая одной грудью.

Отстраняется. Пытаюсь последовать за его губами, двинувшись вперед, требовательно обхватив ногами его бедра, чтобы притянуть к себе. Улыбается серебряными глазами. Подается ко мне, но не дает поцеловать себя. Руки пробегаются под блузкой по ребрам назад, останавливаются на пояснице. Пытаюсь притянуть его ближе, мягко усмехается и снова не дает. Склоняется к шее, скользит языком и...

— Я люблю тебя. — Тихим приговором мне в ухо.

Мир канул в горячий хаос. Тело отчего-то задрожало, стало трудно дышать. С моих губ

почти сорвался ответ, если бы не открывшаяся дверь.

Я испуганно повернула голову, чтобы узреть на пороге Кира, помертвевшего и с отпавшей челюстью.

— Ракитин... — Ромка, не поворачивая голову на вошедшего, прихватил кожу моей шеи зубами, и как будто ничего такого не произошло, будничным тоном поинтересовался. — Старший или младший?

Я, с трудом сглотнув, испуганно смотрела на брата, все еще находящегося в глубоком шоке и тихо проронившего:

— Вот это пиздец...

— Младший. — В голосе Лисовского мелькнула досада. Он, все так же не убирая рук из-под моей блузки повернул голову к Киру и прохладно поинтересовался как у глупой служанки осточертевшей боярину. — Ну, и? Что тебе тут надо?

— Ты... Ты... блядь...

— Стучаться не учили, что ли? — Ромка неохотно убрал руки, которые я с дикой нервозностью отпихивала, зевнул и встал так, чтобы я была за его плечом, чуть склонил голову и надменно произнес, — чего ты притащился?

Кир сделал к нему широкий шаг, глядя в его лицо горящими ненавистью глазами. Я, на ходу заправляя блузку в юбку, кинулась наперерез.

— Кирилл, не надо! — вцепляясь в его плечи и отталкивая назад, напряженно зашептала я.

Гадина Лисовский саркастично прыснул и оперся бедром о подоконник, не отпуская глаза Кирилла высокомерным, насмешливым взглядом. Брат повернулся ко мне, глядя в мое лицо с неверием, с дико расширенными зрачками, таким рывком вырвал руку, что меня покачнуло. Со спины это выглядело так, будто он меня оттолкнул.

— Руки, блядь, отрублю. — Леденяще произнес Лисовский, делая шаг к нам, и заставляя ополоумевшую от происходящего меня метнуться уже к нему.

Когда я с трудом удержала его и заглянула в ледяные глаза с клубящейся на дне ненавистью, не отпускающие Кира, у меня вдруг щелкнуло в голове и все очень болезненно встало на свои места.

«Детали». Это его «детали». Он видел, как отец избивал мать, и как она «упала».

Он подумал, что Кир толкнул меня. И тот секс... как его перекосило, когда я заревела... «детали». Гребанные «детали».

— Он не толкнул меня, я просто оступилась. — Едва-едва слышным шепотом произнесла я.

Взгляд мне в глаза и сколько в нем всего. Но лишь на долю секунды, а в следующую все заслоняет блеск привычного высокомерия и иронии. Взял себя в руки.

Я оглянулась на брата, на мгновение прикрывшего глаза, чтобы прийти в себя. Он пинком захлопнул дверь и, пройдя вглубь кабинета, развалился на диване, прищурившись, напряженно глядя на нас.

— И давно? — со злостью осведомился он.

— Ты что, меня не слышишь? Я тебе вопрос задал. — Лисовский смерил его презрительным взглядом, отступая и снова опираясь бедром о подоконник, вопросительно приподняв бровь. — Или ты завалился сюда поболтать о моей личной жизни?

— Это моя сестра, если что. — Усмехнувшись, предупреждающе глядя на Лисовского, произнес Кирилл.

— Мне здесь что полагается ответить? Пособолезновать, что ли?

— Да хватит, блядь. — Рыкнула я, убито прикрыв глаза и отойдя от Лисовского уперлась ладонями в стол.

— Папа не обрадуется, Ксю.

— Так не сообщай. — Повернув к нему голову, хмуро выдала я.

Кир нехорошо усмехнулся, глядя на меня с таким осуждением, которое я у него еще никогда не видела. И это было больно. Он никогда меня не осуждал и не журил. Всегда был со мной и на моей стороне, что бы я не натворила. До этого момента.

— Да ладно, чудо, нюни не распускай. Один хер, это все равно когда-нибудь да вскрылось. — Фыркнул Ромка, отойдя от подоконника, чтобы сесть в мое кресло и насмешливо посмотреть на Кира. — Вопрос прежний.

— Вопрос, да. — Кир с трудом отвел от меня взгляд, достал папку из сумки и швырнул на стол перед Ромкой. — Это у меня к тебе вопрос, Лисовский. Что это за еботня по последнему кварталу? Какого хуя там такие цифры вышли? Если распил шел пополам, то где наша часть согласно этим документам?

Лисовский снова зевнув, пролистал папку, без интереса пробегаясь по строкам глазами.

— А, ну да. Резерв же вернули... Забыл я. Пусть папа не плачет, через час на счета кину.

— В смысле, блядь, ты забыл? Ты забыл распилить почти двадцать три мульты?

— Понимаешь, в чем дело. — Лисовский отложил папку на стол и откинулся на спинку стула, заложив руки за голову и иронично глядя на Кира. — Я человек многозадачный, в отличие от, допустим, тебя. В день проворачиваю по несколько сделок, иногда моя внимательность страдает. Так бывает, когда своей головой соображаешь, а не по заданиям папочки носишься, который все за тебя продумал и тебе осталось выполнить его приказ.

— Ром, не провоцируй. — С нажимом произнесла я, делая шаг назад, чтобы толкнуть поднимающегося с места брата.

— Ты понимаешь, с кем ты трахаешься? — Кир, снова откинувшись на спинку дивана, уничижительно приподнял бровь испытывающе глядя в мои глаза. — Ты с кем, блядь, трахаешься, понимаешь, нет? Алё, гараж! Земля вызывает Ксюшу, прием, сука! — Я похолодела от тяжести злости брата, осевшей в саркастичном голосе. — Не понимаешь? Так взгляни. — Краткий кивок в сторону папки на столе. — Он нас уже наебать пытается. Блять, ты чего творишь-то, родная моя?

— Наебать пытается... — Лисовский протяжно хохотнул, привлекая наше внимание. — Если бы пытался, то вы об этом бы не узнали. — Лениво возразил, довольно и с прохладой глядя в глаза Кира. — Уж поверь. На такой херне я бы в жизни не прокололся. Забыл я. Понимает тупой твой мозг, нет? Забыл. У меня по счетам ежедневно такие операции идут, что...

— Что, Лисовский? Что не замечаешь двадцать три мульты? — недобро усмехнулся Кир, переводя с напряженной меня давящий взгляд на него.

— Нет, ну почему, я заметил. Но вот перевести часть забыл. — Ромка начал раздражаться — в голосе крошился лед. — Слушай, убогий...

— Рот прикрыл, блядь ...

— Я сказал, слушать меня. Если бы я хотел спиздить двадцать три миллиона, то ни ты, ни твой папаша даже не догадались бы об этом. Я у вас и больше пиздил, через подрядчиков, субподрядчиков и контрагентов пока «Тримекс» на свет не родился.

— Ты сучара... Долгострой на Одесской... — Кирилл аж перекошило от злости. —

Твоих рук дело?

— На Одесской? — Ромка задумался, а потом его губы растянула холодная удовлетворенная усмешка. — Ну и это тоже, да.

— В смысле, блядь, «тоже»?! — прорычал Кирилл, едва не щерясь.

— Лисовский? — позвала я, напряженно приподняв бровь.

— Что? — Вполне искренне недоуменно посмотрел на меня он и, прицокнув языком, недовольно закатил глаза. — Можно подумать, я вот от них, белых и пушистых, убытки не нес. Мы тогда конкурировали вообще-то. И батя тоже там как бы никакими методами не гнушался...

— Да мы тогда чуть не обанкротились, сукин ты сын, — прошипел Кирилл, поднимаясь с дивана и не отпуская ненавидящим взглядом приглашающе улыбающегося Лисовского.

— На то и был расчет, прикинь. — Глумливо хохотнул Ромка. — Я так расстроился, что этого не произошло. Два часа ж схему составлял. Целых два потратил, а она не полностью выгорела, такой удар по самолюбию, такой удар...

— Кир, успокойся! — рявкнула я, удерживая брата, порывающегося сделать шаг к столу, чтобы набить наглую ухмыляющуюся морду Лисовского. — Да хватит, блядь!

Убито рухнула с ним рядом и, подавшись вперед, закрыла ладонями глаза, упираясь локтями в колени. В кабинете повисла мертвая тишина. Со вздохом покачав головой, я отстранила руки от лица, чтобы посмотреть на Кира, откинувшего голову на спинку дивана и напряженно смотрящего в потолок, твердо сжав челюсть, а потом на Лисовского, глядящего мне в глаза с каким-то отдаленным эхом извинения.

— Поехали, Кирилл Егорыч, при тебе перевод сделаю, чтобы не подозревал меня невесть в чем.

Он хочет с ним поговорить. Без меня. Но обо мне. Я посмотрела на него испуганно, почти с мольбой, но Ромка остался к этому абсолютно равнодушен. Он встал, подхватил свое полупальто с кресла и пошел на выход.

— Кирилл, — напряженно позвала я, но брат тоже не обратил на меня внимания, молча последовав за ним.

Снег кружил и падал большими хлопьями, укрывая промерзшую землю. Оседал на одежде и волосах, падал за шиворот, холодил и раздражал кожу. Но оба стояли недвижно возле черного Лексуса Кирилла. Стояли, курили и молчали. Рома протяжно выдохнул и, бросив взгляд на наручные часы, спокойно и ровно отдал приказ:

— Отцу ничего не говори. Я сам ему сообщу.

— Ты... — Кирилл подавил себя, сцепив зубы, и на мгновение прикрыв глаза, повернул голову, чуть прищурено глядя на Рому, выжидательно изогнувшего бровь. — Лисовский, давай откровенно. Ты вот нах... я знаю, что у тебя с башкой и с принципами проблемы, просто пока поверить не могу в такой масштаб. Она баба, вот нахуя ты во все это ее втягиваешь? Давай без крови разойдемся.

— Давай. — Лисовский пожал плечами и кивнул, нашаривая в кармане иммобилайзер и оглядываясь на стоящий невдалеке Леванте.

— Ты меня не слышишь, что ли? — Кирилл сдержал порыв взять его за локоть и дернуть на себя. С трудом, но сдержал. — Лисовский, я тебя предупреждаю, не втягивай ее во все это.

— А я и не втягиваю. — С Ромы разом слетела маска прохладной насмешки, обнажив

такое леденящее презрение, что оно чувствовалось физически. — И вам, уродам, делать это больше не позволю. Учти это, Кирилл, и папаше намекни.

Кирилл приподнял бровь пристально глядя в глаза Лисовского. Тот прицокнул языком и прищурился.

— Вы девчонку на передовую кинули. Против меня. С которым три года ничего сделать не могли. Ты меня сейчас к совести призываешь? Окстись, дорогой, и нахуй с папашей идите. Все что вам природа не додала по человечности, она в нее впихнула, и к счастью вы об этом не знаете, а то пользовали бы с большим рвением и отдачей. Так что пасть не разевай и молись там с благодарностями своим богам, что у меня, в отличие от вас, с головой все оказалось нормально и я людей от вещей отличаю. Точнее людей от животных и от вещей.

— В любовь играешь? Ты, да? — Кирилл тихо рассмеялся, с иронией глядя в лицо Лисовского.

— Так, на заметку: я ее ни в одну схему не втянул. Ни в одну. Двадцать четыре раза мог, из них тринадцать с таким итогом, что вы бы на ноги не скоро поднялись. Но не стал. — Смесь эха холодной насмешки и раздражения в ровном голосе. — Вы ее загнали в тот коридор, который вам был нужен. Заставляли идти по нему и голову перед вами склонять типа дура же, типа ничего не смыслит же. — Презрительно фыркнул, внимательно глядя во вспыхнувшие злостью глаза Кира. — Смыслит, и очень нехуево так смыслит для двадцатипятилетней девочки, на которую срать хотела вся ее ебанутая семейка, только свои потребности удовлетворяющая и похуй что ближнего перемальывает в фарш. Шизофреники. Я раньше вас презирал, знаешь, с позиции, что вы вроде как ебанутые, однозадачные, с низменными потребностями, типа животных, на чью территорию заходить нельзя по какой-то только вам понятной логике. Когда ее узнал, то презирать перестал. Жалких вообще сложно презирать, они ведь просто жалкие. — Прекрасно считал то, что Кирилл почти скрыл — попытку не ответить на его провокацию, и повел уголком губ. — За сестру заступаешься? Ты хоть бы раз папочке возразил, мол, дорогой папа, она же девочка, пусть занимается тем, чем хочет, у нас с тобой яиц нет что ли, чтобы еще и ее в грязь втягивать? Не приходила такая простая человеческая мысль в твою тупую голову?

Приходила. Кирилл усмехнулся, презрительно глядя в глаза с отблесками холодной стали. Хотелось много чего сказать, а лучше с силой уебать в челюсть. Хорошо бы с ноги. Сдержался. Надо подумать, пилить сразу в бой на эмоциях и без плана против Лисовского нельзя. Стелет красиво. И как всегда грязно. Сука.

Кирилл сплюнул на асфальт, и усмехнулся, полностью взяв себя в руки.

— Слушай, Лисовский... — сверкнув зелеными глазами, насмешливо произнес он, — и когда ты отцу-то скажешь, м?

— Я готов хоть сейчас. — Лисовский достал телефон и отклонил входящий вызов, бросив мобильный в карман, ровно добавил, — она не готова.

— Ксю не будет к этому готова и вот на это твой ебучий расчет, верно? — Кирилл фыркнул, чуть прищурившись и испытывающе глядя в потемневшие глаза Лисовского.

— О, она будет готова, уж поверь, и я это пойму. Сейчас почему не говорю? Да очень все просто — в отличие от вас я не любитель морального насилия над близкими людьми ради своих желаний. — Сказал, как отрезал. Холодно, жестко, веско.

Она рассказала ему, что ли? — Кирилл пристально вглядывался в непроницаемое лицо Лисовского. Да нет, быть не может. Не настолько же дура.

— Лисовский, ты давай с оборотами поаккуратнее, ага? — достал сигареты, прикурил, да только никотин нихера вот не успокаивал горячую злость и желание растерзать ублюдка на месте. Так все идеально рассчитавшего. — И семью мою не трогай, тем более в таком ключе. Это я тебе очень полезный совет даю.

— Разговор окончен. Дернешься к отцу — уебу. Дернетесь к ней — пиздец вам обоим, хотя и поднапрячься придется. — Снова взгляд на часы, снова лед крошится в голосе, замораживая кровь в венах. — Не лезь сюда, ты не вывезешь, это уже я тебе очень полезный совет даю. Все. По левым счетам вашу долю разобью и переведу на обнальные, папочке привет.

Лисовский развернулся, на ходу запахивая полупальто, направился к машине. Кирилл усмехнулся, с интересом глядя ему в след и сплюнул на промерзший асфальт. Как итог подвел.

*В главе использован текст песни Скриптонит ft Pharaoh — Твоя сука. Все плава у правообладателя.

Глава 9

Они оба так ничего и не сказали мне. О чем говорили и что решили. Кир ответил кратким «все нормально, твое безумство я не сдам, пока чудить не начнешь», Ромка делал вид, что вообще не понимает, о чем я его спрашиваю. Гады.

Впрочем, напряжение спало. Подбор компании, которая выигрывает наш конкурс на инженерные и монтажные работы продолжался, время поджимало. Сегодня был почти крайний срок, но Ромка присутствовать на переговорах не мог — в «Легроиме» назначено собрание акционеров. Памятуя недавнее событие, я его неистово умоляла перенести переговоры «Тримекса», потому что трусила теперь вообще что-либо делать без него. Ромка тоже как-то не был уверен, хотя потенциальных контрагентов пробил. Сказал, что если у меня все же возникнут сомнения (да они у меня и не исчезали! Но его рявканье я слушать тоже не хотела), то перенести переговоры с аргументом, что без соучредителя я решить не могу.

Это я восприняла как единственный выход, но, разумеется, тщательно сделала вид, что это крайний метод, к которому я прибегу, если только сомневаться начну, и наконец успокоилась.

Переговоры шли адекватно и нормально и я даже расслабилась. Настолько, что отослала Ромке смс:

«Началось там у тебя собрание?»

«Регистрация пока. Что-то пошло не так?»

«Нет» — Едва слышно фыркнув, прикрепила запись с диктофона и дописала — *«здесь все, что я о тебе думаю. Смотри, чтобы никто не слышал».*

— Ксения Егоровна?

Я подавила глумливую улыбку и торопливо включилась в процесс, стараясь не думать о записи. Сделанной вчера. Незаметно для него. Со свидетельствами моих ярких оргазмов. Двух. С интервалом ровно в тридцать секунд.

В принципе, можно было бы дать согласие на сотрудничество. Но я трусиха, и пока еще не готова сама решать... Еще меня пугал вариант развития событий если бы в тот день я его

послушалась, провела переговоры и заключила контракт с Серепуней. Просто страшно представить, как бы он отреагировал. Здесь вроде бы он учел ошибки, вроде бы сказал, что нормально все, однако... без него я не могла. И не зря он сам предложил тот вариант, пусть как крайний, но предложил же...

Минут через сорок почувствовала, как телефон завибрировал, свидетельствуя о ответном сообщении.

От него пришла смс. С прикрепленным файлом. Я открыла и меня будто бы сожгло.

«Совещание прервалось на кофе-брейк. Со сливками)»

И фото. В полумраке автомобильного салона его машины сфотографирована рука на фоне кожи заднего сидения. На длинных красивых пальцах белесоватые тянущиеся капли.

Неверными дрожащими пальцами, набрала ответное смс, с силой скреживая и сжимая ноги под столом, но все равно чувствуя, как ткань нижнего белья безнадежно намокает.

Палец замер над значком отправки. Дрогнул и я, прикусив губу, нерешительно посмотрела на доставленное сообщение:

«Я бы попробовала такие сливки»

Томительные двадцать секунд ожидания, и его ответ, заставивший меня едва не заскулить от уже требовательной боли внизу живота:

«В двенадцать спустись на подземную парковку»

Я аж заерзала от нетерпения. Переговоры закончила именно тем самым «крайним вариантом». Когда выходили из зала, мне позвонил папа и поинтересовался как дела. Нервничая и на ходу читая подаваемые Тимуром Сергеевичем бумаги, ответила что-то внятное о выборе подрядчиков и сроках контрактов, что папу напрягло, и я поняла, что вообще-то думать надо, когда я с ним разговариваю. Торопливо изобразила привычную тупость и заныла, что ничего не понимаю, что все очень плохо и я тупая и «папа заberi меня к себе, пусть Кир в этом аду работает!».

Заметила быстро скользнувшую улыбку по губам Тимура Сергеевича и сделала страшные глаза, он тут же извинился и, заходя в мой кабинет, взвалил стопки документов на мой стол уже с непроницаемым лицом. Папа стандартно ответил, чтобы я и думать об этом не смела, зачем-то поинтересовался о сегодняшних переговорах, а я, зарывшись в бумаги, взяла да брякнула, что переговоры перенесены, ибо вообще неофициальны, мы же выбираем кто у нас потом конкурс возьмет. Брякнула и тут же прикусила язык, думая что я не просто тупая, а ебанутая ведь «я же ничего не понима-а-аю, па-па!», и быстренько вошла в привычный репертуар на тему какой же Лисовской сука. Папа слушал молча, что мой куриный мозг должно было бы напрячь, но я слишком увлеклась сметами и мой язык жил отдельно от разума. Папа спросил на всех же совещаниях Лисовский присутствует, мозг подвис потом выдал что не всегда. Мы поговорили о еще чем-то отдаленном от работы, мой мозг, перегруженный поступающей инфой не отпечатал это в памяти и мило распрощавшись, завершили разговор.

День был в разгаре, когда папа прислал мне пару бумажек с требованием их подписать. И я совершила окончательную и просто фатальную ошибку — подписала не глядя. Отложила на край стола и снова углубилась в работу. Тимур Сергеевич вообще озверел, я еще прежний завал не успевала разгрести, как он новый приносил.

Оповещение на телефоне сработало за пять минут до двенадцати, я сначала не сообразила, а когда до меня дошло, зачем я это сделала, весь мой настрой пошел к чертям.

Выбегая из кабинета, я сказала секретарю, что я на обед и помчалась на подземную

парковку, уже ощущая как горячает кровь.

Я вылетела на парковку, жадно рыская взглядом по рядам машин в поисках серебристого Леванте. Подняла зазвонивший телефон, не глядя на экран, интуитивно чувствуя, кто это:

— Ты где? — в моем голосе тихо рычал голод.

— Блок С, рядом с красным Ровером, сюда камера не дотягивается. Топай шустрее.

Он еще и про камеры подумал, оператор хренов. Нашла быстро, едва не бегом кинулась к черному Леванте, стоящему передом к стене.

Рухнув в салон, едва не заскулила от серебряных улыбающихся глаз. Набросилась с поцелуем жадно, ответил тем же. Сжимая, стискивая мое тело, едва ли не перетаскивая меня на свое сидение. Подалась было вперед — прикусил мне губу в знак порицания за то, что я неверно поняла движения его рук на моем теле, вынуждающих встать на колени на пассажирском сидении. Исправилась торопливо, дрожащими пальцами потянувшись к пуговицам его рубашки, снова не позволил. Улыбнулся в ответ на мой разочарованное шипение, и медленно заскользил правой ладонью по внутренней стороне моего бедра вверх. Отодвинул безнадежно намокшую ткань и я застонала, ощутив его палец.

— Р-р-ром... — уткнулась ему в плечо, тихо произнесла я, крепче обнимая его за шею и плечи, ощущая, как мир осыпается в горечи его парфюма и перерождается в буйство, кипящее в крови.

Свободной рукой мягко отстраняет меня и поворачивает мое лицо к себе. Фантастически красивая полуулыбка мне в губы. И еще один палец.

Тело задрожало, напряглось от дикости происходящего и ощущения жара вспыхнувшего под кожей. Снова обвила его шею руками, вжалась лицом в его плечо, чувствуя что сердце вот-вот пробьет грудную клетку.

— Тишина-то какая... — утробное мурлыканье в его сниженном от удовольствия голосе. — Да, чудо? Тишина, а я так люблю твой голос.

И резкий почти удар пальцами, вырвавший из спазмированного горла полустон-полувскрик.

— Еще... — его требование, хриплое от удовлетворения.

Снова удар. Снова безумство моего тела от его пальцев, извращающий мой мир. Хаос, беснующийся в разуме, рушил сознание при каждом движении его пальцев, порождающих упоительное горячее безумство, сжигающее вены.

Каждое движение — мой стон, которые он с непередаваемым удовольствием слизывал с моих губ, всякий раз ударяя еще резче и не оставляя мне ни единого шанса против набирающей силы и мощи волны, уже накрывшей тенью вяжущего удовольствия.

— Снова тишина, моя... Хочу твой голос...

— Р-р-ром... — я ошиблась и с интонациями и с тембром, ставшим умоляющим, напомнив ему правила его игры и частота движений пальцев спала. — Пожалуйста, нет...

— Еще.

Удар, но за ним не последовал еще один, что обязан был продать все мое дрожащее существо темным и тянущим водам оргазма.

— Пожалуйста!.. — отчаянным почти всхлипом.

Кончик его языка скользил по моим губам. Интенсив пальцев растет. Сильнее. Глубже. Жёстче. С моими стопами в его улыбку. Становящимися громче с каждым ударом его пальцев.

— Еще. — Его требование тихим утробным рыком. И особо сильный рывок пальцев пустивший меня под откос.

И он выпивает мой накрывший оргазм. Выпивает, одной рукой обхватив за затылок, мешая отстраниться от его жадного языка, скрадывающего стоны, и от его пальцев внутри, так мистически точно угадывающие моменты ослабления, и запускающие волну по новой.

Я сорвала голос, а он выпил каждый мой стон до дна. Каждый. До дна.

Откинулась на сидении. Внутри пустошь, теплая южная ночь и прохладный бриз, напитывающий успокоением разгоряченную его зноем кожу. Сожжённую скорее. И кожу, и то, что под ней.

Ватная слабость, желание сжаться и сохранить так это все.

— Чудо... — сладкая улыбка, и он кончиком языка скользит по среднему пальцу, слизывая с кожи оставшийся от меня влажный след. — Я вообще-то тут тебе сливки предоставить хотел на пробу и все дела.

— Да, Лисовский. Кофе-брейк, же да? — Слабо улыбаюсь, следя за его языком и пальцем.

Пауза. Затягивается. Мой непонимающий взгляд на его профиль, кажущийся ровным и спокойным, когда он произносит такие глупые слова:

— Я бы настаивал. Но оставлю право выбора.

— А ты настаивай. — Придвигаюсь, соблазнительно улыбаясь ему в губы. — Настаивай, Ром. Я же вижу, ты любишь пожестче. Так давай. Заставь меня.

Заставил. Но не так как я ждала, и как он хотел. Гребанный Лисовский самоконтроль, сплошной лед и заморозки на любое проявление кипящего внутри себя горячего хаоса. Он брал меня за волосы, но не у корней, придвигал мою пытающуюся отстраниться голову к своему лицу, но на всякое мое сопротивление, способное вызвать боль из-за натяжения волос, тут же ослаблял хват, чтобы поменять его, давить на затылок пальцами, свободной рукой почти оставляя следы на коже груди, и прикусив мою нижнюю губу — скользить по ней горячим языком. Начинаю сопротивляться — из него почти прорывается. Почти. Но нет. Я знаю, что ему моя покорность нахер не сдалась, но и вытащить то, что он держит в тисках не могу. Это отравляет нарастающее во мне возбуждение.

Краткая борьба. Заставил. И это просто охеренно, когда тебя за волосы вот безапелляционно, без права на отступление прижимают к паху. Знаю, что если по-настоящему испугаюсь и начну сопротивляться — он тут же отступит. Это чувствуется, потому что все еще веет его самоконтролем, ориентированном на меня, мои желания, происходит анализ каждой секунды, чтобы не нагрубить в тактике. Оттого и эта аккуратность, медлительность. Гребанный контроль себя. Мне он не нужен. Я хочу его настоящего.

— Фальшивишь. — Уперевшись руками в его бедра и отстраняя голову, прищурившись вглядываюсь в плавленное серебро. — Оставляешь шанс. Контролируешь. Ведешь себя как жалкая дворняга, а не вожак.

О нет, он бы не подался на эту откровенную провокацию, если бы кончил первым, а так ему знатно туманило разум возбуждение. Его короткая твёрдая попытка. Мой ехидный смешок. Его звериный оскал — то, что надо.

И все. Его накрыло.

Рванул меня за голову вниз уже без всякой осторожности. Жестко, как ему хотелось с самого начала. Пробно подаюсь назад, не отпуская заигнотизированным взглядом длинные

пальцы, щелкающие бляшкой ремня — в ответ сразу же склоняет еще жестче и еще ниже. Заставляет, сметает любую попытку неповиновения. Горит от каждого протестующего напряжения моих мышц. И сжигает этим меня. Шелест ткани, мое последнее сопротивление, чисто механическое, потому что ему этого хотелось, и... заставляет.

Не могу не улыбнуться, довольно и победно, размыкая губы и с наслаждением касаясь языком. Вот оно — вздрагивает. Сильно. Мышцы его тела сжимаются. Лисовский утратил контроль, он на эмоциях, на ощущениях... Из-за меня. Не помню, когда у меня в последний раз так сильно наслаждением стягивало все в груди от простой мысли, что я вывела на потерю самоконтроля. Без злости, без ярости, просто удовольствием вывела на потерю себя.

Спускаюсь губами и языком почти до конца, почти, потому что сука у меня нет таких физических возможностей. А он надавил на затылок, требуя взять еще глубже. Пытаюсь сдержаться, знаю, что кашель все испортит, но с рефлексом не поспоришь. Отстранилась чуть-чуть, уже понимая, что он снова взял себя в контроль, понимая, что все насмарку до его едва слышного:

— Извини.

Злость берет, наотмашь бью ладонью по щеке. Расчет верный — его царское величество трогать нельзя, тут же звереет. Сжимает волосы до боли, рывком снова склоняет к паху и заставляет. Кровь в венах кипит от удовольствия, так и пытаюсь выдать из меня покорность, послушание, все свои желания, а мне хочется совсем другого — хочется ощутить, как он с ума сойдет рядом со мной, подо мной и для меня. И это желание гораздо сильнее потребности в собственном удовольствии. Поэтому порыв отдать ему инициативу тут же гасится.

А он определённо теряет уже себя — сам выбирает ритм. Гневно рыкнул и сжал волосы до боли, когда я чуть ошиблась с зубами. Воздуха не хватает, язык устал, губы ноют, но я не могу остановить, а он остановиться. Он уже был близко, подавался вперед, дыхание шумное, участвовавшее и я, едва сдержав усмешку, резко отстранилась.

Его глаза темные почти до черноты, кожа бледна, губы пересохли. Он пьян от эмоций от жажды, дикого голода и безумно в этом красив. Это был он, настоящий, без маски. И демоны пели внутри.

— Да ладно? Возвращайся на базу! — рыкнул почти зло, рывком притягивая меня к себе.

Подчинилась, отчаянно старалась забыть чувство усталости, не обращая внимания на пока терпимую боль в мышцах челюсти, задыхаясь, но наращивая темп и сходя с ума от того, что он снова близок к границе. Была не уверена в выборе момента, но сгустившийся вкус на языке подсказал, что расчет верный и я снова отстранилась.

Я бы продала душу за это зрелище. Никакого самоконтроля. Мучительно искривил рот и прикрыл глаза, дыша часто сквозь стиснутые зубы.

— Ну не-е-ет... — разочарованно прошипел он. — Я все понял, больше так делать не буду, иди сюда.

Третий раз я его едва не упустила. Сука, понял, на что я ориентируюсь и себя ничем не выдал. Просто угадала, что у него почти уже оргазм. Отстранилась в самый последний миг. В горячем серебре глаз явственно читалась сильное желание меня убить. Это прекрасно вытесняло чувство усталости, запуская в меня нехилое такое удовлетворение, оказавшееся едва не сильнее того, что я испытывала от, того как он выглядит, когда вот так, абсолютно раскрепощен.

— Да бля-я-я-ять... — он смотрел на меня прищуренными глазами. — Просить не стану, ясно? И не жди.

Конечно, в этот раз не станешь, сволочь. — Глумливо улыбнулась я. — В этот раз точно нет. Но сколько у нас еще ночей впереди, а я уже поняла, почему тебе это так нравится. Мне тоже теперь нравится.

Я кивнула и вернулась к нему. На пределе оставшихся сил и за своим пределом возможностей.

Его громкий выдох, сорванный спазмированным горлом, подавленным стоном. Его разорвало. Отразилось дрожью по телу, сжатием моих волос до сильной боли, скрипом его зубов и второй сильнейшей дрожью по телу, когда я, улыбаясь, проглотив смешанную слюну, скользнула губами и языком к основанию. Еще одна дрожь и замершее дыхание, когда горячим языком по чувствительному месту и губами собрала последние капли.

Отстранилась и не могла оторвать взгляда от его профиля с закрытыми глазами. Голова откинута на подголовник, ресницы чуть подрагивают, губы сухие, полуоткрытые, дыхание еще учащено, восстанавливается медленно. Красив, подлец. В такие моменты просто неопишимо красив.

Повернул ко мне лицо, глаза чуть приоткрылись, взгляд метнулся за мое плечо и с губ совался тихий смех.

Оглянулась почти испуганно, чтобы заметить метрах в десяти охреневшего охранника с отвисшей челюстью. Упс.

Не знаю почему уж, но именно в тот момент во мне не было того отчаянного смущения, которое я испытывала, покидая ресторан. Не знаю почему, наверное, от Лисовского еще не протрезвела.

Ромка оправлял одежду, на мой вопрос «думаешь, он видел?», саркастично, еще хрипло протянув: «Конечно, не-е-е-ет. Это он на Мазерати так среагировал». Я глядя на его чуть дрожащие пальцы, застегивающие ремень, хихикнула, потянувшись скользнула губами по скуле, глубоко вдохнув аромат его парфюма и быстро покинула салон.

— Котик, только чтобы айфон обязательно розовым был! Хорошо? Купи мне розовый! — капризно надув губы, намеренно громко произнесла я, держа дверь открытой и поймав довольный взгляд Лисовского, мгновением раньше метнувшего его за мою спину.

— На розовый не дотянула. — Ехидно усмехнулась эта падла и запустила мотор.

Ага, не дотянула. Все я там дотянула, ты чуть не сдох подо мной. Я сдержала лошадиное ржание смотря в лукавые серебряные глаза и скусившись захлопнула дверь, не глядя на охреневшего еще больше свидетеля, и направляясь к лестнице. Мы ебанутые. Оба. И почему мне это так нравится?..

Ромка обещал приехать вечером, я на час задержалась, завершая последние штрихи совместно с Тимуром Сергеевичем, и к дому подъехала, когда он уже ждал меня. Леванте был припаркован у подъезда, мне пришлось подниматься с подземной парковки и выходить, потому что он сказал, что есть дело, и, видимо, ему придется уехать, но сначала надо обсудить вопрос. Меня это напрягло. Интонация была прохладная. Я такую очень давно не слышала. Голос ровный слишком, я только сейчас поняла, что этого я тоже очень давно не слышала.

Когда села в салон, по спине невольно пробежали мурашки. Он дымил в окно, никак не среагировав на мое присутствие и задумчиво глядя перед собой.

— Ром? — тихо позвала я.

— Дай мне еще минуту. — Негромко и холодно произнес он, на мгновение прикрывая глаза.

Я вообще перестала понимать, что происходит, но мне однозначно не понравилась сгустившаяся атмосфера с явным таким нехорошим предзнаменованием. Он выкинул сигарету, закрыл окно, и сел полубоком скользя по моему настороженному лицу глубоким, изучающим взглядом. Так хищник смотрит на потенциальную жертву. Мол, нападать сейчас, или еще чуть подождать, пусть кровь насытится адреналином — вкуснее же будет. И это напугало. Это пиздец как напугало.

Я была сейчас наедине с Лисовским Романом Вадимовичем, гендиром «Легроима» вожаком стаи и опасным человеком. Не со своим Лисовским, которого я знала. С другим. С тем, кто угрожал мне после совещания с «Радоном». Именно с тем. Происходящее начало казаться какой-то нереальностью.

— Это что? — все с той же почти забытой ледяной интонацией ровно спросил он, протягивая мне телефон.

Сообщение по ватсапу от моего секретаря. Фото документов, которые прислал папа, а я подписала и отложила на край стола еще днем.

— Это... папа прислал. Сказал завтра заедет... А что? — неуверенно произнесла я, поднимая на него нерешительный взгляд и уже все понимая. Абсолютно, очень ясно и очень четко понимая, что это приговор. Папа вынес мне приговор, а я не глядя подписала.

— Это твое исковое заявление на исключение меня из состава учредителей «Тримекса» без моего согласия. *Подписанное тобой* исковое заявление. И вот у меня возник маленький вопрос: какого, собственно, хуя?

— Чего?! — Я с неверием уставилась в его мобильный, открыла фото, максимально увеличила и поняла, что это тотальный адовый пиздец.

— Собрание учредителей «Тримекса», которые я не всегда посещал, потому что ты сама начала вывозить, да и вообще похуй было, это же по отписке все шло, просто для галочки, Устав же требовал. Оказалось, это звучит не как, сука, доверие, а как систематическое уклонение от участия в собраниях учредителей общества.

— Ром... — задохнувшись, произнесла я глядя в его лицо. Ледяное, совсем незнакомое.

— Но мне особенно понравилась следующая формулировка — бездействие, препятствующее деятельности организации. И это очень весомый довод в глазах судьи. Я так понимаю, «Радоновские» уже накалякали перечень аргументов, опираясь на наш Устав, верно? Там же, сука, указано все, абсолютно все. Вплоть до найма каждого сотрудника. Сам же блядь на этом акцент делал, чтобы штат набирать собственноручно...

— Ром...

— Это очень удобно, да? Протоколы совещаний, которые нахуй некому не упали и где меня нет поэтому... что выходит по итогу? Официально: я своим отсутствием препятствовал деятельности «Тримекса». Плюсом хорошим идет «систематическое уклонение». Заключение: это основание для исключения меня без моего согласия через суд и «Тримекс» остается под негласным контролем исключительно «Радона». Охуенно вы провернули.

— Ром, пожалуйста, послушай. Я не знала, не посмотрела, что было в этих бумагах. Это прислал папа...

— Ты подписала это. Ты, блядь, это подписала. Еще полтора месяца назад я бы поверил, что ты не читаешь, но сейчас ты читаешь все, абсолютно все и всегда. Что ты мне тут втираешь? Иск на столе, Тимур случайно заметил. Сдается мне, что я до самого последнего

момента его бы не увидел, верно?

— Ром, там сегодня запара была, и я просто...

— Не пизди. — Он обрубил грубо и с тенью презрения, заставив мое бешено бьющееся сердце болезненно замереть.

— Слушай, хорош. — Стараясь не отводить взгляд от глаз сверкающих ледяной сталью, осторожно начала я. — Реально, остановись. Это прислал папа, я в мыле была, не глядя подписала, да, согласна, но... — он, испытывающее глядя на меня, положил правую руку на руль и сжал его. А я осеклась, заметив разбитые костяшки пальцев...

— Совсем недавно ты узнала, что я вас наебывал, что едва «Радон» не обанкротил. Твой брат доложил папе и тот тебя прессанул... Или нет. Не так все было. Он тебя под меня подложил, что ли? Это все заранее было спланировано?

— У тебя паранойя, блять, Лисовский! — ахнула я, с неверием глядя в его прищуренные злые глаза.

— Ты, сука, подписала. — Он рыкнул это так зло, что я опешила. — Ты. Это. Подписала. Не читая, да? Слабо. Это очень слабая отмазка. Я знал, что у вашей семейки с головой проблемы и с принципами беда, но чтобы настолько, чтобы дочь подкладывать... Которая так красиво отыграла. Мои аплодисменты, Ксения Егоровна. Серьезно.

— Что ты вообще несешь?..

— Просчитываю ваши ходы. Порнуха, чтобы глаза мне затуманить вероятностью того, что я вас при случае могу отыметь. Естественно, что при таком рычаге давления я соглашусь на меньший процент уставного капитала, это естественно и, отдаю должное, просто идеально выверенный шаг. На что я вообще рассчитывал, лох блядь... Ты же за отца до конца пойдешь, все простишь, все сделаешь... Сама же говорила, и я говорил про руку, которую кусать нельзя... Я же знал, блядь, я видел же, и, сука, учел это... только не в том ключе, в котором надо было учитывать... ебануться...

— Ром... — в моем дрогнувшем голосе прорвалось отчаяние.

— Что, чудо? Прекрасная стратегия. Выверенная, сучья, охуенно продуманная. Глаза мне замылили, дали ложную уверенность, что я владею ситуацией, а дальше дочурка на сцене, восклицающая, какая она тупая и задвинувшая мне слезливую сказочку, после которой я как последний наивный деби...

Внутри все мгновенно вспыхнуло пожаром. Я даже не поняла момента, когда ударила его. Он мотнул головой от силы пощечины, а моя ладонь полыхнула болью и жаром. Я смотрела на него и не верила. Он совсем ебанутый. Повернутый на бизнесе. Вообще и полностью.

— Пошел ты на хер, понял, сука? — сквозь зубы выдала, глядя с ненавистью в его злое лицо. — Пошел ты на хер.

— Так это ты же в моей машине сидишь.

Исправила этот факт, с такой силой хлопнув дверью, что удивительно вообще, как она не отвалилась.

Я влетела в квартиру и... не знала, что мне делать. Меня колотило, просто выворачивало от злости и... боли. Вообще не понимала, что делать. Вообще. В голове хаос абсолютный.

Не поняла, зачем, когда и для чего набрала брату. В себя привел факт того, что он отклонил звонок. Осознала себя стоящей посреди коридора с зажатым телефоном в руках, на который почти сразу пришла смс от Киры:

«Я в стрипе, выйти пока не могу. Что?»

«Ты папе сказал?» — дрожащими пальцами набрала я, приваливаясь к стене и почему сползая по ней.

«Нет»

«Ты знал про исквое?»

«Про какое исквое?»

Отшвырнула телефон и сидя на полу, с силой сжала голову руками. Только гул и рев в ней это все никак не унимало. Трубка зазвонила я подорвалась с места, но почему-то заскулила, увидев оповещение, что мне звонит брат.

Скинула полусапожки, пальто прямо там посередине коридора и почему-то на неверных ногах пошла в кухню, к холодильнику. Кир звонил раз пять, я к тому времени почти не отрывалась от бутылки вина. Хуйня. Но покрепче не было.

Не было мыслей, не было плана действий. Меня просто швыряло из крайности в крайность. Хотелось взвыть и набрать Лисовскому, умоляя и оправдываясь, хотелось рассмеяться и набрать ему же, и рассказать какая же он тварь, повернутая на своем бизнесе.

К половине второй бутылке к одному какому-то решению я не пришла и тупо дымила сигаретой в приоткрытое окно на подоконнике. Снег валил. Наверное не растает.

Прекрасные, сука, мысли в такой момент. Воистину прекрасные. Брат звонил еще пару раз. Кабы не приперся. Пошла за телефоном.

Сидела на подоконнике, болтала ногами и допивала вино, глядя на смс от брата и думая как же мне на него ответить:

«Але, Ксю, трубку возьми! Что случилось??? Какой иск?? На кого???»

Раза три набирала какую-то лабуду и стирала. В итоге написала, что я тупая и документы перепутала пока дома завал разбирала и подумала что опять на меня иск подали, а это старое заявление оказалось. Кир написал, что я идиотка и он тогда едет домой, а не ко мне.

Слава богу.

Я уже решила вскрыть вторую бутылку, когда телефон снова зазвонил, я бросила взгляд на экран и у меня упало сердце. Взяла почти сразу, со второй попытки попав в значок приема вызова.

— Выйди. — Голос прохладен и неэмоционален.

— Зачем? — а мой предательски дрогнул.

— Мне подняться за тобой?

— Сейчас выйду.

Вышла. Села в салон, где витал запах виски и атмосфера арктической стужи, болезненно ударившая по моим рецепторам и заморозившая эмоции к хуям. Я впервые в жизни поняла, что я боюсь человека. Молча ведущего машину, с абсолютно непроницаемым лицом. Это не передать. Я сижу рядом и меня мелко колотит, потому что жуть берет только при одном взгляде на его ровный, четкий профиль. То ли вино разыграло, то ли блок его веяния был сброшен. Но я громко и с чувством велела остановить. Естественно, проигнорировал.

Метнул взгляд, от которого все сжалось внутри. Ненавидел. Он меня ненавидел, это отчетливо читалась в тенях его глаз. И от этого стало очень больно. Открыла окно, отвернулась, закурила. В моей скудоумной башке стучало только одно — нельзя плакать. Интуиция подсказывала, что он сейчас в таком состоянии воспримет это исключительно как

попытку манипулировать собой и неизвестно чем тогда все закончится. Он же мне не верит. Он думает, что я его... предала.

Приехали. Почти центр города и у меня сперло дыхание, когда я увидела вывеску.

— Пошли.

Пошла. Не знаю зачем. Внутри этого «мужского спа-салона» было тихо и красиво. Девушка — администратор прикрытого борделя белозубо улыбнулась при нашем появлении. Лисовский назвал ее и она кивнула на лестницу за своей спиной, сказав, что «девочки сейчас подойдут». Я спотыкнулась. Встала как вкопанная, с неверием глядя в его широкую спину. Он обернулся и... усмехнулся. Дернул меня за локоть, заставляя идти за собой мое помертвевшее тело.

Я не верила. Я не верила когда он толкнул дверь и рывком втянул меня в комнату, где элегантность интерьера скрадывал пошлый красный полумрак из подсветки на потолке.

Я не верила. Все еще не верила, глядя на него, упавшего на широкий диван и с удовольствием вглядывающегося в мое лицо.

Я не верила. Не поверила даже тогда, когда после стука вслед за девушкой-администратором вошли пять полуголых жриц любви и как в тех ебучих избитых фильмах, по всем стандартам и шаблонам остановились прямо напротив расслабленного Лисовского, прицокнувшего языком и довольно осматривающего шлюх перед собой.

Он перевел взгляд на меня и улыбнулся:

— У тебя же идеальный вкус. Выбери мне.

И сколько агрессии в голосе. Скрывающей боль.

Но я не предавала!

Не предавала...

Ром, я тебя не предавала... За что ты так, сука?..

Слезы в глазах и моя злая усмешка, душащая истерику и отчаяние. Я знала, на что иду. Знала, что это не благородный принц. Что это зверь, отвечающий безумной силы агрессией, когда...

«Агрессия, когда больно».

«Копают глубоко. Ответ на поверхности».

Сердце замирает болезненно и изнутри наконец прорывается злость, заслоняющая, затмевающая все. Усмехаюсь, глядя в его глаза и послушно скольжу взглядом по идеальным полуголым телам. Останавливаюсь на миловидной брюнетке.

— Эта. — Кивком в ее сторону.

— Уверена?

Сдерживаю судорогу в мышцах лица и свое отчаянное яростное рычание. Хочу сказать что-то паскудное, резкое, злое, вместо этого почему-то тихим шелестом с губ:

— У нее ногти подстрижены. Ты не любишь следов.

— Пошли вон.

Краткий, емкий, безапелляционный приказ. Стою. Смотрю, как уходят, как закрывается за ними дверь. Мой шаг к двери.

— Стой.

Сбиваюсь, хочу подчиниться, но слишком... Лисовский, это правда было слишком... Новый шаг.

— Стой, я сказал.

Пошел ты на хер, ублюдок. Мой шаг к двери стремительнее. Почти уже касаюсь ручки,

когда меня рывком разворачивают и впечатывают спиной в дверь. Ненависть во мне взматается и запорашивает сознание, когда я смотрю в его прищуренные, злые серые глаза и он непередаваемой ненавистью прошептал:

— Что? Доигрываешь до конца, да? Вижу, как корежит, но папочка же установку дал, а ты верный маленький солдат...

— Может ты еще заставишь меня смотреть как будешь трахать шлюху?.. — мое гневное шипение сквозь зубы.

— Какая хорошая идея! — А он... наслаждался. С упоением считывал мои эмоции на разрыв. И сыто улыбался. Убивая. Уничтожая. С удовольствием швыряя меня горячим пеплом по ураганному ветру. — А тебе что, некомфортно будет? У папочки спросишь за сверхурочные...

Это... всё. Просто все.

— Я... не понимаю, как я тебя, уебка, полюбить могла... не понимаю... Ром, что ты делаешь?.. За что?..

С моих онемевших губ. С неверием. С отчаянием. С болью. Почти с позорной мольбой А в его глазах... демоны опьяненно и радостно смеются.

— Какие слова-то, м-м-м... Ксения Егоровна, тебе бы в театральный! У меня аж сердце дрогнуло, пока я слушал дрожащий голосок такой суки. Определенно на том поприще достигнешь успехов.

И я снова его ударила. Снова безотчетно. Только на этот раз это была не просто пощечина, а сродни боксерскому удару. Я почти этого не осознавала, потому что перед глазами от ярости все поплыло.

Ноготь от указательного вспорол ему кожу на скуле и багряные бисеринки крови, проступившее на его бледной коже вызвали мою искренне довольную улыбку. Он дышал часто и тяжело, глядя вниз, полуприкрыв глаза чуть дрожащими ресницами. Пальцами коснулся скулы, увидел разводы крови и его лицо исказилось до неузнаваемости. Поднял на меня такой звериный взгляд, с такой злостью на дне серых глаз, что мой подышающий от ненависти к нему мир невольно застыл.

Это был тот самый момент, когда ты понимаешь — сейчас ударят. И он ударил. С силой, с яростью, с непередаваемой ненавистью. Кулаком в дверь над моим плечом. Хруст дерева и ломающейся кости. Звук пугающийся, мгновенно вбуравливающийся в память и окутывающий почти помрачённое сознание в путы страха. Но на мгновение, только лишь на мгновение, тут же перешедшее в новую просто непередаваемую стадию агрессии. Никто и никогда не смел поднимать на меня руку. Да даже пытаться. Никто и никогда. Тем более такой ублюдох.

Оттолкнула его от себя, стискивая челюсть, чтобы не плюнуть в искаженное лицо человека, которого я так любила, а теперь так ненавидела. Правду говорят, от любви до ненависти...

Фактически бегом по полутемному коридору, спасаясь от ревушего в крови дополнения что шаг-то действительно один, но сколько боли в нем...

Всхлип от ада, от непереносимого ада, не просто сжигающего мосты, а взрывающего их, и меня на этих мостах... Тварь... Какая же тварь... Хотела сильного мужика, Ксю? Получи, сука, распишись. Расписалась. Размашисто так, от всей души. Хотела сильного — получила сильного, овца тупая... думала, пресмыкаться будет? В розовые сопли скатится? Будет тихо плакать и размазывать слезки по лицу? Зверь он и есть зверь, и как бы мягко лапа не

гладила, в ней всегда есть когти... Нельзя было об этом забывать, нельзя!.. И хули я тогда реву как полоумная?..

Выскочила из борделя на морозный воздух. Согнулась упираясь руками в колени, стискивая зубы до скрежета и называя себя последними словами, потому что с глаз вот-вот должны были сорваться позорные слезы. Взгляд цепанул бампер с трезубцем и мир снова канул в хаос ненависти. О, это непередаваемое чувство, когда ты безмерно счастлив, потому что опять готов убивать от ярости. Так не чувствуешь боли.

Я почти не соображала, что делаю, когда подняла увесистый кусок бетона из расколотого бордюра через пару метров от Леванте. Почти не осознавала себя, когда этим самым бетоном щедрым движением полоснула по глянцевому капоту, а потом, размахнувшись, с силой, от всей души звезданула куском в лобовое стекло. К моему глубочайшему сожалению, оно хоть и пошло красивейшей сеткой трещин почти по всей площади, но устояло.

Плюнула на капот, и почему что пошатываясь, пошла в сторону проспекта, не обращая внимание на трех прохожих, засвидетельствовавших этот мой жест и застывших, провожая меня глазами. Нахер пусть идут. Но на всякий случай подхватила еще один кусок бордюра и со значением посмотрела в лицо ближайшего мужика, собиравшегося что-то сказать. Как и следовало ожидать — промолчал и руку, протянутую к моему локтю, убрал.

А я шла к проспекту, утирая рукой с бетоном мокрое лицо. Снег наверное таял.

Глава 10

Пожалуй, худшее во всей этой ситуации то, что Лисовский был прав и я действительно скудоумная.

Прошло два дня. Два дня тишины. От него. Он ничего не сказал даже про машину, хотя я, гасившаяся каждый вечер бухлом до состояния невменяемости, очень этого ждала. Ждала для того, чтобы оскалить зубы и все высказать, еще и наподдать подло ударяя по тем болевым точкам, которые я у него вывела, после его рассказа о прошлом. Я ждала этого, но он молчал.

Думала, что буду в этих бабских страдашках пребывать долго, заламывать руки, проклинать, но вместо этого, после схлынувшей злости наступила апатия. Странная очень апатия. Вязка, тягучая, темная... тяжелая. Необъяснимое равнодушие ко всему. Ни боли, ни ненависти, ни обиды, ни-че-го.

Жизнь шла своим чередом и я все делала на автомате, по-моему, даже мыслила тоже на автомате, чувствуя внутри вот эту все больше тяжелеющую апатию. По-другому не знаю как это назвать. Мне было херово и как будто все время становилось хуже, а я ничего не могла с этим сделать. Просто похуй. Глубоко похуй. Я даже плакать не могла, когда вечерами накидывалась вином, мешая его с виски и/или коньяком. Мне становилось вообще плевать. На все. На него, на ситуацию, на себя. На все. И вместе с тем все тяжелее внутри. Эта тяжесть сковывала все эмоции, опутывала их до паралитического состояния и будто погружала в летаргический сон. Трясина, которой сопротивляться не можешь и не хочешь почему-то. Не понимала, что это. Да и понимать не хотелось. Мне просто было похуй. Ничего не чувствовала кроме вот этой нарастающей тяжести за грудиной и одновременно абсолютного равнодушия к ней.

В «Тримексе» Лисовский не появлялся вообще, все вопросы решали старшие жрецы его

культы. Я смотрела на них и разговаривала с ними равнодушно, они со мной тоже. Трясина внутри становилась все более вязкой и засасывающей, все больше набирала веса и силы, правда, не трогая мыслительную деятельность. Соображала я хорошо. Почему-то даже лучше чем обычно. Наверное, прежде моя основная проблема была именно в этом, в эмоциях, а сейчас их нет, они там, глубоко в трясине. Или их уже вообще просто нет. Не знаю. Да и похуй на самом деле. Жила на автомате и мне было ровно. Не спокойно, просто ровно.

И сейчас, сидя в своем кабинете, я делала то, чего просто из принципа не должна была бы, будь на эмоциях. Однако их не было и моим миром правил автоматизм и логика, поэтому сейчас я исправляла папину ошибку. Лгать отцу по телефону было на удивление легко. Лгать голосом и интонацией, играть тот свой образ, что давно и прочно за мной закрепился. Чувствовала себя хорошей такой мертвой внутри актрисой, которая сыграть может что угодно, ибо тело живо, а душа ничему вообще не препятствует и подчиняется холодному разуму, диктующему слова роли:

— Нет, пап, ну вот же я своими глазами смотрю. — Очень честным голосом сказала я, едва удерживаясь от того, чтобы не зевнуть, тупо глядя в окно. — Вот его фамилия и подпись, все стоит... Может подстраховался кто, штат-то он набирал... Ой, и не говори, он такая сук... в смысле козел, пап, ты не представляешь! Постоянно ко мне приходит и издевается!.. Да нет же, вот стоит здесь все. Да, двадцать второго числа... Да, пап, в месяце я тоже уверена. Да, согласна, не стоило ему давать право набирать сотрудников. Ой, конечно уверена, они все, что мне на подпись дают тут же в тридцать три экземпляра копируют, я сама слышала, как Лисовский им такой приказ отдавал, так что нет, эту бумажку потерять не получится, да и это всего лишь копия... И не говори, Лисовский та еще тварь... — А вот это я сказала прямо с чувством, но ничего не ощутила внутри. Просто так нужно было сказать в этот момент. Неслышно усмехнулась и продолжила, — не представляешь, как он мне тут нервы мотает, глумится постоянно, я же ничего не понимаю, папа!

Фальшиво горестно шмыгнув носом, я равнодушно посмотрела на оригинал протокола совещаний, где фамилии Лисовского не было и перевела взгляд в монитор, наводя курсор мышки на вкладку «распечатать». В этом фальшивом протоколе его фамилия уже есть. План был элементарен до безобразия — на крайний случай, если папа затребует подтверждения, все подписи подделаю, а потом перед отправкой копировать очень и очень херовенько.

— Что? А, нет. Конечно, папа, я постоянно советуюсь с Киrom. Угум, да, держу его в курсе всего, сама ничего не решаю, сразу у него спрашиваю, и у твоего штата, и у тебя, ты же знаешь... Да, пап, да... И чего получается, эта бумажка с иском не нужна тогда, да? А почему бесполезна? Может, все-таки можно что-то сделать? Фальшивку без его фамилии? А как это? Папа, это же он штат набирал, они тут за каждым моим шагом следят и ему обо всем докладывают, не подпишутся они на фальшивке без его фамилии... Ты знаешь, мне кажется, если мы их подписи на фальшивке подделаем, они нам встречный иск двинут... Ага, да, сейчас пришло, — и отправила данные в печать. — Пока пап.

— Тимур Сергеевич! — громко позвала я, откатываясь на кресле к принтеру, чтобы взять распечатанный протокол. — А нет, не надо...

Секретарь только вошел в кабинет и тут же развернувшись на пятках вышел, заставив меня ухмыльнуться. Нельзя его ни о чем просить, он сразу доложит Лисовскому, как пить дать. Сама все сделаю.

Сделала. Раза с четвертого получилась все-таки очень плохая копия, которую я еще на всякий случай помяла. Разбила камеру своего телефона. Хуже получившихся фото сложно

было представить. Оглядев результат своих трудов, я отправила их папе со слезными извинениями, что это все, что мне удалось раздобыть в стане врагов, и я еще вчера телефон в клубе уронила, камера разбилась, а за новым мобильным заехать не успела. Папа прислал мне в ответ смайлик пистолета и посоветовал им воспользоваться. Не от врагов.

«Иска не будет» — отправила на Лисовской номер и сердце неожиданно дрогнуло надеждой, на мгновение пошатнув апатию.

Но в ответ ожидаемо — дерьмовая тишина. Да и похуй.

Меня немного тряхнуло, когда я его все же увидела, хотя внутри я к этому готова была, и тщательно себя в этом уговаривала, когда ехала на акт приемки выполненных работ от субподряда.

Правая рука в гипсе, рукав натянут почти до основания ладони и он постоянно отводит ее за распахнутое полупальто... не то чтобы прячет, но и внимание на этом акцентировать не дает. Меня еще раз почему-то тряхнуло. Заботливый Кир, списавший эту мою реакцию на порыв холодного ветра, посоветовал застегнуть пальто и отдал свои перчатки, видя как неверны мои пальцы, пытающиеся справиться с пуговицами. Сволочной кусок льда, в окружении избранного зверья о чем-то переговаривался с заказчиками, махнув Киру рукой, не глядя на меня, подозвал брата для сверки документации.

Акт шел достаточно долго. Мои нервы напрягались с каждой секундой, но он на меня не смотрел. Кир подавал документы, которые я подписывала, демонстративно не читая. Знаю, что видел, но зачем такая моя показательность, я себе объяснить не могла, чувствуя себя тупой школьницей с тупыми провокациями. А внутри опять херово.

Когда все закончилось и мы шли к стоянке, Кир что-то говорил мне, а я в смс набирала призыв своим «друзьям» оторваться сегодня в «Блейзе». Не могу больше бухать в одиночестве. Половина начала отнекиваться, пришлось уточнить, что за все плачу я. Разумеется, сразу же согласились.

Подняла взгляд, чтобы заметить, как сволочь садится в новый, еще без номеров, внедорожник Мерина, припаркованный в некотором отдалении от наших и Легроимовских машин. Почему-то мрачно усмехнулась, что не осталось незамеченным для брата.

— Я, конечно, понимаю, что этот вопрос не должен от меня прозвучать, и поверь, меня вообще блевать тянет, когда я об этом думаю, — Негромко начал Кир, замирая у моей машины и тронув за локоть вынудив сделать то же самое. — Но, Ксю... у вас... блять, — Кир скривился, стрельнув взглядом за мое плечо, на выезжающий с парковки Мерин, — нормально все?

Я, знала, что должна была бы здесь выразить насмешку, поэтому прыснула, глядя в такие похожие глаза. Разблокировала машину, и открыв водительскую дверь, облокотилась о арку, саркастично глядя на брата.

— Нормально. Рассказать подробности?

— Н.Е.Т. — Кира аж перекосило всего. — Просто он ведет себя еще ублюдочнее, чем обычно, да и у тебя морда угрюмая, хотя и скрываешь.

— Ну, хочешь, я ему звякну, он вернется и я его засосу, чтобы развеять твои сомнения и еще десяток людей в курс наших отношений ввести?

Кир насмешливо фыркнул, но как-то все равно нехорошо позеленел, что даже повеселило.

— О чем вы разговаривали тогда, Кир? — я вытянула из его кармана пачку сигарет и огляделась, чтобы убедиться, что уехали все Радоновские, которые могли доложить папе о

моем маленьком грехе. — Почему ты так терпимо отнесся? Почему папе не сказал?

— А ты его реакцию представь, Ксю. — Брат приподнял бровь, с нажимом глядя мне в глаза и щелкая зажигалкой, чтобы мне прикурить. — Он Лисовскому башку пробьет без суда и следствия, а эта тварь... Блядь, я не знаю, что ты творишь и до сих пор в ахуе. — Раздраженно сплюнул в сторону и тоже закурил, глядя в замершую лужу в отдалении. — Вот серьезно, Ксю. Хоть бомжа и наркомана тащи с помойки, можешь сразу обоих, но не Лисовского же... Сука.

— Вот это-то и странно. — Негромко произнесла я, задумчиво глядя в четкий профиль брата. — Вот что странно, Кир. Я уверена, что ни бомжа ни нарика в моих любовниках ты бы не сдал, но здесь... почему ты промолчал?

— Папа неадекватно среагирует. Скорее всего, очень неадекватно. С обширным спектром уголовных статей. Я не знаю, как к этому подвести так, чтобы ему в обратку от нетеряющейся твари не прилетело — это первое. Второе, что меня еще немного тормозит — ты так же у меня, отца и «Радона» все спрашиваешь, и я надеюсь, что у тебя хватило мозгов, чтобы не исключать вариацию того, что он тебе на уши просто приседает. Поэтому я пока терплю. Не знаю, насколько меня хватит и как вообще все это решать, но... хуй с ним. Развлекайся. Одно но, Ксю, ты все же девочка и у тебя там голова по другому варит, это природа, против нее не попрешь, но все же ты думай, хорошо? Просто думай. На меня ладно, похуй, я понимаю, но вот папа... Ксю пожалуйста, никаких Лисовских поползновений в эту сторону. Трахайтесь, в любовь играйте, хоть что делайте, просто помни, что этот твой ручной зверек просто мразь и он уже много говнил, а соблазн штука такая...

— Не настолько я тупая, Кир. — Усмехнулась, отводя взгляд и выдыхая дым.

Не знаю, почему не сказала, что все у нас кончено. Правда не знаю. Может быть потому, что Кир явно бы обрадовался, а мне... мне этого не хочется видеть. Трясина колыхнулась, почему-то стало немного больно, но я промолчала.

— Как он руку сломал?

— Упал. Скользко же... — выдохнула дым в сторону, разглядывая тлеющий конец сигареты.

Кир внезапно протянул руку и взяв меня пальцами за подбородок приподнял лицо заставляя смотреть в свои потемневшие, чуть прищуренные глаза.

— Ксю?

— Минутка глубокого родственного взаимопонимания? — ощущая, как сердце ускорило такт, оскалилась я. — Ой, а можно воспользоваться таким интимным моментом семейных соплей и попросить у тебя твой Лёхус? — кивнула в сторону его черного коня, — на пару дней? А то в моей купешечке трахаться неудобно, а его Леванте полное гавно. Вот в Мерине сегодня попробуем, и в Лёхусе твоим для сравнения и...

— Блядь, когда ты повзрослеешь. — Кир отпустил мой подбородок, закатив глаза, но нехорошо так побледнев.

Обменявшись «любезностями» с братом мы сели в машины и разъехались.

Я поворачивала машину к дому, когда мне в меня сзади въехала черная Панамера. Я даже не выругалась, молча вышла из машины, чтобы узреть свой треснутый бампер и выбегающую из другого автомобиля хрупкую белокурую девушку с большими тревожными глазами.

— Пожалуйста, извините! — высоким мелодичным голосом искренне попросила она, взволнованно переводя взгляд со своей треснувшей фары и поврежденной части крыла на

мой бампер. — Господи, простите меня, пожалуйста! У меня ребенок сильно заболел, мы в больницу ехали, я из-за нервов... Девушка, пожалуйста, давайте так решим. Пожалуйста, прошу вас... Любая сумма, которую назовете, пожалуйста! Мой сын... нам в больницу нужно, пожалуйста, любая сумма...

Я через ее плечо бросила взгляд в салон Панамеры. Там, на заднем сидении в детском кресле плакал малыш лет двух. Я перевела взгляд на безумно встревоженную девушку с умоляющими глазами, и внутри как будто что-то очень сильно дрогнуло, впервые за холодный безмолвный ад двух дней. Прикрыла глаза на мгновение, лелея это чувство, но оно все же кануло в темные густые воды апатии. Я посмотрела в глаза девушки и тихо выдохнула:

— Ничего не нужно. Езжайте.

Она смотрела на меня невероятно расширившимися зрачками, в которых плескалось такое беспокойство за ребенка и неверие моим словам, что эти чужие сильные эмоции снова послали рябь по темным водам внутри. Я уже за это готова была сама ей заплатить.

— Что? — дрогнувшим голосом переспросила она, с неверием и надеждой глядя в мое лицо.

— Езжайте. — Повторила я и попыталась растянуть губы в успокаивающей улыбке. — У вас ребенок болеет, вы же сами сказали. Езжайте в больницу, мне ничего не нужно.

Она судорожно выдохнула, метнулась к своей машине, схватила сумку, на ходу извлекла из нее визитку и карандашом для глаз дрожащими пальцами написала номер телефона на обратной стороне прямоугольника.

— Пожалуйста, возьмите. — Фактически впихнула мне визитку в руку. — Это мой номер, позвоните мне, я оплачу весь ремонт. — Я зачем-то перевернула визитку и невольно усмехнулась — ресторан «Ажур». Девушка, закидывая в сумку карандаш, торопливо произнесла. — Это мой ресторан. В любое время приходите, обслужат по высшему разряду и за счет заведения. — Ее тонкие дрожащие пальцы благодарно сжали мою кисть, снова пошатнув вязкую апатию. — Спасибо вам большое! Я всегда на связи, в любое время можете позвонить. Спасибо вам, девушка! Извините меня, пожалуйста, еще раз! Спасибо вам!

Она торопливо побежала к своей машине, а я, почему-то с пересохшим горлом неверно зашагала к своей, крепко сжимая визитку в руке. Пальцы ошиблись, когда мы одновременно открывали двери своих автомобилей и из салона Панамеры раздался детский плач. Я оглянулась, девушка очень спокойно что-то сказала ребенку, что шло в совершенный резонанс с безумной бледностью ее кожи и неистово дрожащей руки, прижимающей телефон к уху, когда она сдавала назад и благодарно кивнув мне, все так же стоящей посреди заезда и мешающей другим водителям с любопытством смотрящим на меня и мою машину.

Она очень быстро уехала, а я стояла и почему-то тупо смотрела ей вслед. Кто-то особо недовольный посигналил мне, намекая, что если я не устроила бесплатное развлекательное шоу, то должна убраться с дороги что я оперативно и сделала.

Сидя в салоне и дымя в окно сигаретой, я безразлично пялилась на полупустую парковку. Какая-то дичь вообще. Нужно расслабиться, встряхнуться. Какой-то пиздец. Прежде я непременно бы учинила скандал в случае аварии, короткий из-за ребенка, но скандал, а здесь вообще... я будто и не я, будто меня вообще нет. Пальцы с сигаретой безотчетно коснулись кисти правой руки, в том месте, где девушка сжала мою руку. Внутри что-то дрогнуло тогда, подсказало, что там под тяжелыми водами что-то есть, и что мне, наверное, не на все так похуй, как кажется.

Мой излюбленный «Блейз». Мои замечательные «друзья». Любимая застекленная вип-ложа на втором этаже. Отсюда прекрасный обзор на беснующуюся под ногами толпу. Избранное бухло, хорошая еда, доверительные разговоры, грязные сплетни, бесконечный сарказм. Дым в потолок, кальянный, сигаретный и не только. Посменно пара шлюх на шесте, один самец для разнообразия. У нескольких допинг, у парочки депрессанты под аккомпанемент негромкой музыки. Обстановка уютная с намеком на пафос, приглушенный свет. Этот эпизод был ровно таким же, который я проживала великое множество раз здесь и с этими людьми.

Откинувшись на спинку дивана, вполуха слушала о чем говорит свита, чтобы не выпасть из темы, тянула вино и смотрела вниз, под ноги на яркий танцпол.

Пус-то-та. Я в толпе, она со мной и подо мной, а... пустота. Но шаг оказался все же верным — апатия дрогнула. Пропитывалась пока слабым раздражением. Но чем больше проходило времени, тем сильнее становилось раздражение. Вино сменило текила. Вроде бы даже развезло. Да только не до того состояния, которого бы мне хотелось.

Я что-то отвечала, впопад, иногда даже смешно и саркастично. Если они и замечали, что со мной что-то не то, то не обращали на это внимания. Все как на всегда, все на круги своя, все к исходному. Кроме меня.

Сказала, что нужно подышать свежим воздухом и покинула ложу. Отошла за угол, тут не было толпы, только почти пустое в этот поздний час шоссе. Курила, глядя в ночное небо с которого красиво кружась падали снежинки. Платье тонкое и я замерзла вроде бы, а идти назад не хотелось. Поняла, что радуюсь апатии и мне не хочется уже даже раздражения. Выкинула сигарету, откинулась спиной на холодную кладку стены и, обхватив себя руками, выдохнула, все так же глядя в небо.

Остановилась машина. Ох ты ж... давно меня не пытались снять. Давно не развлекалась. Но еще прежде чем мой взгляд успел распознать марку черного внедорожника, окно с пассажирской стороны опустилось и у меня едва земля из-под ног не ушла.

— Привет. — Она улыбнулась так ласково и по-доброму. У Кира такие же ямочки на щеках, когда он улыбается. — Еду, думаю, ты или не ты. Ксюш, ты что тут стоишь?

— Я... в клубе. Подышать вышла. — Неверными губами ответила я, не в силах отпустить ее лицо взглядом и ощущая, как внутри все... задрожало.

— М-м-м, ясно. — Она не скрыла растерянности, метнула взгляд на дорогу и на часы, кивнула себе и негромко произнесла. — Может, сядешь, поболтаем? Холодно на улице.

Зашагала на ватных ногах, в салон едва не рухнула. Она почти не изменилась. Красивая очень, больше тридцати пяти не дашь. Маленькая, миниатюрная, хрупкая и нежная. Лицо очень ухожено, причесочка, дорогие шмотки и изысканная ювелирка. Почему-то хотелось улыбнуться. Горько так. Тоскливо.

Она спросила как дела, я ответила, что все нормально и спросила как у нее. У нее тоже вроде бы нормально. По крайней мере из того объема информации, что она начала мне начала выдавать о себе и своих... детях, я заключила, что все у нее нормально. У нее красивый голос, его приятно слушать. Этот голос вещал что-то о том, как ее сыновья-близнецы ходят в школу, на какие секции, чем они любят заниматься. Что недавно она с ними вернулась из Таиланда и им там не понравилось. Начала рассказывать почему. Это медленно, но верно погружало меня на дно моего остывшего ада. Пепел внутри взметнулся, запорошил меня, залез внутрь и отравил.

— Название еще такое... С Лагуной, что ли, связанное... Там достаточно большой отель на первой линии. Есть что-то вроде искусственного пруда, возле которого располагаются коттеджи...

«Он стоял сегодня рядом со мной на приемке, но так и не повернулся»

— Мы жили в одном из них, потому что номерной фонд хоть и достаточен, но особого разнообразия там нет, а вот коттеджи по современным европейским стандартам очень даже нечего, и это единственный плюс...

«Он был рядом, меньше метра расстояния от меня, почти плечом к плечу, мам. Ветер был. Знаешь, у его парфюма нотки сандала...»

— ...далековат от города...

«Но он так ни разу не повернулся. Говорил что-то, не слышала что. Он стоял так, будто меня рядом вообще нет. И никогда не было. Мне так хотелось его коснуться, мам...»

— ...еда просто отвратительна...

«Он думает, что я его предала. Мам, но я не предавала! Правда, клянусь тебе! Я подписала на автомате, так и не посмотрев... Ты же знаешь папу... Лучше сразу сделать, что он сказал, не дай бог забудешь...»

— ...на пляже лежаки без матрасов и простыней, это же вообще безобразие...

«А он стоит... Запах его и как будто шилом... а он не поворачивается. Я тогда поняла — не повернется»

— ...я понимаю, что территория отеля большая, но администратор могла бы идти гораздо быстрее...

«Знаешь, больно так стало. Просто очень. Я думала, мне больнее никогда не будет, чем в тот момент, когда я тебе позвонила, а ты не узнала меня. Я тогда думала, что это больно. Просто не знала, что самое ужасное, это стоять рядом с человеком, который любил меня настоящую, такую всю... ебанутую просто, мам... и который теперь считает, что я его предала. Но это последнее, что я вообще сделала бы в своей жизни, потому что я его люблю. Мам, я его очень люблю... Мамуль, мне так больно...»

— ...все-таки класса люкс, но это совсем не люкс...

«Это очень больно, мамуль...пожалуйста... что мне с этим делать?»

— ...обязаны предоставить...

«Пожалуйста, помоги мне. Мне даже дышать трудно, разве ты не видишь?!...»

— ...за что только платили...

«Пожалуйста, мам... Пожалуйста, посмотри на меня! Мама! Пожалуйста! Ну пожалуйста!»

Дрожь в руках как ответ на то, что внутри все окончательно рухнуло. Мой тихий холодный смех оборвал ее на середине слова. Открыла окно, достала сигареты, равнодушно прикурила и откинул голову на подголовник, прикрыв глаза.

— Просто ты тварь.

— Что? Ксюша, ты куришь?!

— Тварь. Он оплатил тебе отдых, на который ты в жизни и копейки не заработала, а ты все критикуешь. Хотя нет, ты не тварь, ты быдло. Это ваша характерная черта — критиковать то, на что собственных силенок не хватает. Критиковать умозрительно и поверхностно — предел жалких мозговых ресурсов. Вас нельзя подпускать к горлу, уважать перестаете, себя великими чувствуете, хамите, требуете, критикуете. Быдло ебучее. Только силу понимаете. Чем с вами жестче, тем уважения больше.

— Ксень...

— Никогда. Не. Называй. Меня. Так. — Зло отрубил, скептически улыбнувшись, глядя в ее растерянное лицо. — Ты была мне нужна. Очень нужна, но ты с собой справиться не могла, брала бабло, вытирала им слезки, которыми так кратко плакала над тем, что тебе не разрешают к нам подходить. Вытирала и брала еще. Суммы росли. Он послал тебя на хуй, когда ты заявила ценник за наш с Киром покой в девять семьсот кусков баксов. Валютное быдло. Я помню, как тебя насиловали. Помню, мама. А ты брала с него деньги... У меня серьги стоят десять тысяч зеленых, и я меняю их раз в месяц, а несколько лет назад я продала все золото, платину и другую поеботу... работала в киоске, разговаривая с таким же как ты быдлом, только не обряженным в бренды и меха. Работала, а в выходные между сменами мыла подъезды. Ты знаешь, что у Кира левый мизинец на руке разрублен, и что он им почти ничего не чувствует?.. Мясником пахал на базаре, чуть ошибся... Это все для нашего папы, который смотрел, как тебя насиловали. И я снова пойду ради него на что угодно, и Кир пойдет, но ради тебя, валютной проститутки, никто из нас пальцем не пошевелит, хотя мы все помним, что с тобой делали. Как это делали. Кто. В какой последовательности. И чем ты потом ответила и подтвердила это сейчас. Отель тебе хуевенький? Ты хоть знаешь его цену? И как были подняты финансы, чтобы тебе его оплатить? А если твой ебырь обанкротится, снова по рукам пойдешь, сверкая трагедией и забыв этих своих... как их там... Чука и Гека, короче. Тварь ты ебучая, стерилизуйся, ничего святого, кроме бабла нет. Вас, уродов, к деньгам допускать нельзя. Сами заработать не можете и пускать вас к деньгам нельзя. Знаешь, почему детей не хочу? Потому что такой же тварью как ты боюсь стать. Хотя... от него определено бы... Удачи тебе, мам. Надеюсь, ты все же осознаешь, что в пустом желудке ничего страшного нет, а вот в пустой душе да. Удачи. Искренне желаю. Может хоть этим детям повезет и они не узнают, кто ты.

Она все же была моей матерью. Я от ее крови и плоти. Осознала это, когда пальцы тронули ручку двери и ее голос разрезал тишину:

— В пустом желудке, говоришь, нет ничего плохого? На сытый рассуждать о морали легче, ты это запомни, Ксюш, прежде чем ярлыки вешать и осуждать людей. Запомни, доченька. Чтобы не так больно было, когда пустой желудок переломит высокие принципы.

Внутри вметается огненный столп ярости. Стиснула дверную ручку до хруста в пальцах. Нельзя поворачиваться. Нельзя к ней поворачиваться. Уебу ее башкой об руль.

— Ноябрь десятого года, отец не вывез и погряз в долгах. Восемь квадратов, продавленный диван, папа и Кир спали на полу. Мы заикнулись, что пойдём работать, он рыкнул, чтобы учились и терпели. Денег не было вообще. И мы пошли. Втихушку. Еще недавно я спускала десятки тысяч в магазинах, а тогда убирала бычки с лестницы и отмывала ступени, стараясь глубоко не вдыхать запах ссанья, хотя он прекрасно перебивал чувство... голода. — Хохотнула, глядя на свои пальцы, расслабившиеся на ручке двери. — Да и в пизду, думала я тогда, зажимая нос. Лучше уж быть голодной, чем этим дышать. И мыла. Знаешь почему? Потому что отца жалко было, потому что он нас любит, а мы его, поэтому я мыла ступеньки с коридорами, а потом шла в киоск и продавала нарикам и алкашам дешевое пиво и шоколадки с фольгой, слушая какая я охуенная цыпа и не дам ли ему за пятихатку. Так что это ты задумайся там над своими оправданиями. Въебывать надо, мама, въебывать ради себя и дорогих тебе людей, если хочешь денег, успеха и сытого желудка и тогда никогда не будешь кидать претензии, что, сука, сытый голодного не разумеет. Это вообще отмаза для ленивых и тупых долбоебов, не ясно в твоём возрасте, что

ли? — Кинула на нее взгляд, сдерживаясь из последних сил. — Вьебывай и никогда не будешь голодным, если это единственное, что тебя беспокоит так, что на остальное просто похуй... Да, может будешь побитым, может переломает тебя... но будешь сытым, а это же так важно, да, мама?.. Только вот тратить усилия, чтобы желудок был сытым не хочется и кто-то предпочитает продать себя, ведь так легче и дешевле. Тело же покушает. У тушки вообще умозрительны стремления — пожрать, поспать, посрать, поебаться да и сдохнуть, и главное при этом всем не напрягаться. Жаль, что эти животные потребности в твоих приоритетах. Если шваркнет тебя твой ебырь, ты вспомни мои слова, прежде чем с протянутой холеной ручкой к нему пойдешь, может это воспоминание разбавит животные потребности. Удачи, мам, сводным братишкам привет передай от меня и Кира.

Обратно в клуб. Трясет. Апатии нет. Внутри пожар. Адовый. Потому что прежде чем заживо жарить, меня ломает к хуям. Мой тихий скулеж сквозь стиснутые зубы потонул во взрыве смеха моих друзей. Хотелось сжаться на том ебучем диване, хотелось обнять себя руками, прислониться спиной к прохладному тонированному стеклу стены и зарыдать. Только, оказалось, что пока внутри меня жрет что-то и потом сжигает, вот это, этот демон саркастично рассмеявшись не давал воли слезам. Не давал облегчения. Жрал еще больше и безжалостнее. Потянулась за бокалом и отметила, как сильно трясутся пальцы. Новый слом внутри, новая тошнотворная волна боли не загасившаяся ни абсентом, не текилой.

Его звали так же, как и моего брата. Кирилл. Он ездил на Стингере, его родители были чиновниками и он допинговался. Белым, мелкодисперстным, элитным.

— Кир?

Его зрачки расширены, улыбка расслаблена. Вопросительно приподнял бровь.

— Дай.

Усмехнулся, спросил что-то про семью и принципы. Хохотнула зло и грубо оборвала. Кир знал свое место. Усмехнулся повторно. За столом все так же шел треп, пока он готовил для меня дорожку. Грамм, визитка, серебряный поднос.

— Купюра? — Кирилл достал портмоне.

— Какая пошлость. — Улыбнулась, не чувствуя внутри накала. Все замерло. Даже чудовище внутри заинтересовано приподняло голову и довольно ощерило окровавленные зубы.

Пальцы достали записную книжку из сумочки. Вырванная страница. Тонкая трубочка. Он объяснил как, и я склонилась. Чудовище внутри жадно застонало от вожделения и когти отпустили почти растерзанное и сгоревшее нутро.

Сначала ничего. Только в носу очень сухо. Как при сухом рените. Я почесала чуть зудящий нос и с тревогой посмотрела на остатки дорожки. Может, не качественный? Только вот легкое онемение и покалывающий холодок мне возразили.

А потом... я испытала что-то очень похожее на оргазм. Дикое, какое-то животное удовольствие, пронесшееся по венам. В голову. В которой будто туман рассеялся. Сердце забилося просто бешено, я задышала чаще, откинулась на подушки и почувствовала... себя прекрасно.

Настолько охуенно, что я не смогла вспомнить, когда хотя бы что-то похожее было в последний раз. Не смогла, хотя память работала удивительно быстро выуживая из недр счастливые моменты. Но их было мало и справилась моя память с космической скоростью в конце выдвинув вердикт, что сравнить это не с чем.

Кирилл рассмеялся. Негромко и беззлобно. Плеснул мне в бокал вина. И я зависла,

глядя на цвет напитка. Насыщенный и при этом бледно-желтый. Парадокс, но это так. Пригубила, вкус до безумия приятный, немного вязкий, но с послевкусием фруктового букета, наслаждением пронесшимся по венам.

Оставила бокал на столешницу с удовольствием отметив, как спокойны пальцы. Огляделась.

Никогда не думала, не замечала, что это клуб настолько уютный. Что блекло-серые обои имеют такой интересный узор. Что так красивы бордюры стен, а ровневый подсвеченный потолок такой интересный. Цвет неона насыщенный какой! Да и все вокруг броское, сочное, яркое такое!

Толпа за стеклом... Извивается под восхитительные биты льющиеся по горячей крови, бурлящим потоком несущейся по сосудам. Сердце билось о грудную клетку тяжело, быстро, горячо. Было жарко. Но так приятно. Просто непередаваемо хорошо. Те люди на танцполе... Красиво так. Чувствую себя богиней. Всесильной. Реально кажется, что нет ничего невозможного.

Посмотрела на свое окружение, мирно и поверхностно трепавшееся. Взгляды. Восхищенные, слабые, продажные. Разные и такие одинаковые.

Самое удивительное — я понимала, что меня заносит. Я понимала, что я под приходом. Хотелось секса. Движения. Разговоров. Смеха. Внутри тепло, горячо, приятно. Мысли скачут, и... будто бы не было того ада. Будто не со мной. И никогда.

Я говорила, смеялась, отпускала шутки и чувствовала, что я тут нужна. Что здесь я своя и даже чуть выше. Я платила, я заказывала этот праздник и они знали это. Это лилось удовлетворением под кожей, чувством... власти, подсказывающим подняться и показать, что восхищаются они мной недостаточно.

И доказала. Какая-то бешенная энергия, идущая изнутри, сметающая любую попытку произошедшего коснуться сознания. Свет софитов сквозь закрытые веки, музыка по венам. Окружена горячими телами, взглядами. Восхищенными и с яркими тенями желаний. Любуйтесь, твари...

Взлетела по ступеням едва их касаясь, обратно в ложу, вместе с окружением. Снова разговоры, снова смех и нужда. Во мне, моем одобрении и моих словах. Эйфория вытесняла все. Обстоятельства, вал проблем и груз ответственности. Я была собой и мне это нравилось. Настроение было за пределами высот.

Не долго. Сначала начали спотыкаться мысли. Потом медленно угасала энергия. Я, откинувшись на подушки, цедила алкоголь и смотрела вниз, под свои ноги, на беснующихся людей. Отметила, что чуть подрагивают пальцы, удерживающие бокал у губ. Отметила вяло и поверхностно. Почти не замечала того, что мысли едва ворочаются, теряют очертания и логическую связь, все что ощущалось сейчас — усталость. И снова гребанная апатия. На этот раз будто ощутиее и тяжелее. Она мешала дышать, думать, сковывала меня, отчуждала от мира. Не сразу поняла, что звонит телефон. Не сразу посмотрела на экран, не сразу осознала что слово «Кир» означает моего брата. Не сразу, но когда все же осознала, отвечать мне не захотелось. И вообще ничего не хотелось. Лишь бы никто не трогал. Кажется, телефон звонил почти непрерывно и мне об этом говорили. Слабо отмахивалась и морщилась, грубо и с матом требуя, чтобы меня оставили в покое. Оставили. И я тупо смотрела вниз, на танцпол, не ощущая внутри ничего кроме вязкой тяжести в которой тонула.

Не знаю, сколько прошло времени, но меня грубо рванули чьи-то пальцы за подбородок отворачивая лицо от окна. Дошло не сразу, а когда дошло, у меня мелькнула мысль, что

начались галлюцинации.

Глаза цвета стали, бледное лицо, твердо сжатые губы. От него пахло ветром и слабо, но его парфюмом.

— Ты охуела? — голос. Разложенный на тоны ледяной ненависти. — Ты охуела, блять, скудоумная?

Я слабо поморщилась, чувствуя, как апатия внутри затвердевает из-за льда в этом голосе. Чувствовала, как она идет трещинами и осыпается в ледяную крошку. И была абсолютно к этому безразлична.

Глава 11

Он рванул меня за локоть, грубо очень, без всякого подобия осторожности. Я врезалась бедром в край стола и от запоздало вспыхнувшей в ноге боли слабо зашипела. Он отреагировал, развернулся, заставил встать ровно и в глазах такая злость...

Кто-то что-то ему сказал, он побледнел и посмотрел за мое плечо. Достал портмоне из кармана полупальто и швырнул купюры на стол. Снова рывок моего слабого, заторможенного, безвольного тела с тонущим в вязких водах апатии разумом.

Как-то на автомате подхватила клатч, о верхней одежде не вспомнила. В машину он меня фактически зашвырнул. Больно ударилась боком о консоль между передними сидениями. Это слегка отрезвило, но хватило этого всего на пару мгновений и когда он сел за руль я уже снова утонула в своей трясине.

Не знала, сколько ехали, знать не хотелось. Я вообще плохо понимала происходящее. Все казалось каким-то дурным сном. Кажется, останавливались у аптеки и еще где-то. Потом парковка, подъезд, лифт и его квартира. Вот когда переступила порог и привалилась плечом к стене, начала слабо осознавать, что что-то явно идет не так.

Доосознать мне не дали. Он протащил меня в свою спальню, толкнул на кровать и запихнул что-то в рот. Сопротивлялась вяло и недолго. Проглотила с трудом, с болью, потому что оцарапало пищевод и безвольно рухнула на спину. Несколько минут, может часов и в голове прояснилось.

Я. В. Его. Квартире.

Приподнялась на локтях тяжело, не понимая, что за нахер. Он сидел в кресле напротив кровати, в расстегнутой рубашке, подперев голову пальцами с зажатым бокалом.

— О, взгляд не стеклянный. Этап второй. — Фактически прошипел, зло отставляя бокал на подлокотник и рывком вставая. На ходу извлек из кармана брюк блистер и выдавил пару таблеток.

Я, вообще ничего не понимая, попыталась отодвинуться. Вклинил колено между моих ног, уперевшись им в край постели, грубым движением правой руки в гипсе толкнул меня на спину и всем весом с использованием локтя, прижал меня к матрацу, а левой рукой попытался впихнуть мне в рот таблетки. Но я с перепугу стискивала зубы, ощущая тяжесть его тела на себе, тяжесть его злости, расходящейся от него волнами. Таблетка крошилась о зубы, горечь в слюне и я рефлекторно стискивала челюсти еще сильнее.

— Ты, может, вены еще себе порежешь, скудоумная? Ножик тебе принести? Дура, блять. Ебанутая на всю голову! Жри, сука такая! — резким движением, окончательно раскрошив таблетки и стиснул ладонью мне рот, чтобы не смела выплюнуть. — Ебанутая, блядь... угораздило меня...

Глотала, глядя в его лицо, почти не чувствуя отвратительной горечи, но хорошо чувствуя полное смятение. Как только понял, что выплевывать мне нечего, отстранился и ушел обратно, чтобы снова рухнуть в кресло и замораживающе посмотреть оттуда на меня, подобравшуюся на постели и напряженно глядящую на него.

— И зачем ты приехал? — мой голос тихий, какой-то глухой и незнакомый. Прекрасно отражающий все то, что было внутри.

— Братик твой беспокоился, что трубку не берешь и мне набрал. — Ответил резко, с тенью презрения.

— Кир... в курсе? — не скрывая испуга, резко спросила я, почувствовав, как ошиблось сердце.

— Про то, что ты, ебанутая, обдолбалась с горя? Нет, разумеется. Он вообще не в курсе, что у нас все по пизде пошло, как оказалось. Не стал его радовать. Сказал, что дрыхнешь рядом без задних ног. Телефон пробил, в этот блядюшник приехал, и вот она, богиня торчков. Сука, даже не узнала сначала. Вообще ебанулась... — опрокинул в себя бокал, потянулся к бутылке, оставленной возле кресла, взял левой рукой и пригубил, не отпуская меня злым прищуренным взглядом. — Вот что у тебя там в твоей идиотской башке творится, ты мне скажи. Вот что там происходит, а? Ты нахуя на дно падаешь? Я, блять, в жизни бы не подумал, что ты из числа тупорых дур, размазывающих сопли и хуявивших в сторону откровенного пиздеца, ибо мужик же бросил! Ты реально, что ли? Вот что, блядь, у тебя в башке, сука ты такая? Ну, разбежались, да. Да, блять, разбежались и что теперь? Ты ебанутая совсем, да? — он с такой силой бахнул бутылкой о деревянную часть подлокотника, что мне показалось, что она расколется.

Лисовский смотрел на меня со злостью и презрением. Совершенно незаслуженным. И меня вдруг прорвало:

— Ты мне чего тут мораль читаешь, скотина? Тебе какое дело теперь до меня? Я же тебя, уroda, предала! — рассмеялась как-то протяжно, хрипло, запоздало отмечая, как немного потряхивает тело, что было странно, ибо внутри кроме тяжести не было ничего. — На отца же работаю, который меня под тебя подкладывал! Чего притащился-то?!

— Истерить надумала? Не прокатит.

Я резко села на постели, злобно глядя на него.

— А к чему истерики-то, Лисовский? — Встала почему-то с трудом и огляделась в поисках своего клатча. — Меня еще с кокса видно плющит, ты уж прости, сейчас избавлю твое величество от этого зрелища.

— Жопу посадила на место, блядь. Отсюда ты не уйдешь. Дверь закрыта, где ключи не скажу. Хочешь выйти — можешь махнуть с тринадцатого этажа, к суициду же склонна, ебанутая.

Резануло очень сильно. Подстегнуло. Трясина распалась и на свет появилась такая непередаваемая ненависть, что меня мелко затрясло.

— Ты охуел совсем? Это я ебанутая? Ты не разобрался, ты мне свое безумие как факт двинул, что я тебя предала. Как факт. А потом повез в бордель, чтобы морально изнасиловать. Это я ебанутая, да? А ты кто тогда после этого? Наказал, да, молодец. Только выхватила я вообще ни за что. — С ненавистью прошипела я, одеревенев от бурлящего внутри негодования. — Еще и виноватой оставил. Стоял на акте, блять, морду воротил, всем видом показывал, что тебе похуй на меня. Так чего притащился-то? М? Ты же даже сейчас мне не веришь, сука, я по глазам это вижу. Что ж ты примчался тогда и веселье мое обрубил?

— Ты бы не примчалась?

— Нет.

— Уверена?

— Абсолютно. У меня уже ничего не осталось, спасибо тебе большое за это! Я не буду участвовать в твоём безумии, когда ты в себе разобраться не можешь, и людям головы рубишь, потому что есть только твоя точка зрения и...

— Заткнись. — Оборвал так холодно и грубо, что я действительно осеклась. — Ничего не осталось, говоришь? В себе я не разобрался? Да я и в себе и в тебе разобрался. Только у меня карты не сходятся никак, что мое чудо на краткий миг утратило внимательность и именно в такой момент. Плюс то, что папочка только от тебя мог узнать про те совещания. Вот странное дело, да? И с чего бы это я тебе двигаю тему как факт? Да еще и расписывался, повода-то не было. Наверное, мнительный сильно.

— Я... я уже все сказала. Хватит. В себе разберись, скот. Если не веришь мне, то и не надо в мою жизнь вмешиваться!

— О, как мы заговорили. — Он ногой притянул к креслу журнальный столик. — Не доходит? Связь между отсутствием веры и моим вмешательством? Сейчас все объясню.

Достал из кармана пакетик. Бросил на стеклянную поверхность. И я похолодела, когда поняла, что это. Содержимое белое, рассыпчатое, знакомое.

— Не примчалась бы, говоришь? — Банкнота в его пальцах сворачивается в трубочку, следом из портмоне извлекается пластиковая карта. — И не осталось у тебя ничего? Тогда сейчас будешь сидеть и смотреть, как я поймаю приход. Может, поймешь, какое мне дело до тебя. И что я чувствовал, когда тебя видел в таком состоянии.

— Лисовский, ты дурак? — похолодев, сипло спросила я.

— Не-а, не совсем. — Распределяет порошок карточкой, не поднимая на меня глаз. — Вот ты совсем, а я нет.

— Ром...

— Что? Я тоже хочу повеселиться, а то ходил, грузился два дня. Спал хуево, бухал нехуево, а что-то никак не отпускало. Оказалось, не тот способ выбрал, да, скудоумная?

И это почему-то возымело гораздо больший эффект чем все его предыдущие слова. Меня будто пробило. Пробило его злостью. Пробило до правды, тихим шелестом слетевшей с онемевших губ:

— Я... с мамой виделась... Поговорили, что называется, по душам. Сидела рядом с ней, сгорала, а она рассказывала, как со своими сыновьями в Таиланд полетела и ей там не понравилось. Меня выворачивало. Она про лежаки говорила. Я сидела, подыхала, потому что я не предавала, тварь ты. А она мне про отель. Потом удивилась, что я закурила. Это единственное, что ее удивило. — Внутри разлилась тяжесть, знакомая, тянущая снова в пути апатии. Села на постель и откинулась на спинку кровати, глядя на него отрешенно и спокойно. — Но мама была чуть милосерднее тебя, она не стала меня морально убивать. Сказала, что лучше быть сытым, хоть и предав себя и свою семью. Вам бы встретиться, вы друг другу понравитесь, потому что оба твари, хоть и чирикаете кардинально разное. Но итог один — твари вы оба. Мне сдохнуть сначала хотелось. А потом... все что угодно, лишь бы отпустило хоть немного. Хотя бы чуть-чуть. Но ты и здесь все оборвал.

Он застыл, напряженно глядя на меня. И от этого почему-то мелко затрясло. Хотя эмоций не было.

— Лисовский, ты и правда мразь. Правда. Кир был прав... — прошептала я, закрывая

глаза, но, почему-то улыбаясь. — Я не предавала тебя. Я бы никогда тебя, суку, не предала... Ты меня за свою спину, а сам под нож... ты мне руку протянул, вытащил, объяснял и учил... и все время за твоей спиной. Смотреть на меня криво никому не даешь, сам обзываешься все время, издеваешься, скотина, но никому даже тени подобного не позволяешь и действительно уверен, что я бы предала?.. Ненавижу тебя... Как и мать. Ненавижу вас обоих... Ненавижу просто...

Рассмеялась. Свободно. Горько. Отчаянно. Прикрыла рот и глаза ладонями, пытаюсь остановиться, спрятать слом. Последний порог. Последний рубеж. Который я снова не смогла преодолеть.

Не поняла, как оказался рядом. Упал на край и резко дернул на себя. Начала сопротивляться, пытаюсь отстранить ненавистное тело — только сильнее в себя вжимал. Молчал. Не реагировал на мои просто страшные и ублюдские слова. Сжимал до боли, отметал всякое сопротивление и... я сломалась. Не хотела реветь, внутри какой-то блок, но уже все... уже не могла. Пыталась удержаться, но не получилось...

Прорвалось. Зарыдала. Жалко. Позорно. Хрипло. Задушено.

Позволяя придвинуть себя к нему.

Я пыталась остановиться, пыталась унять собственную истерику, но все выплескивалось... Просто как прорыв плотины. И не сразу осознание, что все. Все закончилось. Будто... не знаю... проснулась от долгого кошмара и поняла, что это всего лишь дурной сон. И я наконец-то проснулась. А он рядом.

О нет, когда мои всхлипы почти затихли, а я почти пришла в себя, он не извинился. Он сказал то, от чего я вообще помертвела:

— Выходи за меня.

— Ты... ты ебанулся, да? — я отстранилась, с неверием глядя в его лицо, думая, что ослышалась, но нет. Он был мрачен, но серьезен.

Я потрясенно смотрела на него, вообще перестав понимать происходящее.

— Я покину состав учредителей «Тримекса». Папочка хочет моей крови, однако я больше в этом не участвую, пусть наслаждается. Но тебя, скудоумную суку, не отпущу. Поняла меня, блядь? С твоими ублюдками я решу.

Прикрыл глаза, губы скривились. Рухнул на подушки и притянул уже окончательно переставшую понимать происходящее меня к себе.

Сердце стучало быстро, отдавалось эхом в ушах. Я лежала на его плече, и смотрела на тонкий неровный рубец на животе. Мысли волочились вяло, но в трясину больше не затягивало. В голове слабо пробивались воспоминания о Гонконге. Когда... все изменилось. Мир повернулся. Такой важный момент... Поймала себя на том, что скольжу ногтем по шраму. Почти сразу мою кисть сжали длинные пальцы, прерывая это движение. Сжали до грани боли. Лисовский медленно повел мою руку вверх к своему лицу, одновременно ослабляя нажим. И мне почему-то стало плохо, когда его губы поцеловали тыльную сторону моей ладони.

Дыхание сбилось, я прикрыла глаза, чувствуя, как он закладывает мою руку за свою шею. Мне нужно это сказать. Нужно. Но так... страшно.

— Ром, — неуверенно и тихо. — Это... наверное самый поганый период в моей жизни был. Эти дни и их итог. Я просто хочу... в общем, не выходи из «Тримекса». И... вот с этими свои словами... ну вот которые ты сказал...

— С предложением.

— Да. Вот с этим тоже... давай не сейчас. — Голос трусливо дрогнул и я замолкла, зажмуривая глаза и сцепляя зубы, с трудом успокоив странный вязкий и одновременно выбивающий из себя хаос, несмело продолжила. — Просто... пожалуйста, давай как будто вот этого всего не было. Пожалуйста.

— Статус-кво.

— Что?

Он приподнял мой подбородок пальцем, глядя в мои глаза потемневшим взглядом. Лицо непроницаемо, о чем он думает непонятно.

— Возврат к исходному. — Негромко произнес он. — Хочешь объявить статус-кво?

С трудом сглотнула и неуверенно кивнула. Тень пробежала по его лицу и у меня сердце на мгновение замерло, чтобы потом забиться еще быстрее. Разумеется, откажет. Меня и до этого всего посещали мысли, почему он терпит, почему не настаивает, почему не подводит меня к решающему — сказать об отношениях. Вертелись и нехорошие предположения, вроде Кирилловских, но не мог же он... не мог же просто из-за выгоды, из чувства мести. Тем более после всего... произошедшего. И сейчас, в затягивающуюся нехорошую паузу, я отчетливо чувствовала рычащий в нем протест. Нет, он снова был привычно холоден, никаких эмоций на лице, но такое просто чувствуешь. Это течет под его кожей, отдаленным эхом кипит в его глазах, а я сейчас настолько слабая, просто позорно слабая, что понимаю, если он будет настаивать — я не смогу сопротивляться. Снова начнется ад, только теперь с отцом.

Но Лисовский, едва заметно прищурившись, тихо выдохнул:

— Принято.

Не поверила. Переспросила, недоверчиво глядя в его потемневшие почти до черноты глаза. Подтвердил. Усмехнулся и насильно уложил мою недоуменную голову себе на плечо.

— Спи давай, скудоумная. Вставать через четыре часа. Завтра с утра встреча с заказчиками, сметы надо проверить, еще в банк заехать, опять с счетами нахуевертили, к тому же надо подготовить отчетность, и по векселям решить уже... Дохера всего. Спи. Ты и выпавшаяся со скрипом соображаешь, а так вообще... спи короче.

Он пробовал меня разбудить с утра. Чугунная голова жалостливо попросила еще пять минут и снова вырубилась. Очнулась я когда в окно уже во всю заглядывало послеобеденное солнце. Испуганно всхрапнув подскочила с пустой постели и подхватив свой телефон с неверием застонала — половина третьего. Лисовский отклонил мой звонок и почти сразу прислал смс *«Все решил. От тебя все равно толку не было бы. Выла с утра: Кирилл, пять минуточек. «Кирилл» придет через час. Пожрать приготовь»*. Следом еще одно смс: *«Пожалуйста»*.

Вообще не знала, как мне себя вести. Не знала и все. Какой у меня выход в таких ситуациях? Правильно, быть рэзкой и дэрзкой. И я ею была, пока в замке его двери не провернулись ключи и зевающий Лисовский не ввалился за порог. Я как-то растеряла всю спесь под его ехидным взглядом, но упрямо смотрела прямо в серые глаза, в которых плескалась прохладная ирония, пока их обладатель разувался.

— Ну, привет что ли, богиня торчков. — Хохотнул он, сбрасывая полупальто на спинку соседнего кресла и оперевшись о край стола бедром, взял мой бокал с кофе, насмешливо глядя на мое насупившееся лицо. — Голова бо-бо?

— Нет. — Чувствуя себя ужасно глупо при попытке выглядеть как будто бы ничего не

случилось, выдала я, отнимая у него свой бокал. — Что... с подрядчиками?

Насмешливо фыркнул, с удовольствием считывая абсолютную стушеванность за фальшиво бодрым голосом. Сука, опять сейчас издеваться начнет. Однако, это как будто успокоило, ведь это было привычно, как будто он действительно принял... статус-кво.

— А что с ними? — прохладная усмешка и потянувшись, снова забирает мой бокал. — Ну, удивились малость, что не гендир пришла. Я объяснил, что Ксения Егоровна вчера кокаином обдолбалась, встать не смогла, они тебе пособолезновали, посоветовали больше так не усердствовать в середине рабочей недели.

Я неуверенно хмыкнула, глядя в прохладную иронию его глаз. Он прикусил нижнюю губу, сдерживая улыбку и негромко произнес:

— Голоден.

— Да, мясо потушила... — я поднялась со стула, собираясь направиться к плите. — Только хлеба нет, а ты меня тут вообще запер и поэтому вкушайте без... — перехватил за локоть и дернул на себя, заставляя заткнуться и смотреть в плавленное серебро глаз.

— А я не в том плане голоден. — Усмехнулся, пробегаясь по моей спине пальцами и пробуждая во мне эхо своего голода.

Поздним вечером Лисовский чистил зубы уже в моей ванной, пока я гарцевала мимо него, замороженно косясь на его обалденную задницу, затянутую в боксеры.

Он мне руку ломает, если я это сделаю. Определенно ломает. Но я не могу удержаться!

— А-а-ауф! Какой пэрсик в этом саду-у-у! — с деланным акцентом, восхищенно, неподельно восхищенно и с силой ударила ладонью по его ягодице.

— Сюка!.. — Лисовской сдавленно хрюкнул от неожиданности, подавился пастой и закашлялся, заплевав экран смартфона, в который до этого пялился.

Про садовника я добавить не успела, едва не поседев от его страшного взгляда. Просто страшного.

Быстро-быстро скользя бочком вдоль стены на выход я взглядом искренне умоляла его не делать всего того, что было написано у него на лбу.

— Это что за нахуй сейчас был? — через пару минут появился он в спальню, сурово глядя на меня.

— Какой? — фальшиво бодро спросила я, наивно пытаюсь проскочить мимо него в проем двери.

Естественно, не прокатило. Наказание последовало. Опять это гребанное «проси-о-я-не-расслышал». Три раза. На четвертый я сделала вид, что сейчас разрыдаюсь, Лисовский взбледнул и прекратил измываться.

Когда до него дошло, что это я схитрила, начал рыкать, что обидело.

— Да я вообще симулировала! — злобно выдохнула я, отстраняя его руку и поднимаясь с постели, чтобы направиться в душ.

— Ага-ага, я тоже. — Оскалился Лисовский, потянувшись и шарахнув гипсом мне по заднице.

— Да конечно! — разозлено выдала я, развернулась и обличительно тыкая пальцем себе на живот с неоспоримым доказательством того, что кончил он по настоящему, осведомилась, — а это тогда что?

— Это майонез. Ты там в оргазме билась и не заметила подмены. Постоянно так тебя

наебываю.

— Сюка! — вроде и обидно, а вроде и смешно. Больше смешно конечно, ибо ржал Лисовский весьма заразительно.

Когда вышла из душа, застегивая бюстгальтер, раздался телефонный звонок моего мобильного. Такая мелодия у меня стояла только на папу. Я, всхрипнув, помчалась к клатчу, откуда так и не достала телефон, когда мы приехали ко мне. По закону подлости пальцы наши его не сразу, я вывалила все содержимое на постель и ответила. Папа хотел сейчас ко мне заехать, я соврала, что помогаю с переездом подруге, напряженно глядя в непроницаемое лицо Лисовского, полулежащего на постели, заложив руки за голову и иронично приподнявшего бровь. Почувствовала, именно почувствовала, что ему неприятно, что его это задело, но внешне он ничем этого не выдал, заставив меня скривиться от болезненного укола совести. Но и по другому я тупо не могла.

Когда я отключила звонок и присела на край постели, не зная, как и с чего начать разговор, Лисовский уже заинтересованно вертел в пальцах визитку той девушки на Панамере. Его взгляд остановился на смазанных, но читаемых цифрах телефонного номера. Выражение его чуть прищуренных глаз мне не понравилось. Как и то, что он взял свой мобильный, поковырялся в телефонной книге и я, подавшись вперед, увидела на экране этот самый номер, с именем абонента «Ольга, Ажур». Он, усмехнувшись, поднял на меня взгляд:

— Откуда?

Вкратце обрисовала аварию. Лисовской почему-то тихо рассмеялся и просительно поднял руку, предвещая мои попытки его расспросить и кому-то послав вызов.

— Привет, Сан Михалыч, как жизнь?.. Угум, да коне-е-ечно. — Негромко рассмеялся, — охотно верится. Тебя с прослушки, что ли, не сняли еще?.. А чего ноешь тогда? Да бог с тобой, нормально все. Ты в курсе, что сын у тебя болеет? Ольга его в больницу везла, вся на нервах была и в мою девушку врезалась, они познакомились, быстро ситуацию разрулили, сейчас только узнал... — Переводит на меня взгляд и явно дублирует заданный по телефону вопрос, — когда это было?

— Вчера.

— Говорит вчера. Приедешь?.. Буду рад увидеться. Не за что, если что, набирай.

— Это чего такое было? — настороженно поинтересовалась я, забирая у него визитку и задумчиво рассматривая номер телефона.

— Сложные отношения. Он ее любя опрокинул, она ему фак показала и ушла. Он ей мир под ноги, она не прощает. Вот и живут на два города, дебилы, блять, ребенка только калечат своими амбициями. — Я невольно прикусила губу, Лисовский мгновенно перекинул через мое колено свою ногу. — Видишь, она ему про сына ничего не сказала, гордая же, сама же. Он сейчас сорвется, приедет, все по высшему разряду организует, опять фак получит, опять домогаться будет, дескать батя же. Снова разосрутся в пух и прах и он к себе свалит. Идиоты они короче. Все письками в принципиальности меряются, нахуй детей было заводить, если между собой разобраться не могут, непонятно. — Потянулся, толкнул меня на постель и навис сверху. — Поняла идею? Забеременеешь — хуй ты меня когда-нибудь выгонишь, что бы там у нас не произошло. Наши проблемы это только наши, дети из-за этого страдать не должны. Я пристрелюсь, если из-за нас... твоя история повторится.

— Да я... как бы... Как бы я сама до этого дошла, Ром. Процесс то видела, про итоги вон тебе в Гонконге в жилетку плакалась и... — Нервно выдохнула, он чуть спустился вниз, и положил подбородок мне на живот, успокаивающе глядя в глаза. — И чего вот они,

постоянно так, да?

— Хуй знает, не вникаю. — Ромка зевнул, задумчиво глядя на мою грудь и пробегаясь пальцами по краю бюстгальтера. — Зорина по бизнесу знаю, нормальный мужик вроде. Просил с «Ажуром» помочь. Ольга тоже с виду адекватная, но оба ведут себя как долбоебы. Думается мне, сына подрастет и даст им обоим просрать. Учитывая их поведение, наследие характера у него интересное будет, так что подарит он родимым еще огня. Да и поделом. За все платить надо, в том числе и за ебанутое отношение между собой при наличии детей. Да, чудо?

— Подъеб?

— Скудоумная. Я о наших... «деталях». Великий поклон родителям которые между собой разобраться не могли. — Недовольно закатил глаза, прицокнув языком. — Трактат ей тут развел на тему, что как бы у нас не сложилось, дети страдать не должны, а она мне такая «подъеб?». Заебись.

— Ну скудоумная же. — Хохотнула я, толкая его на спину и наваливаясь сверху, скользнув губами по его скуле. — Да поняла я, поняла. Нашел кому расписывать. Вообще рано ты о детях.

Поднялась и пошла к зеркалу. В голове быстро складывался план того, как проверить момент, заставивший мое сердце ошибиться.

— Хочу пластику, — придиричиво оглядывая свою грудь в зеркало шкафа купе, задумчиво резюмировала я.

— Меня все устраивает, — отозвался с постели Лисовской, с удовольствием наблюдая мои манипуляции с формами. — Зачем тебе еще размер?

— Нет, размер не надо... форму надо. Вот смотри, вот так в кучку собрать, — я показала как именно, — так же определено лучше. Вот, смотри. Или нет, здесь чуть-чуть приподнять... Да, вот так идеально.

Лисовской фыркнул и снова закатил глаза, похлопав по постели рядом с собой. Я лукаво улыбнулась его отражению, и начала скользить пальцами по груди уже совсем по другому. Ромка усмехнулся, следя за моими руками.

— Слушай, — остановившись на крае кружевных трусиков, деланно задумалась я, — мне нужен отпуск. Сгоняю в Германию на операцию. Когда у тебя там будет возможность и «Тримекс» и «Легроим» контролировать? Мне бы недельки две...

Лисовский убито простонал.

— Не трогай грудь. Ну, в смысле трогай, только не... Блядь, когда родишь, тогда что хочешь с собой делай. — Выдал он, уже требовательно ударив рядом по постели с собой и сверкая металлом во взгляде. — Хоть третью пришивай.

— Когда родишь... — буркнула я, неохотно подходя к кровати, чтобы совсем незротично бухнуться на живот, и скрестив руки положить на них подбородок, с грустью глядя в сторону, — когда это еще будет — то. А красивую грудь я сейчас хочу. И вообще, не импланты же вставлять... Хотя, чего я с тобой тут советуюсь. Тоже мне... выработалась привычка. — Прикрыла глаза, прикидывая варианты. — Или нет. Найду себе мужика, — пропустила мимо ушей его ледяное «ты не охренела ли, скудоумная?» — замуж за него выйду, рожу, потом опять что ли обвиснет? Нет, ты прав, сначала надо родить, но я же сейчас не хочу... засада какая-то.

Лисовской надменно фыркнул и, запустив мне пальцы в волосы, потянул вверх, вынуждая мое недовольно шикнувшее лицо посмотреть ему в глаза, цвета предгрозового

неба.

— Кого ты там себе найдешь? — очень вкрадчиво уточнил он.

— Да ладно прекрати ты убийственные взгляды тут метать, — фыркнула я, но он довольно ощутимо дернул меня за волосы, — ай! Лисовский, ты вообще что ли? Что я такого сказала-то?

Ромкин нажим в моих волосах усилился, запуская в меня панику. Лед в глазах подернулся поволокой иронии. И я, внутри себя разочарованно взвыла, так и не дождавшись тех самых слов. Хотя, в принципе, и такая реакция весьма себе приятна.

— Какой интере-е-е-есный маневр, чудо ты мое. — Насмешливо дернул уголком губ. — Столько лет дуру изображала, что выходит у тебя очень качественно, все время об этом забываю. Пф.

Я насторожено следила за ним, поднявшимся с постели и потягивающимся на ходу, идущему к повешенному на спинку стула полупальто.

Он протянул было руку к карману, но остановился. Улыбнулся и подхватил полупальто, чтобы вернувшись бросить его мне.

— Правый карман.

Я озадаченно смотрела на него, лежащего рядом со мной на спине, заложив руки за голову, и в ожидании приподнявшего бровь. Я протянула руку в карман и застыла, когда подушечками пальцев почувствовала бархат. В абсолютном шоке посмотрела на Лисовского так и лежавшего рядом. Он прыснул с удовольствием оглядывая мое перекошенное лицо.

— Я думал романтично все сделать, но забыл, с кем вообще связался. — Фыркнул и выудил черный квадратный футляр. — Мне говорить эту избитую фразу?

— Нет!

— Не говорить?

— Нет! Ты чего?! Лисовский! Нет! Мы же вчера договорились!

— Что ты так паникуешь? — как-то слишком уж по издевательски улыбнулся он, поднимая крышку и... су-у-ука. Серьги, блять. В коробке были серьги.

Облегчение и разочарование вообще свели мой мир с ума и я очумело переводила взгляд с него и обратно. Нет, они конечно красивые, и слава богу, что это серьги... но... а вот, собственно, почему серьги?.. Господи, о чем я думаю вообще... Мне на словах бы подтверждения хватило, для того и завела тему... И тут вот серьги...

— Что с твоим лицом, чудо? — он из последних сил сдерживался, чтобы не заржать. — Не пойму, ты не рада, что ли? Не нравятся?

— Оч... очень нравятся. — Срывающимся голосом произнесла я глядя в его смеющиеся глаза с собачьей преданностью. — Ага... красивые. Э-э-э... спасибо большое.

Дура, приди в себя! Ну не кольцо и что? Тебя ж только что от паники разрывало, когда подумала что кольцо! Ой, ну слава богу, что не кольцо... А вот, собственно, почему кольцо и не подарить, блять?! Не обязательно же с предложением! Нет, можно, конечно, и с ним... Ой нет, лучше без него, сама же об этом вчера просила! Ебанутая, господи прости...

Разбиваемая противоречиями разума и трепетных женских мечт, я чуть дрожащими пальцами приняла коробочку, чтобы рассмотреть подарок поближе. Ну, ничего такие. А какой бренд? Я хотела заглянуть под крышку и обомлела, когда он достал из пальто еще одну коробочку.

— В комплекте шло. — С садистским удовольствием глядя в мои стеклянные глаза, произнес он, открывая крышку. Кольцо.

— Мне повторить эту избитую фразу? — Он довольно хохотнул глядя на мое абсолютно сметенное лицо. — Да ладно тебе, я ж по срокам не тороплю. Это я так... место себе застолбить.

Вот тебе и пэрсик. Сюка.

Глава 12

Прелесть в том, что в офис «Легроима» меня пускали беспрепятственно. Настолько беспрепятственно, что сейчас я сидела в кабинете Лисовского и мирно ждала, когда кусок льда закончит насилловать неудобных на совещании и изволит явиться к себе.

Разумеется, о моем присутствии ему тут же доложили. Я только припарковала машину и собиралась покинуть салон, как мне прилетела от него смс, чтобы подождала двадцать минут.

Не знаю почему, но это вызвало смех.

Двадцать минут истекли. Я сидела в его кресле за его столом, когда дверь кабинета распахнулась, являя зрелище вожака на ходу роящегося одновременно и в телефоне и в планшете и отдающего указания приближенному, идущего за ним следом. Кажется, это был Андрей. Или Семен. Кто-то из жрецов, я их всегда путаю, ужас они наводят одинаковый.

Лисовский, не отрывая взгляда от экрана, недовольно повел уголком губ и встал посреди кабинета. Веет холодом, силой, решительностью. Он собран и сосредоточен, и это запускает жар по венам.

«...Спутаны мысли...»

— ... «Ариал групп» и запросить их отчеты. В два встречу отменить...

«...Как белый шум...»

— ...По контрагентам я еще не решил, скажу позже... Думаю, на «Ретейле» остановимся. Пробей их...

«По коже воск... Твой.... твой опиум...»

— ...Панфилова пусть пересчитает тогда от китайцев с этими сертификатами, не нравится мне итоговый счет...

«...По коже воск...»

— ... да, еще позвоните Арефьеву. — Наконец, оторвался от планшета и заметил меня. Взгляд застыл. Загорелся. Воспел песни падших, так знакомые моим демонам, встрепенувшимся внутри.

Он смотрел на меня так, будто бы уже прекрасно знал, что под шубой на мне ничего нет, кроме нижнего белья.

— Что ему сказать? — уточнил жрец его культа, поправляя очки перьевой ручкой.

«Твой опиум»

Он не сразу ответил. Не сразу. Совсем. Жрец был удивлен миллисекундной паузой своего божества.

«По коже воск... твой опиум»

— Семен, ты серьезно? — замораживающее произнес Роман Вадимович, не отводя от меня взгляда. — Ну, скажи ему «где деньги, Лебовски?»

— Будет сделано. — Очень серьезно кивнул жрец, торопливо черкнул что-то в планере. — Еще что-нибудь?

— У Андрея спроси, я ему уже надиктовал. Все.

«...Твой опиум...»*

Дверь закрылась. Лисовский сделал шаг назад и щелкнул замком. Прислонился спиной к двери, руки в карманы брюк. Серебро в глазах.

Встала с его кресла. Пальцы развязали пояс и песцовый мех соскользнул вниз с оголенных плеч. Открывая его взору бордовую комбинацию от Виктория Секрет. На моем поддрагивающем от его голодного взгляда теле.

— Ксения Егоровна? — взгляд темный, затягивающий.

— Роман Вадимович... — опираюсь бедром о его стол, и мой палец скользит ногтем по идеальным сметам на его рабочем столе, — не могу понять, где ошибка... помогите мне, Роман Вадимович.

Мой кивок в сторону его кресла.

Усмехается, принимает правила. Идет неторопливо, взглядом скользит по моему телу. Останавливается рядом, прижимается сзади. Мягко отталкиваю и настойчивее киваю в сторону кресла.

Снова усмехается и падает в кресло, разворачивая его ко мне и чуть прикусив губу, поджигает во мне кровь одним взглядом. Возвращаю ему усмешку и указываю взглядом на бумаги.

Он читает. Пытается.

Демонстративно беру ручку с его стола, встаю между его широко разведенных ног и роняю. Встаю на колени. Он едва заметно улыбается, но взгляд скользит по строчкам. Скользит даже тогда, когда мои ладони с нажимом идут по внутренней стороне его бедер и достигают паха. Взгляд скользит по строчкам даже тогда, когда я справляюсь с его одеждой, высвобождая его эрекцию. Взгляд скользит, но дыхание ускоряется и срывается, когда я, лукаво улыбнувшись, прильнула к нему губами.

Стоит взгляду чуть ошибиться, остановиться, соскользнуть с бумаг — отстраняюсь. Как только возвращается — держу на грани.

— Тут нет ошибки, — прищуривает глаза, прикусывая губу и переводит взгляд на меня.

— Невнимательны, Роман Вадимович. Что-то вы совсем невнимательны. — Улыбаюсь, сглатывая разбавленную слюну, но не приближаясь и резко отбрасывая его руку, взявшую было меня за волосы. — Мне хочется поблагодарить вас за помощь, но как я могу это сделать, пока помощь не оказана?

— Су-у-ука... — почти стонет, глядя на меня с мучением, и неохотно возвращаясь к взглядом к бумагам, одновременно вздрагивая, когда я возвращаюсь к нему. — Чудо, блять, тут все правильн... сука... да я не могу... ну пра-а... вильно же!..

Отстраняюсь, чтобы сказать, что благодарна за помощь, а потом увеличить ритм и довести его, но не успеваю ничего сказать — дергает меня на себя, впивается в губы, разводя их горячим языком, и сжимает мое тело, запуская нехилый разряд электричества под кожу и заставляя напрочь забыть о задуманном. Треск ткани, краткий миг и я сбито застонала, ощутив его в себе.

По его коже Том Форд вместе с влагой тела, как ответ на внутренний жар. Слизываю. Пьянею. Растворяюсь. Двигаюсь сильнее. Настойчивее.

Дьявол танцует с бутылкой... В обоих. В особом стиле. В нашем особом стиле греха и порока. Жадного, неистового, до пожара, до спертого дыхания до желания... меток... и следов...

Моих меток на его теле.

Его следов на моем.

Ощущения от этого почему-то ярче и тела просто сатанеют. Срываются и двигаются. Он не успевает. Сдается. Стораёт. Ещё живёт. Но уже жадно готов податься под убивающие волны оргазма.

— В тебя... — хриплым срывающимся голосом с его губ.

— Не сейчас, Ром... — почти с мольбой в ответе.

Отстраняюсь до рокового момента, падаю на колени, успеваю прильнуть губами. И вижу его райский ад. Его адский рай. Пламя в холоде и лед в огне. Разрыв. По всем кончикам его нервных окончаний. До предела и невыносимости. Мой совершенный зверь. Идеальный, даже отдав своим дьяволам волю и свободу. Если порок когда-либо и был в физическом облики, то сейчас он был его лучшим воплощением. Беспощадным. Не оставляющим шанса. Мой. Идеальный. Мой. Только мой.

Он негромко рассмеялся, когда я уселась на него и мои губы на его ключице поцеловали оставленный мной след. Рассмеялся хрипло, рассыпчато. Охеренно. И на моих плечах, груди и спине слегка ныла тяжесть оставленная от резкого и болезненно-пьянеющего нажима его пальцев. И губ. Тоже оставивших множественные следы.

— Может, не поедешь? — Ромка приподнял пальцем мой подбородок и скользнул губами по шее. — Пусть братик один бабушку навестит. Мы с тобой позже приедем.

Я стушеввалась, ибо сказано было это серьезно.

— Ром, мы просто на выходные. Давно не виделись, надо съездить... — Я попыталась отстранить его руку, сползающую по моей груди вниз. — Ром, да хорош...

— Два дня я буду один-одинешенек в холодной постели, чего ты разворчалась, м?.. Где твое понимание, милосердие, сопереживание? Молчим? Ещё один палец...

— ... И свечку за здоровье поставила. Тебе и Кирюше с папой. — Бабушка бахнула тарелкой с пирожками на дубовый стол. — Вам надо сходить в церковь, Ксюша.

Я гыкнула на едва слышное Кировское «мы там на пороге испепелимся», и отпила чая.

— Что, Кирюш? — Бабушка села напротив нас, вглядываясь в лицо брата. — Ты что-то бледный и исхудал совсем. Егор тебя вообще не жалеет, надо будет с ним поговорить... Кирюша, ну-ка кушай! — Она строгим взглядом указала на тазик плова, поставленный перед Кириллом.

— Бабуля, но я не могу уже! — отчаянно посмотрел на бабулю брат. — Ну не лезет, правда!

— Ты всего-то две ложки съел! — возмутилась бабуля.

— Двадцать две! — заржала я. — Скоро раскабанеешь, Кир! Будем проемы дверей в «Радоне» расширять, чтобы ты по офису перекатывался без особых препятствий! Куплю себе прицеп, буду возить тебя на работу!

— Ксюша! — сурово отдернула меня бабуля, которой так и не удалось в меня впихнуть весь свой холодильник, потому что я наврала, что болит поджелудочная и есть мне сейчас нельзя.

Вообще, будь ее воля, бабуля нас бы связала и впихнула тонну еды. В детстве почти так и было.

— Ксюша, что врачи говорят? — Бабуля поправила на голове платочек от Шанель, который я ей привезла с Парижу, наврав, что «конечно на рынке, бабуля! Нет, не смей впихивать мне деньги! Он почти ничего не стоит!» и посмотрела в мои глаза. — Впрочем, не

важно. Батюшка моей церкви, ну вы же знаете, тут на Краснознаменной церквушка рядом, куда я хожу, — знаем, конечно, знаем, и все там бабулю очень любят, потому что она делает нехилые пожертвования, батюшка вон недавно с Мазды на Мерседес пересел, намолил, видимо, — так вот, батюшка говорит, что все болезни от неправильного образа жизни. Надо пост держать и молиться богу...

— И сдохнуть от осложнений. Или против них в арсенале батюшки тоже молитвы есть? — Не удержавшись, съязвил Кир, но подавился пирожком под суровым взглядом бабули.

— Кирюша, не богохульничай!

Мы с братом в унисон хрюкнули от смеха, но тут же виновато потупились под строгим взглядом бабули.

— Ксюша, у тебя жених-то появился? — поинтересовалась она, взглядом заставляя Кира есть плов.

Я сделала опасную вещь — растерялась. Рука дернулась к безымянному правой руки, откуда я стянула кольцо, когда Кир за мной заехал, чтобы вместе отправиться к бабушке. Бабуля выжидательно изогнула бровь, я бросила взгляд на брата, заметившего это мое движение, и с трудом собралась, от вида того, как его перекосило.

— Нет, бабуль. Нет у нас нормальных женихов. — Ответила я, грустно вздохнув и старательно изображая печаль. Чувствуя, как от Кира волнами расходится злость.

— Ага, скоты одни. — Буркнул Кир, отпивая чай.

— Кирюша, не выражайся! — Сурово произнесла бабуля и тут же обратила ласковый взгляд ко мне, — Ксюша, вот у бабы Зины, помнишь ее?.. На Школьной тут живет. Вот у нее внук недавно развелся. Умный, работающий...

— Бабушка, ну не надо, а!.. — взмолилась я.

— Так я же ни на что не намекаю! — Всплеснула руками бабушка, и перевела взгляд на Кира. — А еще у ее сестры внучка есть, Кирюш, она такая умница...

— Красивая? — Кир старательно сделал вид, что заинтересован, только я понимала, что мне кирдык.

Позже, пока бабуля разговаривала по телефону со своими подругами зазывая их на чай (разумеется, вместе с внуками), Кир зажал меня в коридоре и пристально глядя в мои растерянные глаза, змеей прошипел:

— Это что за движение такое было, а? Он тебе предложение сделал?

— У тебя крыша, что ли, уехала? — но я готова была к такому повороту событий и смотрела в злые родные глаза холодно и спокойно. — Кирилл, не параной.

С трудом выдержала испытывающий взгляд, и хвала богам, что в этот момент к бабуле ввалился сосед дядя Федя, чтобы с нами поздороваться, и у Кира не было возможности устраивать мне допрос, потому что дядя Федя, явно обрадовавшийся тому, что он оказался первый на очереди первым на очереди, чтобы пристроить внучку в нашу семью, достал из-за пазухи бутылку самогона, и я сразу перестала интересоваться Кира. Как и милая девушка за спиной дяди Феди.

Вообще, бабуля всегда пыталась сосватать нас внукам и внучкам своих многочисленных подруг, друзей и соседей. Раньше мы с Киром даже покорно выносили пытки сватанья, когда гостили летом у бабули. И даже очень терпимо это сносили уже в старшем возрасте потому что бабуля всегда все близко к сердцу принимала. Поэтому ни о чем не знала. О разводе ей по телефону сказала мама. А потом мы с Киром мчались с другого города, потому что у

бабушки случился инфаркт. Когда чуть не посадили папу, то второй.

Сейчас мы с Киром приезжали реже и старались вообще ни о чем не рассказывать, терпеливо сносив все попытки сосватать нас и покорно ходили с ней в церковь.

Вечером, засобиравшись домой, мы были вынуждены загружать тюки с едой в багажник Кировского Лёхуса и прощаться с половиной деревни, в том числе и с потенциальными женихами-невестами. Причем «невеста» Кира явно была бы не прочь стать невестой в действительности, Кир сам об этом поведал, минувшей ночью ввалившись домой и вытаскивая солому из одежды, пьяно хихикая пересказывал мне прелести деревенской романтики и посоветовал эти самые прелести опробовать, а то вдруг тот мой «жених», так и невпихнутый мне бабушкой за два дня, что мы у нее гостили, моя судьба.

Заваливаясь на диван буркнул, что Лисовскому не расскажет. И очень надеется, что все же сосватанный бабулей «жених» действительно моя судьба, а не «эта твоя беспринципная падла. Надеюсь, сумасбродство у тебя пройдет без катастрофических последствий... иди на сеновал с этим Гошей, может быстрее пройдет, а то подвисла на этой сволочи...». Я шикала на него, с тревогой косясь на дверь спальни бабушки и угрожая облить его самогоном дяди Феди и поджечь, если не заткнется.

— У дяди Феди знатный самогон! — фыркнул Кир, переворачиваясь на живот. — Я себе выпросил пару бутылок. Люблю деревенскую жизнь и чего мы с тобой так редко сюда приезжаем... На старости лет перееду в деревню, куплю себе самогонный аппарат и буду счастлив... А ты будешь приезжать ко мне с племяшами, а я их на корове катать... свят-свят, только не от Лисовского племяши пусть будут... Ксю, иди «жениха» опробуй, а?.. мне на душе будет спокойнее... Гандончики вроде в бардачке остались... А нет, не остались, Света уж слишком хороша была... Блять, вроде и в баню сходил, все равно задница от этой сраной соломы чешется... Точно, гандончики кончились, потому что я еще в тракторе хотел, а их уже не было, пришлось домой ее провожать, она мне веноч по дороге сплела, красивый такой... Через сараи шли, я в какахи коровьи наступил... Ладно уже к дому ее подходили, она мне тапки дала резиновые... Найки пришлось выкинуть, в розовых тапках домой пришел... Пиздец. Обожаю деревню.

— Знатный самогон, Кир, давно не видела, чтобы тебя так несло... — хихикая в подушку, выдала я, глядя на своего убитого брата, заложившего руки за голову и счастливо улыбающегося с закрытыми глазами.

— Вообще знатный! Столько приключений... — широко зевнул Кир, поворачиваясь на бок и обнимая подушку. — Добавлю цианистый калий и подарю бутылку твоему Лисовскому...

Я закатила глаза, но не ответила, думая, как бы отписать Ромке грамотно, чтобы он прекратил меня возбуждать пошлыми смсками, ибо разрядку я получить не смогу сейчас, и сделать те фотки, которые он просит тоже. Ночью мне снился сплошной разврат, день прошел напряженно, и когда настал момент прощания, я уже едва не была.

Четыреста километров до города в аромате пирожков, шуточек и любимой музыки, под периодические смс от Ромки, сказавшего, что уже задрался ждать, и Кир парализованная улитка, а мне впервые за долгое время было хорошо и спокойно.

До момента, пока брат подъезжал к моему подъезду, возле которого стоял черный Мерин Лисовского и он сам, курящий у капота и роящийся в телефоне. В салоне повеяло холодом. Я, стараясь сделать вид, что все нормально, попрощалась с братом, подхватила

сумку и пошла навстречу Ромке. Который дернул меня на себя и впился в губы еще до того, как Кир уехал.

— Зачем ты его бесишь? — негромко спросила я, глядя вслед машине Кира, выезжающей на трассу с визгом шин и небольшим заносом.

— Да плевать мне на него. — Закатил глаза Лисовский, забирая у меня сумку и подталкивая к пассажирской двери. — Я по тебе соскучился, поехали.

Ночи было мало. Вообще что-то дикое. Два дня всего не виделись, но меня аж скручивало, если он хоть немного отдалялся. Уснули, когда уже светало.

Дни неслись вперед, и все было в принципе хорошо. Насколько возможно в этой ситуации. А потом Лисовский начал давить. Очень интересным способом — он надел кольцо. Себе. На безымянный.

Я не носила его кольца. Он делал вид, что ему это безразлично. Но только вид. Я уже понимала, что дальше так продолжаться не может. Что он хоть и терпит и с пониманием относится к моей трусости, но у него тоже есть предел. И он начал давить. Я вполне себе четко осознавала, чем это продиктовано, понимала, но и набраться смелости чтобы сделать то единственное, после чего начнется пиздец, тоже не могла. Это подкашивало. Заставляло совесть колоть каждый раз все болезненнее и болезненнее. Сейчас он завалился в мой офис и сидел напротив, погрузившись в документы, которые я просила его перепроверить.

— Тебе не кажется, что это лишнее? — наконец выдала я нервозно глядя в его ровное спокойное лицо.

— М? — Ромка оторвал взгляд от бумаг и вопросительно приподнял бровь, изображая недоумение. Только в глазах заплясали серебряные черти.

— Я про кольцо. — Отложила бумаги на стол и откинулась в кресле, с трудом сдерживаясь от желания скрестить на груди руки. — Про кольцо у тебя на безымянном правой руки.

— А, это... — едва сдержался, чтобы не заржать и снова углубился в документы. — Вообще побрякушки не люблю, а тут что-то удержаться не смог. Нравится? Могу тебе такое же подарить.

— Ром, ты давишь.

— Чем?

— Лисовский...

Он заржал, отложил документы и откинулся на спинку кресла, с удовольствием глядя на напряженную меня.

— Не-а, совсем не давлю. — Прохладно усмехнулся. — Я же тебя не заставляю кольцо носить, не носишь, да и хрен с ним. Когда-нибудь все равно оденешь.

— Ты носишь.

— И что?

— Зачем?

— Нравится.

— Зачем?

— Бабы проходу не дают.

— Зачем?

— Могу на другой палец одеть. А нет, не могу.

Я выдохнула прикрыв ладонью глаза и покачав головой.

— Мы говорили о статусе-кво...

— Угум. Все в прежнем режиме. Ты со мной, я с тобой. Что тебя не устраивает?

— Бесполезно, да?

— Разумеется. — В глазах так долго не появлявшаяся прохладная ирония, резанувшая по мне очень остро. — Да ладно, чудо, не ной. Но кольцо не сниму.

— Это давит, Ром.

— Чудо, ты какая-то неправильная. По мне, так девушка радоваться должна, когда ее мужик во так сам под венец лезет, нет? Чего ты ворчишь? Радуйся.

Я убито покачала головой, не переводя на него взгляда. Повисла гнетущая пауза, бьющая по напряженным нервам.

— Так, ладно, с этим я позже разберусь. — Он отложил бумаги и встал с кресла, подхватив полупальто. — Едва не забыл о важной встречи. Меня дождись, с работы заберу.

И ушел, оставив во мне смутное чувство тревоги.

Лисовский успел как раз вовремя. Свернул на парковку отеля, когда Зорин уже закинул сумку с вещами в багажник своего Кайена.

Саша оценивающе пробежался взглядом по автомобилю Лисовского и съехидничав, что Рома наконец-то дошел до мысли, что пафос тоже должен быть практичным, поздравил с покупкой.

— Как сын? — Рома приоткрыл окно и достал пачку сигарет, бросил взгляд на разом посерьезневшего Сашу.

— Нормально. Врачей адекватных подогнал, сейчас хорошо, слава богу. Ольга вообще... Я хую с нее, короче. О таком и умолчать. — Зорин недовольно прицокнул языком и тоже достал сигареты. — Типа я хуй с горы. Пиздец.

— Послала тебя?

— Как всегда. — Саша зло сплюнул в окно и недовольно повел уголком губ, глядя в ту часть парковки, что была скрыта вечерним сумраком. Вздохнул и негромко произнес, — пацан растет как по часам, большой такой уже...

— Тебя признает?

Зорина резануло. Рома прохладно усмехнулся, стряхнул пепел и отвел взгляд от профиля Саши.

— Признает, только как бы... хуй знает как объяснить. Знает что я папа, Ольга не препятствует, только я... Не знаю, Вадимыч, не знаю я как это объяснить. Просто чувствуешь, что он... не чувствует. Я срываюсь сюда часто, на два города живем. Ей говорю, мол, мозги не делай, переезжай обратно. Она мне типа, нахер надо, будешь вокруг коршуном постоянно крутиться, и все будет только так, как тебе надо. И что? Я же ничего плохого для них не хочу, как это не понимать можно? Три года мозги и нервы делает... В пизду, реально уже мысли грешные появляются.

— Сан Михалыч, ты о сыне подумай для начала. — Негромко посоветовал Лисовский, отклоняя входящий от Кирилла и написав смс, что перезвонит.

— О нем и думаю. — Саша закрыл окно и откинувшись на сидении, прикрыв глаза, перевел тему. — на Московскую выставку поедешь в феврале?

— Надо бы. Пока не знаю. На Питер рот разинул, тоже в феврале. Ты поедешь?

— Хрен знает. Пока с отцом бодаюсь, одни препоны за другими. — Зорин с силой провел ладью по лицу, снова подкурил и раздраженно продолжил, — не дает мне к «Агрострою» подползти и все. Десять лет уже кровь мне с этим пьет, боится, что на всю сеть

дочернюю рот разину... Говорю ему, что мне нахер твой «Сокол» не усрался, дай в «Агрострое» похуевертнуть, а он не верит. И мне сделать что-то ему совесть не позволяет. Ну, что-то интересное, имею в виду... Блять, извечная проблема отцов и детей.

— У тебя же куплена доля уставного капитала в «Агрострое», нет? — Рома задумчиво посмотрел на Зорина.

— Угум, а толку? Хочешь, тебе перепродам? — Хохотнул Саша, скосив на него взгляд. — Это все что у меня там есть, и смысла от этого почти никакого, учитывая процент, а ближе подобраться отец не дает. Вот в столицу в феврале мотану, там Доронин должен быть, с ним подружусь. Попробую так ... может, выгорит.

Рома едва заметно покачал головой, глядя в ровный четкий профиль Зорина и потянулся за пачкой сигарет на приборной панели. Взгляд Зорина зацепился за его пальцы и он негромко хмыкнул:

— Да тебя поздравить можно? Чего на свадьбу не позвал-то?

— Не было еще. Позову, не переживай.

— Не было? В курсе, что до свадьбы обручалку носить плохая примета?

— Спасибо, баба Шура, что бы без твоего совета делал. — Фыркнул Рома, выдыхая дым в окно. — Собственно, у меня к тебе вопрос: есть нормальный адвокат на примете? Мой ссучился по ходу. Пробивают его еще. Но я интуиции всегда доверял и с ним работать не стану, даже если не наруют на него ничего. Армию возглавить некому, а воевать придется, видимо.

— Был у меня адвокат. Да сдулся, ибо нехуй дурь боготворить десятилетиями. Здоровье подкачало, с больниц не вылезает, из всех тем вышел, а так зверюга была мощная. Жалко аж. Был игроком Фемиды, стал игроком Фортуны. Эх... — Зорин задумчиво посмотрел на Рому. — Или погоди... есть друг один, он там себе адвоката взрастил нехерового. Ну, в смысле проспонсировал ему обучение, свел с кем надо, и получил очень серьезного спеца. Могу спросить, если надо.

— Надо, Саня, очень надо. А то не женюсь. А сил нет, как... надо. — Усмехнулся Лисовский, включая дворники и смахивая с лобового тонкий налет снега.

— Конкуренты?

— Ты слышал про «Тримекс»? Нет? Да ладно? В бункере, что ли, живешь? — Рома тихо рассмеялся посмотрев на Зорина. — «Тримекс» теперь есть и официально мы все еще конкуренты. Официально, да и по факту, а так... Тема работает, это главное. Однако, моя девочка там на передовой стоит и ебануть по ней в любой момент могут, а за ей очень много того, чего я отдавать бы не хотел... — Лисовский тихо рассмеялся, стряхивая пепел и глядя за его полетом. — В оппонентах клан целый. Злобных идиотов. Вот дернуть надо девочку.

— Клан? Да ну нахер... «Радон»? Ты запал на дочурку этого... как его, блять... Романыч, да ты Ромео! — Зорин заржал, глядя на друга с безудержным весельем. — Ты же помнишь, что там у Шекспира их отношения длились три дня и по итогу погибло шесть человек? Ты как? С выхлопом ее дернуть хочешь, да? Раз армию готовишь? Переплунуть тезку задумал?

— Зорин, я у тебя про адвоката просто спросил. — Лисовский закатил глаза.

— Да ладно, делись давай. Может, подскажу что... Чай не на одном поле воюем. Как ты там сказал-то... синергия, то да сё, и все дела. Кстати, мне по оборудованию надо с тобой потрещать, ты ж с немцами еще сотрудничаешь? Мне бы повторить ту линию, в том году которую брал. Но это потом, колись, Ромео по поводу Джульетты.

— Зорин, отъебись, мне просто секундант нужен. Заряженный и мозговитый, чтобы мог зверьем рулить и умел подчиняться при этом. Есть такой?

— Ну, был идеальный вариант, да сплыл. Сказал же, есть у меня у друга личный адвокат дьявола, пробью тему, сведу. Ладно, не хочешь говорить, не надо. По поводу оборудования...

— Тебе прямо те же линии надо? Могу с бельгийскими, они там тему с прессованием переняли, ошибки немцев учли. Выходит дороже примерно на.... Сейчас... двенадцать и три... нет, четыре десятых процентов с учетом конвертации и заебов по импорту, однако если тебе качественно надо, а не для отмывов...

— Отмыв, Романыч. С бельгийцами я к тебе подкачу тогда позже. А пока отмыв...

— Тогда стандарт — Китай. Схему засветить?

— Чужое не пользуем, брат, давай по основным моментам, где я поймать смогу. Госзаказ у меня.

— Пф, считай, деньги подарили. Сейчас... — Рома потянулся за планером на заднее сидение, попросив достать Зорина ручку из бардачка.

Рабочий день двигался к завершению и чувство тревоги нарастало. Его знатно подкрепил Кир, ворвавшийся в мой кабинет. Я озадаченно смотрела на явно злого брата, пинком закрывшего дверь и через пару мгновений развалившегося на диване.

— Надо же... — Кир прищурившись, смотрел на мою руку. — Без кольца. Я еще у бабули заметил, как у тебя рука задергалась, когда она там про жениха заговорила...

— Кир? Ты о чем? — ощущая, как сердце ускорило ритм, осторожно спросила я, с трудом подавив инстинктивное желание убрать руки под стол.

— О кольце, родная. О долбанном кольце. — Я похолодела под его злым взглядом. — Лисовский заявился в «Радон». На пальце кольцо. У меня крыша стартанула. Думаю, как же так? Сестренка замуж вышла и не позвала, надо выяснить у нее, каковы причины, что она смолчала о таком великом событии.

— Кир, успокойся, не вышла я замуж...

— Но предложение он сделал, верно?

— Кир...

Он понял, что ответ положительный по моему помертвевшему лицу. Резко побледнел, глаза полыхнули яростью и я подавилась своей попыткой объяснить.

— Не соображаешь, да? Совсем не доходит, Ксю? — разгневанно прошипел он.

— Блядь, да успокойся нахуй! — неожиданно даже для себя взорвалась я, напряженно глядя в просто озверевшее лицо брата.

— Я объясню, Ксю. Я тебе сейчас все четко по полочкам разложу. «Тримекс» ему нужен, блядь! «Тримекс», а не ты!.. Ты прикинь ситуацию на рынке! У нас договоренности на месяца вперед, еще четыре тендера впереди, и они проплачены уже, отойдут не «Радону» и не «Легроиму», а «Тримексу»! Весь рынок отдан «Тримексу»! Ты знаешь, сколько бабок вбухано и сколько в откатах придет?

— Да он вообще из него выйти хотел! Кир, Блядь! Прекращай! Не суди о человеке, пока его не знаешь!

— А чего же не вышел-то? Чего не вышел? Твоя благородная натура воспротивилась, да? Типа у вас же любовь и доверие и такая его жертвенность такая ни к чему? Ты, блядь, не соображаешь, почему он это предложил? — Кир пригвоздил меня взглядом к стулу и саркастично и злобно усмехнувшись произнес то, от чего я впала в полный эмоциональный

ступор, — а дай я угадаю — он про свой выход из учредителей сказал в момент, когда ты на эмоциях была? Ссорились там или трахались, на эмоциях короче. Угадал? Не тогда когда вы там тихо мирно чай с печенюхами пили, а когда у тебя крыша сорвана была, и когда ты не соображала никуя, потому что чувства разумом владели. В этот момент про учредителей слова прозвучали?

— Ты это к чему?.. — сглотнув, дрогнувшим голосом спросила я.

— К тому, что я тебе по полочкам обещал разложить, родная. Вот и раскладываю. Нет лучше варианта внушить человеку то, что тебе нужно, когда он это произнес сам. Смекаешь? Просто подведи его к этому, но произнести он должен сам. Человек сам произносит это. Произносит и теряет всякую способность мыслить рационально и логически смотреть на ситуацию. Это беспроектный вариант манипуляции. Когда не ты говоришь человеку, мол, я очень честный, а когда твоя жертва сама произносит это и вуаля — тебя никогда и не при каких обстоятельствах подозревать не станут, даже если это будет очевидным, ибо жертва сама сделала вывод, ничего ты ей не внушал, она сама это сказала. Верить ему безоговорочно, да? Потому что ты сама уговорила его остаться! И у тебя сомнений не возникает, ведь это ты его уговорила! Знаешь, что бы я сделал на его месте, чтобы доказать чистоту своих намерений?! Я бы, сука, вышел из состава! Но если хотел бы влюбленной девочкой повертеть, то, разумеется, пизданул бы про учредителей в момент эмоций, а потом такой «ну ладно, раз ты просишь, любимая, конечно, я останусь!» и все, нахуй! Мой образ чист и непогрешим, я в королях с очень мощной фигурой безоглядно преданной мне! Ты задумайся, блядь! На секунду отключи эмоции и поставь себя на его место! И подумай, чтобы сделала ты, в доказательство того, что тебе нужен именно человек, а не связанные с ним перспективы. Хочешь, подскажу? Ты бы вышла из состава учредителей — это единственный вариант доказать, что это не манипуляция. А так да, конечно, ты сама его уговорила, и следом получила предложение руки и сердца, верно? — вот тут я обомлела, а Кир криво усмехнулся. — На эмоциях же девочка, значит, прокатит, и он станет просто святым в ее глазах! Ты поразмыслий. Сутки тебе даю. Потом воевать начнем, раз ты никуя не врубаешься в происходящее. Пусть кольцо снимет, шакал, рано победу празднует... А, нет, это чтобы на тебя надавить же, а не празднование победы. Ты же не согласилась еще, верно? И тебя очень коробит, что он кольцо носит, а ты пока не можешь, да? Коробит? Это тоже манипуляция, родная. — Кир поднялся, накинул куртку на плечи исподлобья глядя на меня, тихо повторил, — одни сутки тебе, чтобы выяснить для себя все и постараться прийти в себя, чтобы посмотреть на ситуацию трезво. Давай, Ксю, мы с тобой одной крови и я верю, что мозги у тебя все же есть. За семью бороться надо, сестренка.

— Что-то случилось? — ровно поинтересовался Лисовский, поворачивая машину к своему дому.

Я прикусила губу и ответила, что все нормально. Он припарковался, но терпеливо ждал, пока я докурю. Я смотрела перед собой, ощущая только растущее внутри напряжение и ничего больше.

— Ты был сегодня в «Радоне». — Негромко произнесла я.

— Был.

Ответил ровно и спокойно, будто я спрашивала, заезжал ли он на заправку. Что-то из разряда естественного и обычного, само собой разумеющегося.

— Зачем? — с трудом сглотнув, задала я тот самый, основной вопрос.

— Потому что пора. — У меня замерло сердце. Болезненно и на долгие доли секунд парализовав дыхание.

— Ты... ты сказал отцу? — прикрыв глаза, задала вопрос, на который так боялась услышать ответ.

— Да.

Все оборвалось. Внутри просто все оборвалось, и я стиснула челюсть, чтобы не дать прорваться испугу и мату. На него посмотреть не могла чисто физически, мышцы сковало то же напряжение, что внутри стянуло органы в тугий ком. Выдохнула с трудом, расцепила зубы. Достала дрожащими пальцами вторую сигарету, глядя себя в колени и срывающимся шепотом, спросила:

— Почему... он мне не позвонил? И вообще никак не отреагировал?

— Потому что разговор был поставлен так, что решать вопрос мы будем между собой. Пошли домой, жрать хочу. — И снова тон ровный и спокойный, будто ничего такого из ряда вон не случилось.

— Ром подожди. Расскажи... — метнула на его профиль испуганный взгляд, и меня почему-то успокоил его зевок и то, что он рылся в телефоне. Немного, но успокоило.

— Нечего рассказывать. Вопрос решится, я гарантирую. Ты сюда не лезь. — Прозвучало как-то... грубо, что ли. Лисовский осознал это сразу, смягчился и совсем другим, тоном добавил, почти ласково посмотрев на меня. — Все будет хорошо, Ксень. Не переживай. Все разрешится максимально адекватно. Просто не вмешивайся.

— А папа... он же может позвать меня на разговор и... — жалко прошептала я, не в силах отвести взгляд от его лица, сама понимая, что трусливо прошу защиты. Позорище.

— Не позовет. Говорю же, между собой решаем, нормально все. Все будет нормально. Пойдем, Ксень.

Пошли. Он листал пультом каналы телевизора, притянув меня к себе на диване, и глуша виски, пока я невидящим взглядом смотрела в пол, и сжимала в руках молчащий телефон. Ромка прицокнул языком, подал мне бутылку и фактически заставил выпить. Он ничего не расскажет — это я сразу поняла. Меня тревожил до безумия сам факт того, что мой телефон молчал. От виски немного развезло. Я покорно позволила утащить себя в спальню, но приставать Лисовский не стал. Он всегда как-то понимал, как-то чувствовал, что мне нужно, поэтому просто обнял и прижал к себе. Уснул довольно быстро.

Я слушала его мерное дыхание, чувствовала ровное биение его сердца, ощущала тяжесть его тела, это действительно успокаивало, но уснуть я не могла.

Ромка ошибся — папа позвал меня на разговор. В третьем часу ночи мой телефон завибрировал, оповещая о входящем сообщении. От папы.

«Ты дома?»

«Нет» — дрожащими пальцами набрала я, прикусывая губу до боли и боясь того, что он спросит где я. Но произошло гораздо худшее:

«Ты у него?»

«Да» — ответила не сразу. Осторожно, максимально осторожно высвободилась из под Ромкиной руки и неслышно ушла на кухню на негнущихся ногах. Чтобы там едва не сползти по стене, о которую оперлась спиной при следующем сообщении от папы:

«Будь добра, через 30 минут спустись»

Он не спросил адрес, он его знал. Почему-то, только эта мысль билась в моем полыхающем мозгу, пока я курила на балконе и напряженно смотрела вниз. Папин черный

Круизер приехал через двадцать три минуты. Я, подавив тупую женскую истерику, запахнув шубу, вышла с балкона пожарной лестницы и вызвала лифт, одновременно посылая папе сообщение, что спускаюсь.

У капота дымил сигаретой папин водитель, он приветственно кивнул мне и я, судорожно выдохнув, распахнула заднюю дверь.

Папа молчал. Смотрел отсутствующим взглядом в окно, подперев висок двумя пальцами. Я сжалась на сидении, хотелось казаться максимально маленькой и незаметной, потому что тишина давила. Била по мне, загоняла на дно.

— Кирилл знал? — негромко и очень ровно спросил папа, все так же не глядя на меня.

— Думаю, догадывался. — Ложь далась не сразу, сорвалась ровно с онемевших губ.

— Значит знал. С ним отдельно поговорю, как объявится. Сучонок струсил, трубку не берет и в блядюшниках его нет... Хотел ему «Радон» отдать, ага, как же... — Папа тяжело вздохнул и прикрыл глаза, убито покачав голов и едва слышно произнес то, что болезненным ударом хлыста ударило по мне. По сердцу, по душе, по кипящему от страха разуму, — господи, неужели у меня вообще нет адекватных детей...

— Папа... — почему-то хотелось зареветь. Я вжалась в дверь, напряженно глядя в его профиль.

— Щенок выдвинул условия, Ксюша. Хочешь, я тебе их озвучу? — и тут он посмотрел на меня.

Это тот самый взгляд. Взгляд, которого я так боялась. Разочарование.

— Па... — хрипло прошептала я.

— Все очень просто: либо я даю добро на вывод тебя из учредителей, так сказать, отдаю ему и тебя и чертов «Тримекс», либо он сообщает антимонопольной всю схему распила и у вас обоих летят головы, ты же гендир, а он тебе продавал, а я так, в сторонке стоял, смотрел. И так же останусь и буду смотреть, когда вас антимонопольная свежевать будет. Если тебя и «Тримекс» ему не отдам. Не подскажешь, что мне выбрать? Я с тобой никогда не советовался, вот настал тот самый момент. Так что мне делать, Ксюш? Отдать шакалу мою дочь и весь рынок, или наблюдать, как он сядет и потянет тебя за собой? Вот думаю-думаю, никак придумать не могу. Есть соображения на этот счет?

— Пап... — я отвела взгляд, прикусив губу и стараясь прервать нарастающий шок. Он не мог это предложить. Не в такой формулировке. Он бы не стал. Это не он. Продолжила жалко и несмело, — ты уверен, что...

— Ах да, мы же тут доказательства всегда требуем. Видео, аудио, да? — Меня заморозило от легкого эха злости в его голосе. — Я не поверил, Ксюша. Я ему не поверил, когда он заявился. Когда ушел, запросил данные с твоего и его телефона. Записи разговоров, сообщений, фото. Видео. Знаешь же, да? Что данные, даже удаленные, при определенной сноровке и связях можно получить, даже если они удалены. — Папа глубоко вдохнул и выдохнул. — Диктофон включил после первой же его фразы: «война окончена, переговоров не будет, слушай мои условия». О, как. Дай, думаю, запишу шакалью волю, потом посмеюсь хоть. Он рассчитывал на то, что ты мне не поверишь, когда я тебя дерну на разговор. И расчет хорош — ты бы и не поверила, что бы я тебе не сказал, сейчас я в этом твердо убежден. Он тебе какую сказочку рассказал? Что пришел ко мне и заявил, отдавай, мол, свою дочурку у меня с ней любовь, да? Про «Тримекс» и угрозу тебя посадить он умолчал, верно? И ты бы мне не поверила, ты же влюблена. В очень продуманного расчетливого шакала. Только он погорел на том, на чем ты погорела перед ним. На записи. Хочешь

послушать?

— Хочу.

Произнесла не я. Произнесло то, что село на трон моего разума, пока мою душу сжигало в стыде, отчаянии и неверии. Пока пыталась пробиться наивная бабская надежда, вера, что такое исключено. По крайней мере, именно в той формулировке, которую произнес папа. Но надежда была казнена.

Папа включил запись. И голос Ромки я сначала не узнала. Я очень давно не слышала этого льда, высокомерия, леденящей иронии. Но это был он. Каждое слово его. Каждое слово требования и угрозы, если отец воспротивится. Если не отдаст ему «Тримекс» — это основа. Это ебучая основа в том пиздецовом разговоре. Про меня было сказано мало. Очень мало. *«Выведи ее из «Тримекса», для начала, Егор Иванович»*. И это все. А дальше сплошные переговоры о процентах, долях, исходах. А нет, еще был аргумент с моим упоминанием. Длинный и очень красивый, суть которого действительно в том, что я сяду. Если Лисовский не получит того, чего хочет.

Какой-то нереальный пиздец. Я даже не поняла сначала, почему кожу лица холодит. Зависла, когда прозвучал хлопок двери и все стихло, потом запись оборвалась. Оборвалась, как и все внутри. Окончательно. Все встало на места. Чего можно было ждать от человека с таким уровнем интеллекта, позволяющим играть на равных с матерыми зверями? Играть и обыгрывать? Там все методы хороши... Нет, я не дура, я верила, что у него были чувства. Правда, верила. А еще верила в то, что он вожак своего прайда. Идеальной стаи, и Лисовский был бы не Лисовский, если бы... как он там выразился в тот день? В тот самый день, когда я впервые была на переговорах «Легроима» и «Радона»... Я бежала за ним потом, после переговоров. И он сказал мне тогда, на парковке одну очень емкую фразу — «судьба интересно поворачивается иногда, моя задача обыграть эти повороты себе на пользу». Нет, он любит меня, я твердо это знаю. Но и поймечь с этого он тоже хочет. И поймечь нехуево, судя по словам Кира. По словам моего брата, расписавшего мне, ебанутой наивной овце, что на самом деле происходит...

Странное дело — я рассмеялась. Кратко и хрипло. И ничего не почувствовала. И больше я ничего не хотела чувствовать. Ничего и никогда.

— Пап, отвезешь меня домой? — Очень ровно и спокойно спросила я, глядя в окно, за которым снова тихо падал снег.

— Ключи...

— Нет, не ко мне в квартиру. Домой. Можно я сегодня переночую дома, пап? — мой голос дрогнул и сорвался, лицо скривилось, и я уткнулась взглядом себе в колени. — Можно?

Папа порывисто выдохнул, пересел ближе. Просительно коснулся локтя. Мой папа, которого я предала. Раз за разом это делала. Просительно коснулся моего локтя. И не смело притянул мое дрожащее тело к себе.

— Сначала думал голову тебе открутить. Потом ему. Затем до меня дошло... что вина в этом всем только моя. Так что... так что прости меня, Ксюш. Пожалуйста, прости меня. Я виноват. Так виноват перед тобой... — его голос тоже дрогнул, и мне стало... хуево. Нет, не снова. На этот раз до того самого предела, который я еще не достигала.

Предала. Я его предала. Кира предала. И папа имел бы полное право открутить мне голову за это, сослать в Европу куда-нибудь подальше, перестать разговаривать, перестать вообще всё... а вместо этого он прижимает мою голову к своему плечу и снова это чувство...

как в тот страшный день, когда он в свой день рождения плакал и просил нас с Киром его простить, что он во всем виноват. Я его предала, а он говорит, что он в этом виноват... Папа... Господи, прости меня пожалуйста...

— Пап, как с этим быть?

— Как?.. Не знаю до сих пор, честно. Жить надо с этим, дочка, с этим придется жить. Разочаровываться в людях всегда тяжело, я знаю. Не первое твое разочарование в людях... Ксюш, это страшно прозвучит, но скорее всего не последнее. Только легче с каждым разом не будет, просто жить как-то надо с этим.

— Нет я... про «Тримекс».. как с «Тримексом» решить, если...

— Давай подумаем об этом позже. — Папа вытер мои слезы чуть дрожащими пальцами. — Да? Домой же едем. Ну их нахер все эти проблемы на сегодня. — Папа приоткрыл окно и позвал водителя, — Дима! Поехали.

Папа сидел рядом со мной. Почему-то вспомнился момент из детства. Я всегда очень боялась стоматологов. Ходила только с папой. Он не отпускал мою ладонь и только это помогало подавить у меня желание разрыдаться и уговорить папу ехать домой. Еще говорил... «ты же моя дочка, принцесса. Мы же ничего не боимся, так?». Так. Не боимся, пап. И я твоя дочка.

За окном проносился город, ветер метал поземку по пустому шоссе, папа держал меня за руку. А я... я ехала домой.

Глава 13

В принципе, все последовавшее далее, следовало ожидать.

Я приехала домой. Дома и стены помогают. Да. Только не в моем случае. Я сидела в своей комнате и тупо пялилась в окно. Телефон молчал. Молчал до утра и весь следующий день. Внутри в ту ночь рухнула дурацкая бабская надежда, что Лисовский примчит на черном коне и захлебываясь слезами и соплями воспевает оду о любви ко мне с попутным пояснением, что все, что я услышала, полная дичь и у него есть оправдание. Ага, надежда на это рухнула, так и не успев родиться.

Ночь без сна. Знала, что папа тоже не спал. Слышала, как бродит по дому. У него всегда начиналась бессонница, когда он сильно переживал. Всегда. Моменты, когда это случалось можно по пальцам пересчитать. Я горько усмехнулась и подтянула колени к подбородку, чтобы положить на них чугунную голову.

Услышала, что он поднимается по лестнице и почему-то торопливо рухнула на бок, почти с головой укрываясь одеялом и притворяясь спящей. Не могла себе объяснить почему это сделала.

Скрип двери, полоска тусклого света из коридора. Его тихий неровный вздох и он неслышно затворил дверь. Пришел проведать свою принцессу. Преданный и проданный мной. Мой папа. Переживающий за меня. Подавила порыв разрыдаться. Хватит. Нарыдалась. Нужно думать.

Нет, апатии на это раз не было, хоть и Лисовский снова пробил меня на вылет. Фокус в том, что острое, прошившее меня насквозь ткнуло в мою семью и безвольно трепыхаться, нанизанная на его оружие, я не могла. Ни имела на это никакого права.

У меня было чувство стыда. Бесконечное, отравляющее чувство стыда за себя, за то, кто я такая. Как поступила. И что вообще натворила. Чувство обиды. И к утру обрела твердые

очертания мотивация. Желание защитить. Искупить свою вину. Хотя бы попытаться.

Спускалась к завтраку я абсолютно спокойной. Папа так и не прилег. На кухне мельтешила тетя Наташа, папина домработница, очень обрадовавшаяся моему появлению. Она что-то говорила, весело и вежливо, я добродушно ей отвечала, скользя задумчивым взглядом по осунувшемуся лицу папы. Я знала, что это субботнее утро явит мне что-то интересное. Папа всегда был папой. Особенно сейчас.

И он не заставил себя долго ждать.

— Сегодня ночью летишь во Францию. Ты же любишь Париж. Поживешь там пару месяцев. — Сказал твердо, ровно, спокойно, скользя взглядом по новостным лентам в телефоне. — Кирилл приедет через неделю. Отдохнете.

— Не полечу. — Негромко, но твердо ответила я, глядя на тонкую границу кофе на стенке своего бокала. — И Кирилл не полетит. Мы остаемся здесь, папа.

Я не знаю, что такого было в моем голосе. Может и ничего. Прежде папа бы настаивал, начал бы ругаться, но сейчас, бросив краткий взгляд на мое непроницаемое лицо, он промолчал.

— Не звонил? — он не хотел знать. Не хотел слышать положительный ответ. Это чувствовалось. Но и не спросить не мог.

— Нет. И не станет. Он все понял. Поэтому я остаюсь.

— Ксюша...

— Папа, я остаюсь. — Подняла на него взгляд, посмотрела твердо и уверенно. Не трудно. За прошедшую ночь это родилось, осталось и крепло с каждой секундой. — Я не поеду. Больше я тебя не предаю.

Папа отвел взгляд, досадно поведя уголком губ. Он хотел что-то сказать, но промолчал. Отчасти потому что подошла тетя Наташа и поставила на стол тарелку с ароматными сырниками, а когда она удалилась, между нами уже все было решено. Парадокс чувства вины и хрупкое подобие спокойствия витали в напряженном воздухе. И, наконец, это переродилось в согревающие ощущение доверия.

— Кирилл не объявился? — негромко спросил папа, снова не поднимая взгляда от экрана.

— Я думаю, он бухает. Он тяжело все воспринял, пап. Не наседай. За несколько часов до тебя приехал и все рассказал, я не поверила. Он тяжело воспринял мое... предательство. — Прозвучало как-то отрешенно. Я смотрела за стекло веранды в столовой, на тихо кружащие снежинки и чувствовала боль, текущую по венам и достигающую сердца, заставляя его стыдливо замереть. — Пожалуйста, не наседай на него. Он ни в чем вообще не виноват. Ни в чем. Пострадал только от того, что... я.

Папа едва слышно прерывисто вздохнул и у меня снова болезненно сжалось сердце, но я не отводила взгляда от веранды, думая, что если замечу хоть что-то в его лице, я потеряю все. Разревусь как жалкая девочка. Я больше не принцесса.

— Ксюша, прошу. Я так редко это делаю. Все приказы и приказы... Прощу тебя, уезжай. Хотя бы на месяц. Дочь...

— Позволь мне. — Едва слышно шепнула я. — Папа, я знаю, что делать. Точнее, чего мне не делать.

— Кирилл войдет в состав «Тримекса» вместо тебя и гендиром то...

— Кирилл не войдет в состав учредителей, Лисовский его сожрет. — Я все-таки перевела взгляд на отца, глядящего на меня впервые в жизни вот так. Задумчиво и

оценивающе. — Я его знаю, пап. И «Тримекс» принадлежит мне. Уставная доля, должность генерального директора, а он всего лишь соучредитель. Начну чистку кадров. В Уставе нет ни слова о том, что уволить кого-то без его согласия я не могу, ночью перепроверила. Начнет возмущаться, ссылка на трудовой кодекс, а мы не при крепостном праве живем, где все от барина зависит. Поведу его ключевых фигур под сокращение по причине проведения оптимизационных процессов внутри организации. Что-то из разряда перестройки производства, или реализации новой программы, допустим, предусматривающей снижение издержек на предприятии... Я еще думаю, как это грамотно оформить, время еще есть. В понедельник объявлю его ключевым фигурам об этом, положено же за два месяца уведомлять о грядущем сокращении... «Тримекс» мой. Я хочу, чтобы это не только он понимал, но, прости папа, ты тоже. И я «Тримекс» не отдам. Разумеется, для тебя я всегда буду прозрачна, буду советоваться и предоставлять любую информацию по первому требованию, пока окончательно не стану твердо стоять на ногах. Однако... «Тримекс» мой. И я никуда не поеду.

Он усмехнулся. Горько. Невесело. Почти зло.

— Я знал, что однажды вот это в тебе увижу. Что тебе когда-нибудь надоест придуриваться и ты возьмешься за ум. Знал. Но если бы я еще знал и то, какую цену за это придется заплатить, то тогда, на этот гребанный бизнес план с твоим магазином алкоголя я бы вынес совсем другое решение, а не скрывая восторг, пихнул тебя в юридический, а потом использовал как верного маленького солдата, своего серого кардинала, знающего свое место и докладывающего обо всем. Кирилл не потянул бы «Тримекс». Он слишком самоуверен, у него полное отсутствие самокритики и понимания, что если люди умнее его, то это вовсе не вызов или оскорбление, это повод быть очень осторожным и очень внимательным. То, что есть в тебе, и то, чего так не хватает ему. Поэтому в «Тримекс» я посадил не его. Кусать тебя Лисовскому было бесполезно, на провокации не поддашься, никуда не полезешь, манипулировать тоже бесполезно, потому что мало чего понимаешь, никуда не суешься, обо всем спрашиваешь и докладываешь. Я знал, что это рано или поздно спровоцирует вот это в тебе... надеялся, что самомнение Кирилла к тому моменту успеет спуститься с небес, я произведу вашу рокировку на местах, и, наконец, увижу, как моя маленькая принцесса захотела стать королевой. И дам ей возможность. Если бы я знал, Ксюш... Ты, может быть, уже была бы королевой. Сети алкогольных напитков. — Он фыркнул и удрученно покачал головой глядя в стол невидящим взглядом.

— Королевой «Тримекса» быть однозначно лучше, пап. — Я рассмеялась. Впервые легко и свободно. Протянула руку и накрыла ладонь вздрогнувшего папы.

А внутри снова больно — Лисовский увидел это раньше. И воспользовался.

Кирилл завалился домой в воскресенье вечером. Ну, как завалился. Появился красиво. Я, прячась за беседкой во дворе, курила и поглядывала на темные окна, боясь, что папа, после бессонных напряженных суток наконец уснувший в кресле перед телевизором в гостиной проснется и отправится на мои поиски.

Визг шин, звук удара и ворота покачнулись. Первая моя мысль была очень пугающей «Лисовский». Потом хлопнула дверь безвинно пострадавшего Лёхуса, послышался пьяный мат брата и я испугалась просто дикий ужас, осознав что эта тварь бухой за рулем каталась. Рванула на ватных ногах к воротам. Понимая, что такой дикой ненависти к брату я очень давно не испытывала. Успела вовремя. Кирилл только плюхнулся на водительское место и

еще не успел закрыть дверь, как я, злобно рыкнув, рванула его за ворот куртки, вытаскивая из машины.

— Пап, да нормально! Я почти трезв! — буркнул этот козел, когда я озверев тыкала его мордой в снег.

— Киря, ты сукан ебучий! — гневно прошипела я, тяжело дыша и отходя от него, чтобы он сел на подъездной дорожке и очумело посмотрел на трясущуюся от злости меня. — Ты же, падла, год назад Глеба хоронил, который по синьке в стол влетел и еще четверых за собой утянул! Твой лучший друг! Ты что, сука, подвиг повторить его решил?!

Кирилл чуть побледнел, ибо это воспоминание для него до сих пор болезненно и ставило запреты на все попытки сесть за руль в нетрезвом состоянии. Мою злость разбило осознание того, что у него внутри было, что он так...

— Ты что тут делаешь? — прищурившись в вечернем полумраке и с подозрением глядя на меня спросил он, вытирая растаявший снег с лица и с трудом поднимаясь на ноги. — Чего не с любовником своим? Почти мужем... Чего ты это тут делаешь-то?

— Стой на месте, сука пьяная. — Рывкнула я, скрывая, как сильно меня задел тот и факт того, что он приехал пьяный. К отцу.

Оттолкнула его от поврежденного автомобиля и сама села в салон, чтобы припарковать машину нормально.

Кирилл стоял. Пошатываясь. С подозрением вглядываясь в мое лицо, пока я выходила из его машины и закрывала ее.

— Пошли домой, холодно. — Бросила я через плечо, направляясь к двери ворот. — И тихо себя веди. Папу уговорила тебе башку не сворачивать за то, что ты знал обо мне и Лисовском, но ему не сказал. Если он сейчас увидит тебя в таком состоянии, а тем более узнает, что ты, придурок, бухой за рулем ехал, он тебя просто кастрирует.

— Ты сказала ему? — он остановился с неверием глядя в мою спину.

— Лисовской ему сказал. Пошли уже. — Я потянула озадаченного брата во двор.

В тот вечер мы с ним говорили долго и как никогда откровенно. Нет, мы всегда были близки. Но не настолько, чтобы я, захлебываясь чувством вины, сжавшись в кресле его спальни сдавленно рассказывала все. От начала и до конца. Не смогла только пересказать историю детства и жизни Лисовского, внутри как будто блок стоял, это ударяло по моей корчившейся от стыда и вины душе еще сильнее, но и снять этот блок я не могла. Кирилл от услышанного протрезвел где-то к середине моей повести. Закурил прямо лежа на кровати и присосался к бутылке стыбренной мной из бара отца, потому что если бы он сам пошел, то явно бы его разбудил.

— Ты его любишь. — Негромко произнес он, прикрывая глаза и выдыхая дым в напряженный полумрак его комнаты. — Я это даже сейчас слышу. Ксю... отец правильно говорит, выходи нахуй из «Тримекса». Тебя накроет и ты сдашься. Сама видела, на что он способен после всего что там между вами было. Не там ты мужика себе нашла. Пожалел, по головке погладил, сказал, что не тупая, это он молодец, конечно. Это то, чего из нас никто так и не сделал. Хотя должен был, потому что ты девочка, но... Так никто и не сделал. Здесь ему честь и хвала. Правда. Это я вот без осуждения. Ну, без его осуждения... Даже, сука, с чувством, ох блять, фух!... благодарности. Все, я это сказал и повторять не буду никогда в жизни. — Кир приподнялся на локтях и вперил в меня почти черный взгляд в темноте. — Ксю, я тебя люблю. Ты это знаешь. А еще знаешь, что я... грубоват. Не умею вот... не умею я, короче. Я тебя даже жалел как-то грубо всегда. Вроде сестренка же, маленькая совсем, а у

меня как-то не получается. Не умею. Наверное на мать похож... ну вот по бесчувственности к родному человеку... или нет, не настолько же я... мне как бы... блять, я даже как выразить не знаю. Мне плохо, когда тебе больно, но говорить я не умею об этом... Ты вот сейчас соплями умывалась, у меня внутри там... пиздец, а я вот лежу как дурак пластом и не могу... не знаю я это как. — Кирилл встал, слегка пошатываясь, подошел к двери на балкон, распахнул и выкинул сигарету, чтобы достать новую. — Я тебя всегда покрывал и в основном покрывал не из-за отца, просто потому что... ты моя младшая сестра. Я же тебе ни в чем никогда не отказывал. Не могу. Вот. — Кирилл повернулся и пошел обратно к постели. Сел на край разведя колени и опустив на них локти. Глоток бренди следом глубокая затяжка. И тяжелый взгляд мне в глаза. — К чему я все веду: у папы то же самое. Абсолютно то же. Я это знаю, потому что понимаю его эти реакции. Он же не дурак, прекрасно понимает, что ты там не белая пушистая и что я тебя покрываю и почему это делаю. И вот. «Тримекс». Ксю, папа просто тебе отказать не может. Потому что вину чувствует. Ты же ему про падлу не рассказала все, как мне, да? Он верит тебе. Тем более ждал этого твоего... пробуждения. А мне ты рассказала и я тебе вот какой вердикт вынесу, сестренка — обида у тебя, но любишь ты его все равно, а значит уступишь. Это сейчас там принципы прут, чувство вины. Только вот он тебя неплохо изучил Ксю, и интерес у него... не только в тебе. Вот это страшно. Вот тебе и ответ. Выходи из ебучего «Тримекса» и развязывай нам руки. Думай, родная. А я спать. — Кирилл отставил бутылку и протянул мне сигарету. — Выкини, пожалуйста, ноги уже не ходят...

Я напряженно поднялась с места, забрала его сигарету, затянулась, глядя в такие родные глаза.

— Я не выйду. — Тихо сказала я, твердо глядя в его глаза, так и не увидевшие главного. Повисшая тишина давила. Кирилл, наконец, прикрыл глаза и рухнул на спину.

— Пиздец, что еще сказать. Ладно, разгребу. Спокойной ночи.

Я выкинула сигарету с его балкона, подхватила бутылку и ушла к себе.

Ранним утром в понедельник Кирилл отхватил-таки от папы нехилых триндюлей. Я с удовольствием слушала, как папа пылесосит уткнувшегося мучительным взглядом в столешницу брата и тягала кофе. Так привычно, по-домашнему. Будто и не было пропасти времени между нами, непонимания и предательства. Бегло просматривала подготовленные минувшей ночью документы и едва не гыкала от удовольствия, когда папа выдавал особенно заковыристые обороты, и расписывал кто такой Кирилл и чего на самом деле он достоин. Нет, я люблю своего брата. Но больше всего я люблю вот эти папины обороты, я в эти моменты даю троллю в моей душе послушать мастера и подучиться.

Однако этот милый семейный скандал нам всем был необходим. Большой темы папа не касался. И все происходящее действительно вызывало ностальгию, что привносило некий покой в сердце. В сердца.

Однако мое все же тревожно забилося, пока папа вез меня в «Тримекс», а на заднем сидении мрачнел Кирилл, от которого волнами расходился не только запах перегара, но и напряжения. Лгать за несколько лет я научилась прекрасно и их очень успокаивало мое ровное и спокойное поведение, когда я продолжала листать бумаги и спрашивать очевидные вещи. Уже для меня очевидные.

— Ксюша... — припарковавшись у «Тримекса», начал папа.

— Все нормально. — Оборвала почти резко. Солгала очень естественно, — едва ли он

сегодня появится. Если появится, я сообщу. Сразу.

Разумеется, появится, я это знала. Разумеется. Сука, но не так же быстро.

Я только переступила порог, как меня сдали его шакалы. Почти сразу мне прилетела от него смс: «Спустишь на парковку».

Я думала, что я морально готова, но одеревеневшее тело, спотыкнувшееся на ровном месте подсказало, что не совсем. Я думала, что он явится сегодня, но где-то в середине, или под конец рабочего дня...

Разозлилась. Все уже решено. И все было решено, пока я не увидела его машину. Сердце предательски дрогнуло и мне стало за это стыдно. Твердо сжав челюсть я потянула дверную ручку.

В салоне пахло сигаретным дымом и его парфюмом. На меня не смотрел. Смотрел в лобовое. Тишину никто не нарушал. Напряжение внутри росло, било по нервам, пыталось участить дыхание и сердцебиение, спутать мысли. Я достала сигареты, приоткрыла окно. Никотин не успокоил.

— Твой отец... записал разговор, верно? — его голос. Он все еще тот. Те интонации. Которые только для меня.

Я промолчала. Не потому что там в обиду играла, а потому что... снова больно. Да что ж такое, блять...

— Сегодня Панфиловой, Гурову, Иримякову и Шваркину скажу, что они идут под сокращение. Возьми. — Достала из папки бумаги. — Планирую провести оптимизацию, здесь расписано, что и как...

Он усмехнулся, не переводя на меня взгляда, не взяв бумаги. Усмехнулся прохладно.

— Он записал. Это единственный вариант, почему у тебя такая реакция. Я еще подумал тогда, что телефон как-то странно лежит... что когда просто отклоняешь звонок, так его не кладешь. Хороший ход. — И только тут он на меня посмотрел. Сталь в глазах, холод, лед. Обрезало. Ударило. Наотмашь. — Людей моих чистить начала. Сама решила за копые взяться, али надоумили твари твои?

— С бумагами ознакомься, Ром.

— Надоумили. Снова ход верный. Ты единственная, против кого я не пойду, поэтому в сторону пытался увести... — Я невольно замерла, потому что изнутри прорывалась такой мощи надежда, что я испугалась. Что сорвусь. Сломаюсь. Поддамся. Однако его последующие слова расставили все по своим местам, вырвав у меня кривую улыбку. — Сука, сколько же цинизма у папочки...

— Рот прикрой. — Злость разлилась внутри горячим свинцом и явственно отразилась в голосе.

Он усмехнулся и завел мотор.

— Ты куда? — я взялась за ручку, напряженно глядя на него, уже выкруливающего с парковки.

— Покатаемся. Надо немного отвлечься, иначе я тебя точно придушу.

Я, опешив, смотрела на ровный профиль, исходящий холодной ненавистью. Он ехал медленно, километров шестьдесят по крайней правой и молчал, чем напрягал меня все сильнее. Прикурил, и наконец очень спокойно нарушил затянувшуюся паузу:

— Так. Поехали по порядку. Сейчас отключаешь эмоции, включаешь голову и просто слушаешь меня без всяких бабских додумываний, ясно выразился?

Во-первых: тот разговор с твоим папашей. Там только я и только он. Этот разговор был

только для нас. Я с ним разговаривал на доступном ему языке и с учетом того, с какой стороны он меня знает. Этот разговор не должен был покинуть стены того кабинета. Не должен был вообще, это предназначалась только для него. Почему? Подпункт номер один: с учетом того, что было между мной и ним, он никогда бы не поверил, что моя первоочередная задача тебя из бизнеса вывести. Почему? Потому что я пиздил у него мультимиллионные суммы, четыре раза подводил под банкротство и в ответ получил почти пожизненное рабство с оплатой статуса федерального розыска. Как бы очень слаба вероятность того, что он поверит в то, что я к его дочери по человечески настроен. Подпункт второй: если бы я сказал. Ну, на секунду ебу дался и рассказал, что люблю тебя, почему люблю, вопреки чему и прочее. Что сделает папаша? Да тебя, суку, насиловать начнет. В первую очередь тебя. Потому что не поверит, доказательство — подпункт первый.

Во-вторых: «Тримекс». Тоже два подпункта. Намба ван: чтобы внимание отвлечь. Требование отдать мне «Тримекс» отвлечет его внимание. Сюда же вплетаем его мнение обо мне и что получаем по итогу? Правильно — мой закономерный шантаж с тем, что я под хуй тебя подведу, если он не станет подчиняться. Это тоже идеально подходит под его представление обо мне, уж поверь.

Я, помертвев, слушала его слова, прикусив губы и разбиваемая противоречиями. Он свернул в карман остановки и припарковал машину. Ледяные, просто ледяные пальцы повернули мое лицо к нему резко и болезненно. Я невольно замерла, глядя в очень злые, прищуренные глаза, а он тихо почти прошипел:

— Подпункт намба ту: если бы папаша тебя не любил и сказал мне, мол, хуй тебе, а не «Тримекс» призывай антимонопольных псов и катитесь оба на зону. Призвал бы я их? Призвал? Хули ты глазами хлопаешь? Отвечай на мой вопрос, блядь!

— Ты знал, что он так не скажет... — я даже не поняла, что я это сказала.

— Разумеется, знал. Если бы не был уверен, я бы не предложил, блядь! Сука ты ебанутая, ты реально веришь, что я тебя бы под хуй подвел?! Вот скажи мне, ты реально в это веришь после всего? Это манипуляция была! Потому что он не знал, что я в курсе, как сильно он тебя любит! И что уступит в любом случае, потому что считает меня последней мразью способной на такое! Вот на что расчет был блядь с этим шантажом! Я же сказал тебе не лезть! Не вмешиваться вообще в это нахуй! Ты куда сунулась?! Тебе и так не хватает того, что постоянно мордой в дерьмо тыкали? Мазохистка, что ли? Сказал, блять, не лезть. Я твоего папашу знаю, он думает, что знает меня, ты-то куда суешься?

Лисовский откинулся на кресле, выпуская мое лицо из пальцев и прикрыв глаза чуть дрожащими ресницами.

Я сдерживалась. Сдерживала себя из последних сил. Внутри все бушевало. Рвалось. Истязало меня желанием верить и остаться. Отринуть и отречься. Прикрыла глаза дрожащей ладонью.

Он снова влился в дорожный поток. Снова тишина. Дым наших сигарет. Собралась не сразу. Не хотела вообще про это говорить. Глупо желал чтобы на этом все и решилось, чтобы больше не было ничего. Но вопрос бил. Бил чувство вины, стыда, надежды, логики. Он просил отключить эмоции. Ага, блять, сама вон перекашивает, и пальцы держащие руль белые, потому что стиснул так, что сейчас кусок вырвет... Глубоко вдохнув и выдохнув, стараясь, чтобы тон прозвучал ровно, я спросила то, на что уже знала ответ.

— То есть «Тримекс» тебе не нужен?

— Тебе соврать? Или мозг все же включишь?

Я усмехнулась, и отвела взгляд в боковое окно. Конечно, нужен. Господи, на что я только надеялась...

Он свернул к своему дому и припарковался у подъезда. Интересный ход. Не мог же не понимать, что это бесполезно? Я повернула к нему голову и невольно застыла. Взгляд глубок, цепок, слегка ироничен. Без всякого подобия льда. Это мой Лисовский. И мы приехали домой.

Сознание взорвалось, отторгло глупые, снова предательские мысли и почему прорвалось дрожью в руках. Я подкурила не с первого раза, резко отворачиваясь к окну. И услышала его тихий смех:

— Скудоумная-я-я... Сказал отключить эмоции. От «Тримекса», разумеется, я бы не отказался. Он идеально вписался в ситуацию и как прикрытие и как перспектива. Только «Тримекс» я у твоего папаши отбить мог четыре раза и он бы так и не понял каким макаром я это сделал, как и ты бы тоже не поняла. Останавливало только то, что ты не тупая и когда-нибудь дошла бы до мысли, как именно я это провернул. И послала бы меня на хуй, ибо замут хоть и красивый, но грязный и направленный против твоих ублюдков. Какой бы выхлоп не приносил «Тримекс», за него я не готов таким вариантом платить. Иначе мало чем от твоего папаши буду отличаться. Так что да, «Тримекс» мне был нужен, но первоочередная моя позиция — тебя с линии огня увести. За свою спину. Где тебе и место. Однако папаша заистерил, снова дернул тебя на передовую и выставил против меня...

— Он меня в Европу отправить хотел. — Оборвала резко, отвела взгляд прикусила губу, чувствуя, что уже просто не выдерживаю. Откинулась на сидение и прикрыла глаза, успокаивая себя продержаться хотя бы еще немного. Хотя бы чуть-чуть.

— Сама, значит, дернулась? Поздравляю, Ксения Егоровна, вы истинная дочь своего отца. Ты же бы не вышла против меня без оружия в запазухе, да? И что там? Все мои болевые точки, так? Ученик еще не нанес удар, но уже превзошел своего учителя. Я даже догадываюсь, почему ты решила, что можешь сыграть на равных. Твой иск. И моя нулевая реакция, не считая борделя, верно? Дошло до тебя, что я тогда в качестве ответного удара тебя раскатать мог, с учетом того твоего уровня ориентирования, но не стал этого делать. Дошло это? На чувствах решила сыграть? Это у вас семейное, видимо...

Он никак не показал, ни интонацией, ни мимикой. Но я почувствовала. Как сильно по нему это ударило. Он снова закурил, равнодушно глядя перед собой. Такой же взгляд был тогда, в тот вечер, перед встречей с Сергеем и Мариной. Такой же взгляд. Отрешенный. А за ним боль. Только вот привычной для него ответной агрессии на боль не последовало. Что подкосило, потому что я понимала, почему нет этой агрессии. Испытала уже.

Я думала сделать именно так. Сыграть на чувствах. Пребывая в уверенности, что... до всего этого... господи... да что мне делать, блять?!

Всхлип прорвался. Не среагировал. Я торопливо пыталась взять себя в руки, давилась дымом, но меня тупо разрывало изнутри. Потому что я предала уже всех. В том числе и себя.

— Иди сюда, а... — рванул за плечо, вжал в себя и терпеливо сносил мои взбрыки с попытками отстраниться, обзывательствами и истерикой.

Дождлся, когда вымотает настолько что безвольно обвиснув, затихну, уже полностью опустошенная. Впихнул бутылку воды, заставил почти ополовинить. Потянулся к бардачку и достал бумаги.

— Ну так что. Я объявляю капитуляцию, скудоумная. На, блядь. — Впихнул мне в руки бумаги и откинулся на сидении, тяжело глядя в мое растерянное, опухшее от слез лицо. —

Против тебя я идти не стану.

— Это что? — никак не могла сложить буквы в слова, а слова в предложения.

— Мое заявление о выходе из состава учредителей «Тримекса». Подписывай давай, поеду твоему папаше в рожу швырну и братцу пинка дам, чтобы на уши не приседал больше. Ты иди вещи собирай, послезавтра на Бали, вылет в десять по Москве. Пару теплых вещей возьми, погоду смотрел, дождь там обещают. Все, домой пиздуй. И жрать приготовь, через час приеду.

— Лисовский... ты... не поеду я никуда... — абсолютно растеренно посмотрела в его злое лицо.

— Поедешь, сука. Ты со мной поедешь. Или я тебя по частям на Бали повезу. В разных сумках. У меня тут горе, я войну проиграл, меня надо пожалеть. Вот иди нахер домой и готовься. Приеду, будешь меня жалеть. Иди давай, чего рот разинула?!

— Это чего опять расчет какой-то? — всхрипнула я, во все глаза глядя в его лицо.

— Слышь, Пуаро, блядь... Ты уже вон провела расследование так, что я на девяносто шесть миллионов попал, и это я еще минимально прикинул, иди нахер домой, пока я тебя не придушил. Приеду, будешь за каждый рубль натурой платить. До конца жизни. И кольцо чтобы одела, а то гвоздями нахуй прибью. Чего, блядь, сидишь, глаза таращишь?! Время деньги! Иди отсюда я и так с тобой попал во всех смыслах!

— Ром, не надо... я с папой поговорю, не выходи из «Тримекса»... — напугано пролепетала я, глядя как Лисовский просто теряет человеческий облик.

— Сказал, блядь, не соваться вообще! Что ты опять лезешь?! Сунулась уже и я чуть не застрелился! Хватит с меня! Иди домой, сука ты такая!

— Ром...

Он меня послал нахуй на четырех языках и фактически выпинул из машины. Полиглот хуев. Смотрела вслед его машины с визгом и заносом стартовавшей с места и зло утирала тупые бабские слезы.

Приехал действительно через час. Злой, как мегера. Прямо в обуви прошел на кухню достал из холодильника черный ром и стал хлестать из горла.

— Что... там? — неуверенно спросила я, стоя у косяка.

— Ничего. — Метнув на меня злой взгляд, ответил он. — Папаше чуть в глотку не запихнул сраное согласие о выходе из учредителей и сказал, что если еще раз дернет тебя, хоть один раз, глотку всем перережу нахуй. И чтобы к свадьбе готовился морально. И материально. Сука. Где еда? Жрать хочу. Где, блядь, еда? Заебало все... Пошли в спальню, жалеть меня будешь. И отрабатывать.

— Ром, пошли покурим? — сглотнув, неуверенно предложила я.

— Пошли! Хотя хуй тебе, ты не куришь. И не бухаешь. И сидишь вообще молча. И не двигаешься. Никогда. Сука да меня сейчас порвет от злости! Вы мне всю душу выебали, Ракитины! Дай мне сигареты!

Он с громким стуком опустил бутылку на подоконник. Я, вдохнув и выдохнув, подошла к нему

— Ром... — дрогнувшим голосом и обняв его со спины. Сердце у него билось просто бешено.

Уперся рукой в стену и опустил голову, прикрыв глаза. Его чуть подрагивающие пальцы накрыли мои кисти, скрещенные у него на груди. Так простояли довольно долго. Его дыхание почти выровнялось, а сердце забилося ровнее, пусть еще учащенно. Его голос

негромкий и хриплый разрезал тишину:

Умеешь ты, чудо... В пизду, реально думала, что я тебя отдам? Правда? Опять эмоции над мозгами возобладали? Это что же ты обо мне думаешь, если поверила, что я бы тебя засадил? Ладно папаша твой, я годами там над своим образом работал и он в это поверил, это естественно и нормально в той ситуации... Но ты-то куда?

— Прости...

Глава 14

В тот день мой телефон молчал. Я понимала, что больше так продолжаться не может, что у меня крыша съедет. Ромку перекосило от моего предложения поговорить вчетвером. Он по-змеиному улыбнулся и начал мне объяснять, почему именно идея плохая. После трех его предложений все внутри связалось в тугую ком, и я достигла предела. Затрясло, я встав с постели на неверных ногах куда-то пошла. Он перехватил у выхода из спальни, заглянул в глаза и почему-то побледнел. Помрачнел и сказал, что согласен.

Я трусливо сообщила Киру в смс, что нужно встретиться завтра вечером. Он ответил кратким «ок» и меня опять затрясло. Однако, встретились мы гораздо раньше.

Ночью, во втором часу, у Лисовского зазвонил телефон.

Я успела заметить на экране «Кирилл Ракитин» и у меня ошиблось сердце. Ромка мягко отстранил меня и, взяв трубку, ушел в кухню. Я на цыпочках пошла следом и с тревожно колотящимся сердцем застыла у плотно прикрытой двери:

— ...Это я знаю, сразу к основному давай... Е-е-ебаный рот... — в напряженно тянущемся мате Лисовского при разговоре с моим братом слышать шок было непривычно и пугающе. — Куда? Это на Суханова которая? А по поводу водилы что? Есть адвокат нормальный, могу заслать сейчас. Да. С этим я тоже решу, не напрягайся. — Тут я вообще обомлела, почувствовала, как ускорилось сердцебиение и похолодели пальцы. — Ладно, да, сейчас... Ага, конечно, ты совсем меня дебилом считаешь? Все, не кипишуй. Скоро будем.

Я торопливо побежала в спальню. Ромка вихрем ворвался следом и сразу начал одеваться, велел сделать мне тоже самое и разговаривая с кем-то по телефону и называя адрес почему-то торгового центра.

Из квартиры выходили почти бегом. Меня не оставляло предчувствие, что случилось что-то ужасное. Когда сели в машину и он выехал с парковки, я трусливо попросила рассказать, что случилось. Попросила, а сама испугалась. И испугалось еще больше, потому что он не ответил.

Ромка гнал машину по пустому шоссе в сторону центра и молчал. Меня начало мелко потряхивать, потому что уже не осталось никаких сомнений, что что-то случилось.

Он молчал до момента, когда свернул на парковку торгового центра, где ожидал черный Прадо, и еще несколько машин, которые стояли прямо за джипом. Там, рядом с автомобилями стояла группа мужчин, обернувшаяся на подъезжающий Мерин Лисовского. Я думаю, Ромка намеренно остановился отдаленно на абсолютно пустой парковке, и, рывкнув, чтобы я сидела в машине направился к компании. Я приоткрыла окно, но ни черта не услышала, когда Лисовский подошел к ним, поздоровался и стал о чем-то говорить. Они стояли минут двадцать, потом Ромка пошел обратно к машине, и те люди тоже стали разъезжаться. И разбежаться очень быстро. Торопливо, я бы сказала.

Я смотрела на ровный профиль Лисовского уже не скрывая страха. Потому что телефон

Кирилл был отключен. А Ромка молчал.

Мы быстро ехали через центр, когда он, не переводя взгляда от дороги, протянул руку и вслепую сжал мою кисть. На мгновение прикрыл глаза и негромко заговорил:

— Донковцева выпустили. — Я сначала не поняла о ком он, а когда поняла, почувствовала, как внутри все оборвалось. — Два часа назад твой отец заходил домой, где Донковцев его уже ждал. Нанес ему три ножевых. Водитель твоего отца что-то забыл, то ли отдать, то ли сказать, зашел в дом вовремя. Донковцев не выжил, водителю спишем как самооборону. Люди, с которым сейчас виделся займутся этим. Твоего отца в первую горбольницу отвезли. Состояние тяжелое, еще оперируют. Кирилл там, поднимает на уши лучших спецов города. Сейчас сменят операционную бригаду, точнее, должны были уже сменить.

Шок. Состояние спутанности сознания. Не осознала себя и происходящее. Вообще. Меня швырнуло в ночь, произошедшую пятнадцать лет назад. В ад, который начал Донковцев. Предъявивший счет папе за пятнадцать лет строго режима. Ромка сжал до боли мои пальцы, это вроде бы прострелило, но ощущения канули в ураганном смерче полного смятения. Ужаса. Кошмара.

Не поняла момента, когда он сунул мне бутылку с ромом и не прекращая гнать машину фактически насильно подпихнул ее к лицу, заставив расплескать жидкость по одежде и шее с подбородком. Первые глотки как вода, вообще ни вкуса, ни запаха, ничего. Внутри ураган, рушащий сознания абсолютным кошмаром. Ревущим, заставляющим скулить и дрожать давящееся алкоголем тело. А дальше... моменты из памяти выпали.

Фактически вытащил из машины, прижал к себе рывком, заставив больно удариться лицом о свое плечо:

— Ксень, нужно быть сильной. Сейчас. Сейчас нужно быть сильной, мы все переживем, поняла меня?.. Я рядом. Я всегда буду с тобой рядом. Вдохни глубоко, до предела. — Я сцепила стучащие зубы слабо осознавая смысл слов, пытаюсь не дать прорваться ревущей внутри истерике и просто животному, непередаваемому ужасу. — Вдохни. Давай.

Втягивала морозный воздух, расправляющий легкие, дерущий горло.

Снова краткие моменты, затерявшиеся в алых всполохах неопишуемого, терзавшего внутренности кошмара. И разревелась. Увидев брата.

Сидящего в каком-то кабинете на диване, поставив локти на колени и стиснув руками опущенную вниз голову.

Он поднял на меня горящий взгляд, кожа лица абсолютно белая, губы бескровны. Протянул руку, и я на заплетающихся ногах почти побежала к нему. Почти добежала, споткнулась. Подхватил, вжал в себя и вместе со мной рухнул на диван.

— Папа?.. — сорвалось с губ придушенно, с животным страхом. — Донковцев... папа...

— Все... стабильно пока. Тихо, Ксю... — дрожащим голосом зашептал он, кое-как усаживая обезумевшую меня рядом с собой. — Крови много потерял, кишечник задет... какой-то перев... перетор... перетонит. Оперируют. Прогнозов пока не дают. Сказали стабильно.

Стабильно пиздец, видимо.

Кир сжимал меня изо всех сил, только бьющую по мне истерику это никак не успокаивало. Брат был более уравновешен и сдержан, пока нас обоих с неопишуемой силой душил шлейф двадцать шестого февраля две тысячи третьего. Рядом стоял Ромка. Не вмешивался. Это не его апокалипсис, а наш, и здесь Лисовский был лишним. Я пропустила

момент, когда он вышел. Позже поняла почему — мои неконтролируемые слезы и всхлипы, а коснуться он не мог, потому что мне нужен был только Кир, мелко вздрагивающий и прижимающийся губами к моему виску, когда его тоже накрывало животной ненавистью и невыразимым страхом. Мы пожинали плоды двадцать шестого февраля две тысячи третьего. Мы за них платили. И сейчас нас трогать было нельзя.

Смутно все дальше. Алкоголь, напряженная тишина, сигаретный дым. Ромкины пальцы на моем колене и сам он сидящий рядом, пока Кир стоял у окна, уперевшись в подоконник ладонями и опустив голову.

Потом, спустя пару часов слова доктора — стабильно. Стабильно пиздец. Резекция части кишечника. Прогноз пока сомнительный. Переведен в реанимацию. Состояние тяжелое. Без сознания.

Дошли слова не сразу. Взгляд цепанул дрогнувшие губы Кира и я инстинктивно вжалась, втиснулась в Лисовского. Ромка попросил какой-нибудь препарат для меня. Понимал, что я не справляюсь с тем, что жрало изнутри. Я сопротивлялась вяло и недолго, когда он фактически впихнул в меня таблетки. А потом коснулся большим пальцем уголка губ и в глубине серых глаз под налетом просьбы сверкнула ярко и кратко боль. Почти разорвавшая оставшуюся во мне меня.

Дорога, мертвая тишина в салоне Ромкиной машины. Легкая поземка по пустынному шоссе. Моя квартира. Кухня.

Ромка с Киром пили за столом. Почти молча. Говорили мало и кратко. Но без всякого подобия агрессии. Кир сейчас не мог ему ответить, а Лисовский в такой момент никогда не ударил бы по нему. Сейчас и по нему он никогда не ударил бы. Я это знала, на себе испытала.

Наверное, ради вот этого хрупкого подобия перемирия, когда воздух между ними напитывался напряжением из-за совершенно другого вопроса, я бы отдала очень многое. Если бы не знала цену.

Вспомнились слова папы, сказанные тогда, в машине. «Если бы я знал цену...» И сидя тут же в кухне, на диване, под пледом с кружкой кофе я поняла, поняла, сука, истинную глубину и боль этих слов.

Если бы я знала стоимость вот этого ровного друг другу отношения между Киром и Ромкой, я бы предпочла чтобы они и дальше друг друга ненавидели, а самой висеть между ними и принимать на себя удар. Принимала бы каждый их ебучий убийственный удар с большим удовольствием и охотой. Потому что платить такую цену вот за эту протянутую пачку сигарет Кира Ромке и его благодарственный кивок, я не готова была. Никогда в жизни не готова и готова к этому не буду.

Меня долбило и выколачивала бьющая на краю сознания мысль — что, если папа...

Что?

Если?

Папа?..

Мысль билась все ближе, подбиралась ко мне, к тому что было внутри почему-то апатичного тела. Мысль уже раззявила зубастую пасть, но... мир терял четкость Меня медленно, но верно погружало в апатию и сон. Сопротивляться наконец достигнутому пику действиям медикаментам не было ни сил, ни желания. Почти сморило, когда на меня дохнуло слабым ароматом парфюма Лисовского и он поднял меня на руки, унося из кухне, где, наверняка, после этого, начались совершенно другие разговоры.

Ромка растолкал меня утром с трудом. Я открыла глаза, приподняла чугунную голову и поняла весь ужас. Бывает ощущение облегчения, когда тебя мучает ночной кошмар, ты просыпаешься и понимаешь что, слава богу, это всего лишь сон. Здесь было обратное. Я будто бы проснулась и очутилась в кошмаре.

Кир, подтолкнувший ко мне кружку с кофе, когда я вышла из ванной, негромко ответил что у папы пока без изменений. Сказал, что в двенадцать у него еще одна операция, и пока нас к нему не пустят.

Я, сидя за столом, стиснула лицо руками, уговаривая себя сохранить тень разума. Лисовский сказал, чтобы сидела дома, что сам займется «Тримексом» сегодня. Но я понимала, что если не отвлекусь, если не займу себя чем-нибудь, у меня уедет крыша. Кирилл брякнул, что нужно к полицейским и тут же оборвал себя, под убитый вздох Лисовского, сказавшего, что он тупица. Хотела спросить, что он имел в виду, Лисовский, заморозив взглядом Кира, повторил, что брат у меня тупица, я скудоумная, и мы должны оставить решать этот вопрос ему, взрослому дядьке.

Не знаю почему, но я хрипло рассмеялась. Истерика, наверное.

Я отчетливо помню этот момент — когда решила, что нужно отвлечься и настояла, что поеду на работу. Момент обратного отсчета. Адового пиздеца, который морально меня подкосил гораздо сильнее, чем тот вечер, двадцать шестого февраля две тысячи третьего. Я ошибочно полагала, что я на пределе, что я снова в аду. Позже оказалось, что я мало что знала о выражении «гореть в аду». Но это случилось гораздо позже.

Рабочий день в «Тримексе» не задался с самого утра, я вообще ничего не понимала, что именно от меня хотят и чего ждут. Когда напряжение достигло предела и я собиралась на часок уйти перед совещанием, чтобы посидеть в машине в тишине и покое мне сообщили что на входе антимонопольная служба.

Я выронила бокал с кофе и почти не ощутила боли, когда горячие капли окатили мои ноги. Тимур Сергеевич, тершийся рядом со стопками документов, мгновенно набрал Лисовскому и открыв дверь моего кабинета рывкнул чтобы все мчались и задерживали как могли.

Я упала за свой рабочий стол как раз в тот момент, когда в кабинет ворвалась главбух, начальник экономического и юридического отделов, ринувшиеся к моему компьютеру. Чуть погодя примчался начальник службы безопасности.

Как дурной сон. Замедленная съемка, и голоса, что-то вещающего как сквозь толщу воды. Рядом с моим креслом стоял Тимур Сергеевич все еще разговаривающий с Лисовским. Отобрала телефон у секретаря, тут же куда-то убежавшего, и рыкнула очень глупую вещь:

— Это ты сделал?!

— Ты ебанулась совсем?! — Ромка так же зло рыкнул мне в ответ. — Сиди смирно, дуру изображай, я уже еду!

Они все же вошли, три сотрудника антимонопольной и трое понятых. Дали прочитать приказ, с которым я ознакамливалась нарочито медленно. Хотя и не нарочито. После того, как я поняла, почему именно организована проверка у меня ноги едва не подкосились.

Изображать дуру было легко, я из-за смятения действительно мало понимала, что мне говорят. Люди Лисовского держали ответ за меня. Ромка заявился, когда уже копировали информацию с компьютеров и шарились по документации. Я напряженно смотрела на него, негромко переговаривающегося с одним из ФАС, пока его люди, пришедшие вместе с ним,

контролировали процесс. Тянувшийся три часа. И мне не нравилось выражение лица Лисовского, когда снимали копии документов бухгалтерии. Именно те документы, что относились к тендеру. Который на сегодняшний момент был почти полностью разобран и попилен. Почти.

Мне выдали бумагу с перечнем документов, которые я обязана предоставить в течение десяти рабочих дней и удалились. Ромка сидел на краю стола главного бухгалтера и мрачно отдавал инструктажи и приказы окружившей его стае, пока я тупо подпирала стену плечом, прикрыв глаза и пытаясь себя уверить, что все происходящее реально, и так и пытающаяся прорваться улыбка совершенно не уместна.

Потом Ромка дал приказ немедленно выполнять все, что он сказал и махнул рукой мне, направляясь в мой кабинет и одновременно звоня по телефону моему брату.

Кир приехал минут через двадцать. И начался какой-то пиздец. С каждым разом я открываю все новую грань у этого слова. Казалось бы, вот оно дно. Но нет, я его пробиваю... Бесконечность не предел, сука.

Сидя в на диване в своем кабинете я одна совершенно не понимала происходящее. Они безостановочно кому-то звонили, с кем-то переписывались, что-то говорили периодически прибегающему с вопросами и бумагами сотрудникам. Я, сидя на диване рядом с Ромкой, одновременно читающим тучу документов и разговаривающим по телефону, смотрела на Кира, роящегося в компьютере и тоже не отнимающего от уха трубки. Я вообще не одупляла, что происходит и что делать. И мне почему-то было смешно. Впрочем, колокольчики рациональности в голове еще били и подсказывали, что у меня сдают нервы. Что я просто тупо не выдерживаю пока мой брат и Лисовский разгребают то, в чем я вообще ничего, как оказалось не понимаю.

Через час суета более-менее улеглась.

Лисовский тихо выматерился сквозь зубы, перечитывая в сотый раз приказ о проведении проверки. Поднял взгляд на моего брата, что-то быстро пишущего в планере и глядящего на отчеты с бухгалтерии:

— Это не местные и с ними нам не договориться. Это во-первых. Во-вторых, органы затребовали проверку. Пробить, кто именно задал инициативу, вообще не могут. Первый раз такое. Чуешь, чем пахнет, Кирилл Егорович?

— Горелым. — Кирилл метнул на похолодевшую меня быстрый взгляд и снова начал рыться в документах. — Те документы, что они запросили, ты видел список?

— Видел. Три открытых аукциона в электронной форме на общую сумму более трех миллиардов, которые прошли в условиях сговора участников. — Не поднимая глаз от телефона, отозвался Ромка. — Вот в этом и весь цимес. В списке. В ебучем списке.

— Ты ликвидировал те фирмы-участники?

— Не все. — Ромка напряженно нахмурился, безостановочно роясь сразу и в телефоне и в планшете. — Хотя толку от этого мало, руководители там номинальные, их раскусят на раз-два, плюсом то, что люди связаны с «Тримексом» и это окончательное доказательство картельного сговора. Плохо дело, очень плохо. Надо было тебя в гендиры пихать, я бы тебя просто сожрал за недельку и дело с концом. Потом бы опять с отцом твоим бодались и всем бы было радостно и весело дальше. — Снова углубился в телефон, читая бесчисленное количество входящих смс. — Да еб твою мать... Они совсем озверели, что ли... — он кому-то набрал, и говорил забытым мной ледяным тоном. — Миша, вы вообще там с ума посходили, блять? Мне как вот эту хуету понимать?.. — Лисовский прикрыл глаза и

протяжно выдохнув откинулся на спинку кресла. — Это сто процентов? Нет... Нет... я подозревал, но, сука, надежда до конца же живет... Ладно, прессинг не спускайте, как что-нибудь еще известно будет, сразу сообщите. — Ромка положил трубку и прикусил губу, глядя в пол.

— Лисовский? — крайне напряженно позвал Кирилл.

— Дело запустят.

Повисла гнетущая тишина. Я едва подавила смешок. Мне правда весело было. Не знак почему.

— Сколько там выхлоп вышел?.. — Лисовский раздраженно посмотрел на прикрывшего ладонью глаза Кирилла. — Эй, казначей, это же твоя обязанность была за баблишком следить, сколько выхлоп был по аукционам у нас?

— Сто сорок восемь. По последнему. — Кир отнял руку от лица и невидящим взглядом посмотрел в экран ноутбука перед собой. — За предыдущие надо посмотреть.

— Хуевый из тебя казначей. И не сто сорок восемь последний был, а больше. Не важно, мои сейчас все равно сводят все к минимуму, только... не сведут. Сто семьдесят восьмая статья. Размер больше тридцати мультов, а это уже причинение особо крупного ущерба.

— Статья-то... там вроде штрафы и обязательные работы, — мрачно отозвался Кирилл, с неприязнью глядя на Лисовского. — На каком основании уголовка-то?

— То есть со столицы прислали отборных псов, которые тут картель вскрыли, на контакт с нашими вообще не идут, местных сторожевых раком поставили и отдали им команду готовиться. И вот они такие внезапно скажут, ну ладно, чего-то мы тут сильно развернулись, заплатите штраф и воруйте дальше? Ты совсем debil, да? Ты в каком, блядь, мире живешь, тупица? — в ледяном голосе Лисовского отчетливо прозвучали рычащие нотки. — Ты меня слышишь вообще, нет? У нас абсолютно контролируемый рынок, причинение ущерба в особо крупном размере, однодневные фирмы «конкуренты» и картельный сговор, который вскрывают столичные псы, имеющие сейчас всех наших купленных во всех позах и во все щели. Проверку кто инициировал, тупица? Органы, блять! Конечно, сука, штрафом мы отделаемся! Ага, конечно, блять!

А вот тут мне веселиться расхотелось. Дело не в словах, они почему до меня не дошли. Дело в холодной злости Лисовского, в его тоне, отрезвляющей интонации. На меня будто ушат воды вылили.

— Ром, — я просительно тронула его за локоть, но он стряхнул мою руку.

Кирилл только открыл рот, не реагируя на мой предупреждающий взгляд, когда Ромка вдруг застыл, глядя в экран. Одеревенел. И поднял взгляд на Кирилла, заставив того оборваться на полуслове.

Я попыталась заглянуть через плечо Лисовского в его телефон, чтобы понять, что сейчас произошло и произойдет, но экран уже погас и я почувствовала, что даже если бы и заглянула, то подготовиться явно бы не успела. К тем его словам нельзя быть готовой.

— Скажи мне, гнида, — негромко, леденяще произнес Лисовский, глядя в лицо Кирилла, — ты когда договаривался о внезапной проверке антимонопольщиков, о чем вообще думал?

Я помертвела. Не поверила. Не дошло. Нет, смысл я поняла. До меня не дошло то почему мой брат на эту полную дичь не выдал протеста.

Он не сказал, что Ромка ебу дался.

Он не возразил.

Он сидел за моим столом и чуть прищуренно смотрел в глаза Лисовского. Не возражая. Снова пробитое дно. И мой едва слышный смешок, потонувший в словах моего родного брата:

— О чем думал? О том, что отец выведет ее из состава учредителей, а ты останешься. И пизданет все по тебе. Однако, узнав, что ты, мразь, сам вышел, я ситуацию переиграл.

— Переиграл так, что сестра теперь по сто семьдесят восьмой пойдет?

О, как. Заебись.

«Пиздец, что еще сказать. Ладно, разгребу»

Это слова моего брата. Слова моего Кира, сказанные в ту ночь, когда он уговаривал меня выйти из «Тримекса». Я отказалась. Он разгреб. Очевидно, разгреб так, что мне выдвинут обвинение.

По мрачному взгляду Кира я примерно поняла, что там произошло. Он хотел ударить по Лисовскому. Поэтому его два дня не было. Поэтому он так долго со мной разговаривал и уговаривал выйти из «Тримекса». Он видел в тот день Лисовского в «Радоне». С кольцом. Мой брат далеко не дурак, он прекрасно понял, зачем Ромка заявился. А еще он прекрасно понимал, что первым делом папа выведет меня из «Тримекса», не слушая ни меня, ни моих слов.

Кир тогда приехал ко мне и после того разговора, когда понял, что я ему не верю, он решил. Хотя, может еще до разговора решил. Он знал, что после Лисовского, папа выдернет меня из «Тримекса» и там останется только Ромка, по которому можно ударить. А потом я отказалась, папа не стал возражать и Лисовской вышел из «Тримекса».

«Пиздец, что еще сказать. Ладно, разгребу»

Брат был прав. Если бы папа не посчитал, что во всем виноват он. Кир хотел оградить меня, защитить любой ценой, и уничтожить Лисовского.

Один самонадеянный ход.

Фатальный поворот.

Мой брат подписал мне приговор. Мой родной брат.

Я поднялась зачем-то, хотела выйти, Ромка дернул меня за локоть обратно. Может, предположил, что я собираюсь вцепиться в слегка бледное лицо Кирилла, смотрящее на меня с сожалением и досадой. Не хотела. Я вообще ничего не хотела. Мне здесь просто дышать нечем было. И Лисовский положил мне руку на плечи, притягивая к себе к своему плечу, к своему телу. Покровительственно и с однозначным заявлением.

— Скоро поедем домой, потерпи. — Произнес негромко и ровно. Мазнул губами мне по виску, мягко и успокаивающе и его пальцы сжали мое плечо.

Кир скривился и отвел взгляд в сторону. Я повела плечом, чтобы Ромка убрал руку, но он только теснее стиснул пальцы и придвинул меня к себе плотнее. Это почему-то сломало всякую волю к сопротивлению. Я порывисто выдохнула, из последних сил сдерживая желание самой вжаться в него, обнять и зарыться в плечо лицом, чтобы меня не бил под его веянием один простой, но такой страшный факт — я могу сесть из-за своего брата. Из-за того, что он хотел наказать Лисовского. Который сейчас обнимал меня не только, чтобы успокоить, но что бы самому не набить Киру морду, это я тоже отчетливо чувствовала.

— Ты куда полез?.. — Негромко произнес Лисовской. — Я, блять, думаю, откуда повеяло... Переиграл? Кирилл, а как ты переиграл? Подошел к псам, помахал перед жадными мордами жирным куском мяса, а потом сказал, что обстоятельства изменились и пира не будет? Так? Это ты называешь переиграть? Ты о чем думал вообще, когда

награвливал антимонопольную на «Тримекс»? О чем ты думал, когда я вышел из учредителей, а сестра осталась? Ты вообще думать умеешь? Я же при тебе заявление принес, сестра тебе сама сказала, что из «Тримекса» не выйдет... Ты что, действительно полагал, что они отстанут, как только ты скажешь, что ты передумал, и, мол, не ебите «Тримекс», потому что ты передумал? Где блять твои мозги, ебанная тупица? Ксень, иди в машину, мальщ, сейчас поедем. — Он отстранил убито улыбнувшуюся меня.

Не хотела. Вяло махнула рукой и посмотрела в глаза Кира.

Я устала. Я устала от всего. Эмоций не было вообще.

— Нет, я хочу послушать, Ром. Меня заебали ваши полутона и дебилные игры. Я тут на линии огня, и я хочу знать, что происходит. — Откинулась на спинку дивана, прикрыв глаза. Голос ровный, спокойный. — Что произойдет. Потому что мой брат меня подставил.

— Да блять! — В голосе Кира послышались рычащие нотки. — Что вы тут трагедик изображаете? Сто семьдесят восьмая статья, да, согласен, не предусмотрел все. Однако там штрафы и...

— Хочешь я тебе кратко обрисую, что ты натворил? — Резко прервал его Лисовский. — Дело заведут. Уголовка нужна, чтобы прокуратура потом двинула требование о ликвидации «Тримекса». Поскольку я был с ним завязан, меня тоже начнут трепать. Но я два ляма ежемесячно отстегиваю за статус федерального розыска, который обеспечили мне ты и твой папаша. Меня вздернуть за яйца не дадут, потрепят сильно, «Легроим» покусает, но на дно уйти не дадут, потому что я для них кормушка на много лет вперед. А казненный нужен. Знаешь, кого выведут на эшафот, чтобы кормушка дальше продолжала полниться, а столичные псы были накормлены? Знаешь, блядь?

— Меня. — Сказала. И рассмеялась.

— Переиграем...

— Ты переиграл уже, Кир. Спасибо. — Прикрыла глаза, голос прозвучал ровно и отстраненно.

Я поднялась и вышла. В дверь, хотя хотелось в окно.

Папа захотел домой. На седьмой день его состояние все же позволило находиться вне стационара. У нас дома постоянно присутствовали врачи и медсестра. Папино состояние было под постоянным медицинским контролем.

Он не мог ходить. Вернее мог, но ему не позволяли. Питание по особому режиму, выведенная стома, постоянный запах медикаментов и еще четыре операции впереди... Но папа был дома, и он был жив. Это главное.

Я ухаживала за ним, обучалась у медсестер, а папа, бледнее от унижения гнал меня из комнаты. Но его тяготело чувство вины, он был в курсе происходящего, поэтому сопротивлялся моим попыткам отвлечься в помощи, не долго. Папа жив. У папы все максимально хорошо, для того состояния в котором он пребывал. Это главное.

Это гораздо главнее того пиздеца, с которым никто не мог справиться. Никто не мог. Они почти мне не говорили ничего. Однако, догадаться было не сложно. Ну как догадаться... Я подслушивала их разговоры. Те, что велись при мне, особой информационной ценности не имели. Самая веселуха начиналась тогда, когда они думали, что я их не слышу. О, это были очень интересные разговоры. С каждым днем все интереснее. Инсайдеры Лисовского и папы работали на славу — дело формировали и первый выстрел должен быть сделан через два дня. Они даже время знали. И ровным счетом ничего поделывать

с этим не могли.

Ромка меня от себя почти не отпускал. Очень неохотно отвозил к отцу, когда происходило то, где без него обойтись ну уже никак не получалось. Вот и сейчас. Приехал в дом к папе злой, усталый, с темными кругами под глазами... Он почти не спал. И не ел. Круглосуточно висел на телефоне. Я вышла к нему, но он отрицательно мотнул головой и сказал, что ему нужно поговорить с папой. Я усмехнулась и пошла за ним обратно в дом. У двери в спальню отца остановилась, запоздало отметив, что по традиции мне надо было еще у лестницы соврать, что я подожду в гостиной.

— Ой, да заходи уже. — Толкая дверь глухо сказал Лисовский, потянув меня за локоть. — Все равно подслушивать будешь.

Папа хотел возразить, но этот убийственный аргумент и мое краткое замешательство, как подтверждение этих слов, спяли ему губы.

Я сидела в кресле, подобрав под себя ноги и глупо нахохлившись. Ромка стоял напротив кровати папы, оперевшись бедром о комод и сунув руки в карманы брюк.

— У вас появилась идея, верно, Егор Иванович? — Ровно спросил он, глядя в глаза моего папы. — Иначе бы не позвали.

— Появилась. Вот эта вот, завтра утром улетает. Документы сегодня ночью привезут. — Произнес папа, не обращая внимание на хмыкнувшую меня.

Ромка рассмеялся. Тихо и с убийственной иронией.

— Егор Иванович, — задумчиво глядя на капельницу у кровати папы, негромко начал он, — вам колят что-то нехорошее, у вас логика проседает. Я, кажется, рассказал же, кто по наши души пришел, кто и зачем их послал, рассказал даже, как ситуация развиваться будет. Вы мне не поверили, кинули клич своим ищейкам и они вам сообщили то же самое. Сделайте вывод, что произойдет, когда внезапно ваша дочь исчезнет. Знаете, что такое интерпол? Ей уже подписан приговор и если вы это провернете, а уйти ей не дадут, уверяю, вы свою дочь только глубже закопаете. Будьте добры, не генерируйте идеи, пока вы на препаратах. Слава богу, сообразили сообщить.

Я задумчиво смотрела на непроницаемое лицо Лисовского и гадала, сколько я еще выдержу. Гадалось плохо, потому что мешало странное оцепенения внутри, воцарившееся после того самого дня в моем кабинете, когда мой брат признал, что палачей призвал он.

— Если ты такой умный, предлагай варианты. — Папин голос немного отвлек.

— Вот потому что я умный, я Ракитиным ничего не говорю. Научен уже. Благодарствую за бесценный жизненный опыт. Так что не дергайтесь Егор Иванович. И не делайте глупостей — Ромка усмехнулся, прохладно и с особым намеком, отвернулся и взглядом велел мне идти за ним. — Выздоровливайте, доброго вам вечера.

— То есть у тебя есть план? — тихо просила я, спускаясь по лестнице вслед за ним.

— Разумеется. Более того, он почти реализован. Завтра последний этап, все будет нормально. Выход я нашел. — Он сказал об этом так спокойно, так ровно, помогая одеть мне шубу, что я впервые за долгое время поняла... что я так надеялась услышать это.

Сделала шаг к двери. Неверный. Подхватил на руки. Улыбнулся. И я разрыдалась.

Он так ничего и не сказал, как бы я не спрашивала. Под конец я снова тупо разрыдалась, а он прижимал к себе, перебирал волосы и... шутил. Иногда смешно. Но развеселиться моему прогрессивно скатывающему в истерику телу и разуму не получалось. В конце, когда я уже эмоционально обессилила до самого предела, просто сказал довериться. Просто сказал, что он переиграл. Не так как Кирилл. Беспроигрышно.

О, Лисовский сделал. Лисовский переиграл так, что просто ужас брал. И действительно беспронимательно.

Он написал чистосердечное.

Суть которого в целом заключалась в том, что он признал себя основателем картеля и бенефициаром, то есть конечным выгодоприобретателем. Написал красиво, для чего и почему основал «Тримекс», что хотел подставить меня, с пояснением, что является Лисовским, что все его документы фальсифицированы, обозначил схемы распила, предоставил доказательства, транзакции по счетам и свои обнальные фирмы.

Это сказал мне Кирилл, отводя взгляд и не решаясь посмотреть мне в глаза, когда меня начала бить истерика, почему Ромка трубку не берет. Почему в «Легроиме» никто не отвечает. Почему меня из его квартиры забирает мой брат.

Я не знаю, как я не сошла с ума. На мгновение показалось, что все же сошла. Вот появилось такое ощущение какой-то нереальности происходящего. Как будто все вокруг это часть какого-то спектакля и все об этом знают, но думают, что я не догадываюсь. Я отчетливо почувствовала, что салон автомобиля моего брата это просто декорация, открой дверь и поймешь, что там, за пределами его киностудия какая-нибудь. Это дикое ощущение. Просто дикое.

И оно подкреплялось по мере нарастания пиздеца. А он нарастал. Я не знаю... не знаю, как это объяснить.

Села на успокоительные. Ощущение стало меньше, но не исчезло. А пиздец все нарастал. Лисовского закрыли. Меня определили к свидетелям, но на допросы не вызывали. Вообще не трогали, всю информацию я получала от Кирилла. Терпеливо сносившего мое агрессивные требования увидеться с Лисовским, с матом требовала, пару раз с пощечиной. Но в его глазах ясно читалось, что бесполезно.

Колесо Системы было запущено.

Дни и ночи сливались в один сплошной ад В «Тримексе» я не появлялась вообще, хотя вроде бы надо было. Клянусь, я не понимала, что я делаю. Вроде все время дома была с папой, периодически приезжал Кирилл. Папа был в курсе всего, ему становилось лучше, но он мрачнел с каждым днем все больше и на эту тему вообще со мной не разговаривал.

Дома была охрана. Я наивно полагала, что это после покушения. Оказалось, чтобы я не ушла. Мне не дали выехать с территории. Я зашла в папину спальню и, глядя в его глаза, молчала. Он тоже. Я закурила. Он прикрыл глаза и ничего не сказал.

Я сидела в гостиной, смотрела на падающий за стеклом снег и курила. Сегодня вроде бы новый год, или завтра... Как сука, встретишь, так его и проведешь. Я усмехнулась и плеснула в бокал бренди.

Кирилл приехал. Сел в кресло напротив и долго смотрел в мое безразличное лицо.

— Ксю.

— Не вытаскать?

— Нет.

— Охуенно. — Я апатично посмотрела на кольцо на своем пальце.

— Ксю.

— Иди на хуй.

— Слушай меня. Мы пытались. Правда. Но в том его признание пиздец. Ему предъявлено обвинение по восьми статьям. Тебя не выпускали... Ксю, он об этом просил.

Сказал, чтобы не...

— Лезла. Чтобы не вмешивалась. Я всегда порчу его планы. Ага, теперь верю. План бы испортила, когда он решил сесть. За меня. Из-за тебя. Ты ему хоть спасибо сказал, а, Киря? Ты ему хоть спасибо сказал за то, что случайно едва меня не засадил, а он взял удар на себя? Хули молчишь, родной? — Усмехнулась, играя плеском бренди в бокале и чуть склонив голову задумчиво смотрела в напряженное лицо своего брата.

— Здесь дело не во мне, как оказалось. — Негромко ответил он, откидываясь на спинку кресла и отвечая мне долгим взглядом. — Сильным мира сего не нравилось, что «Радон» и «Легроим» теперь не соревнуются кто больше денег даст, чтобы выхватить жирный кусок. «Тримекс» появился и больше мы не грызлись, просто отстегивая столько, сколько они хотят, чтобы куски «Тримексу» падали. ФАС сказали «фас» за неделю до того, как я явился с людьми разговаривать.

Я похолодела с неверием глядя в его глаза. Я знала, когда он врет. Сейчас он не врал.

— То, что Лисовский сделал... Он узнал обо всем раньше нас всех. Он знал, что рано или поздно его тоже на дно потянут и вывел так, чтобы ты сухая осталась. Это, конечно, благородно... Да только вариант первый — его все равно бы задели, и второе... это нормальная реакция, благодарить тут не за что.

— Чего? — Хрипло переспросила я, думая, что ослышалась.

— Ксю... ты себя на его место поставь — твою женщину могут засадить вообще ни за что, а ты можешь на свободе остаться, ну помнут может, ограбят сильно... только она сидит, а ты на свободе, да? Выбор адекватного человека здесь как бы очевиден. Я бы на его месте тоже так поступил. Тут благодарить не за что. За адекватность не благодарят.

— Мне что на это ответить, Кир?

— А ты промолчи.

Не промолчала. Рассмеялась. Смех перешел в скулеж, потому что... всё. У меня всё.

— Сними.

Не подчинилась. Посмотрела на кольцо на безымянном и усмехнулась.

Лисовский совсем не изменился. Мне кинули подачку с барского плеча — позволили с ним встретиться. Не знаю с чьего именно барского плеча, моих родных или Ромкиного плеча, но позволили.

Все было почти решено. Два суда уже позади. И его списали со счетов. Моя семья, органы, какие-то еще фигуры, пытающиеся вытянуть его. Все. Самое ужасное — что Лисовский против этого не возражал. Он принял удар и готов был принять последствия. Когда с меня сошел шок, я начала соображать. И понимать. Что я его не отдам. План был прост до безобразия, но очень, оче-е-ень действенен. Мужчины рановато решили, что знают исход этой битвы. Я еще ход не сделала, а моя очередь настала. Благодарна была за то, что они научили играть меня грязно, когда есть цель. Такая цель, ради которой плюешь на последствия.

Задумчиво глядя на свою ладонь, накрывающую мою вторую руку, чуть повела ею. Свет от люминесцентной лампы под невысоким потолком красиво заиграл на гранях бриллианта и платины.

— Ты дур... скудоумная. Тебе двадцать пять, мне тридцать. Найдешь себе мальчика. — О, он прекрасно отыгрывал этот свой вьевшийся образ глыбы льда. И прекрасно понял, что я не куплюсь, когда я насмешливо фыркнув, откинулась на спинку стула и с иронией

приподняла бровь. Ромка недовольно повел уголком губ и уже с совсем другой интонацией произнес, — слушай, чудо, это сейчас романтика, розовые сопли расставания, препоны романа и так далее. — Выдох сигаретного дыма в сторону и серебро в глазах. — Не давай мне повода. Ты умна, красива, охуенна, ты недолго будешь одна. У меня десятка маячит, и это по минималке. Итог будет один. Нахуй меня мучить? Сними. И забудь.

Усмехнулась. И швырнула кольцо. Почти миллион деревянных звучно прокатились по столешнице ударились о его руку с зажатой сигаретой и остановились на краю стола. Медленно поднялась со стула, неотрывно глядя в глаза цвета предгрозового неба. А там, на дне, быстрая тень горького облегчения. Сука. Так и знала.

Мои пальцы тянутся и цапают кольцо нахлобучивают его на безымянной правой руки.

— Да хуй тебе, Лисовский. — Мрачно выдохнула я глядя в его чуть побледневшее лицо с убито прикрытыми глазами. — Что-то я тебя не узнаю совсем. Вообще не понимаю. Ты чего на себе крест поставил, что ли? Да хуй тебе, я с этим не согласна. Ищи давай себе мотивацию.

— Иди на хуй, дура ебанутая. — Последняя попытка отогнать меня от себя, и я едва сдержала улыбку. — На хуй иди, сказал. Не люблю я тебя. К папаше твоему подобраться хотел, «Радон» нагнуть и отыметь, трахая тебя во всех позах, поняла? Поняла реальный расклад? На хуй пошла отсюда.

— И снова нет. Нет стимула в тебе, Лисовский. — Склонила голову, задумчиво глядя в его лицо. — Сам не нашел, хочешь я тебе его дам?

— Ты совсем ебанулась?

— Так хочешь?

— Ксень... тебе двадцать пять... малыш, не порти себе жизнь. Не порти, прошу. Я сяду. Это сейчас кажется, что все это пиздец романтика какая, а пройдет время... ты здесь, я там... Чудо мое, поверь взрослому дядьке...

Звучная, сильная, до иступления пощечина. Мои дрожащие пальцы цепляют его подбородок, заставляя его лицо повернуться ко мне. Зло выдыхаю, прищурено глядя в потемневшие глаза:

— Ты... сучара... ты из-за меня сядешь. Двадцать пять мне, пятнадцать, пятьдесят, мне похуй. Ты взял на себя удар, который и предназначался тебе, но по ошибке его взяла я. — Сглатываю слезы отчаяния. — Взял молча, чтобы не истерила и не сопротивлялась, гонишь отсюда, отнимаешь кольцо, врешь, что не любишь и не любил, и ты действительно ждешь, что я поверю? Поступки важнее слов. Ты ими все сказал. И чего же ты ждешь сейчас? Чтс поверю? Что отступлюсь от тебя? Никогда. Никогда не отступлюсь. — Краткий миг и моя беспощадная ложь во спасение. — Сука, я беременна от тебя. Захотелось меня так же морально убивать, чтобы отогнать? Ну, чего молчишь-то, козел?

— С... ср... срок?..

— Три недели.

— Ксюш... Прости меня...

Еще одна пощечина. С ненавистью и злостью. Он все еще не понимает. Все еще не понимает!

— Чудо ты мое... Ну-ну... успокойся, моя... Все. Все хорошо. Да хорош меня пиздить, скудоумная!

Прокатило. Стимул появился, это было заметно в серебре глаз.

А потом и в смене адвокатов.

Предстояло самое тяжелое — повторить ложь моей семье. Я около часа сидела в машине возле дома и собиралась с силами. Кирилл позвонил, сказал не дымить так в открытую. Легко так сказал, почти весело. Они списали его со счетов. Придется записать обратно. Я заставляю.

Когда я вошла на кухню, где Кир пил кофе и рассказывал папе перебирающим документы о делах в «Радоне», я села на стул напротив них и негромко, но твердо попросила их уделить мне пару минут. Они напряглись. Понимали, что что-то сейчас пойдет не так. Понимали по моему бледному лицу, и напряженному взгляду в глаза отца. Первым нарушил паузу папа.

— Замуж за него не выйдешь. Не позволю.

И меня вдруг отпустило. Волна горячего протеста внутри смешалась с внутренними страхом и осела пеплом. Я смотрела на него уже очень спокойно, когда негромко проронила:

— Не позволишь? Оставишь внука без отца?

Папа побледнел. Кир, сидевший с ним рядом, убито прикрыл глаза и тихо выругался сквозь зубы. Почему-то повеселило все это. Расслабило окончательно, придало уверенности мне и еще больше спокойствия моим словам:

— Ребенок будет под его фамилией и отчеством. И рожден будет в браке. И он будет знать, кто его отец. Причину того, почему папа в тюрьме, разумеется, не скажу. Когда повзрослеет и сам узнает... Врать не стану. Когда Ромка выйдет, он явно своего ребенка не оставит и препятствовать я этому не буду. Воспротивитесь хоть где-то — не прощу никогда. Здесь же еще одно предупреждение — если с Лисовским «случайно» что-то произойдет, пока он будет мотать срок, моя семья ограничится моим ребенком. Потащите на аборт, хоть заикнетесь — меня больше не увидите.

Ну, последнее было лишним. Но прозвучало очень весомо, этакой точкой. С папы сходил шок медленно. Кир тихо простонал, убито покачав головой, убрал руку от лица и пронзил взглядом таких похожих глаз:

— Ты уверена?

Я достала из сумочки фальшивое заключение врача, за которое утром отстегнула неплохую сумму и положила перед папой на стол. Он смотрел в бумаги невидящим взглядом.

Прости пап, но я его я не отдам. Он заложил свою жизнь и свободу за меня. И тебе придется его принять.

Лисовский Роман Вадимович сел. На двенадцать лет и восемь месяцев. Из зала суда прямо по этапу отправили. Коренастого, рябого мужика. Папа и Кир не спал трое суток и расстались с... килограммами денег, чтобы это повернуть, при содействии местных лиц обремененных властью, избранного Летроимовского зверья, его армии адвокатов и приближенных, ну и Ромки, внезапно очень захотевшего на свободу.

Выйдя из здания суда, я направилась на парковку, чтобы сесть за руль прогретого черного Мерседеса Ромы, гасящегося виски на заднем сидении.

— И как я там? На тринадцать все-таки загремел, да? — устало фыркнул он, встречая мой взгляд в зеркале заднего вида. — Папаша какой молодец, а... как за родного сына переживал. Я думал, все же сорвется. До последнего не верил, уже запасные варианты мутить начал... Все в жизни возвращается бумерангом, ты глянь. Обеспечил мне статус

розыска с последующей данью в два ляма... а теперь я чист, но Егор Иваныч по пять будет отстёгивать, чтобы я и дальше чист был. Добро все же перемогает зло.

Я невесело усмехнулась и обернулась к нему. Ромка устало отсалютовал бутылкой и закурил, но тут же метнув взгляд на меня, выбросил сигарету и закрыл окно. Блять, мне же как-то сказать надо еще про беременность... Впрочем, явно не сейчас. Явно. Я тоже хочу насладиться победой от своей грязной игры.

— Опять фамилию менять... Еще тридцати нет, а я второй раз уже... Возьму фамилию Ракитин. Прикинь, как папаша твой обрадуется? Два сына будет. Буду звать его папочкой.

— Ром... — прыснула я, недоверчиво глядя на него.

— М? А что, хорошая идея же. И тебе с документами париться не надо. — Слабс усмехнулся, прикрывая глаза и протягивая руку, чтобы сжать мой локоть на подлокотнике. — Да ладно, шутка юмора. Я и под страхом смерти эту фамилию не возьму, лучше уж сяду. Так что пользуйся, чудо. Отдам право выбора тебе. Под какой фамилией хочешь щеголять до конца жизни?

Я рассмеялась и потянулась к его улыбающимся губам.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigoed.net